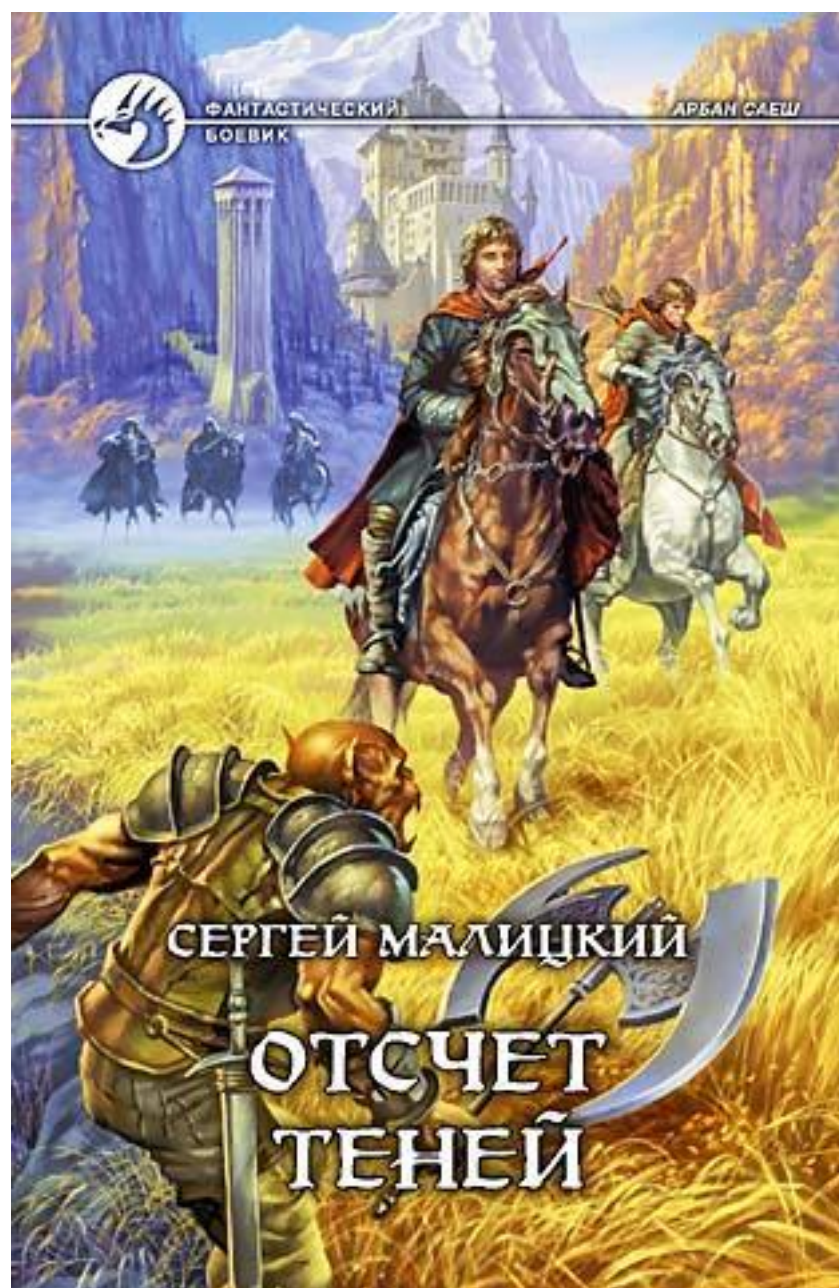

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРБАН САЕШ

СЕРГЕЙ МАЛИЦКИЙ

ОТСЧЕТ ТЕНЕЙ

Арбан Саеш

Сергей Малицкий

Отсчет теней

«Автор»

2006

Малицкий С.

Отсчет теней / С. Малицкий — «Автор», 2006 — (Арбан Саеш)

ISBN 5-93556-771-7

Призраки прошлого оживают, тени обретают плоть, неясные предания обращаются ужасной явью. Некогда поверженные демоны выбираются из убежищ. Арбан Саеш продолжает искать разгадку гибели бога, но еще не знает, что для сражения со злом его придется разбудить.

ISBN 5-93556-771-7

© Малицкий С., 2006

© Автор, 2006

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	51
Глава 7	59
Глава 8	74
Глава 9	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Сергей Малицкий

Отсчет теней

ПРОЛОГ

Еще стояли дымы над последней разграбленной деревней, еще не успела просохнуть кровь на мордах архов, когда глашатаи арданов взревели гортанными голосами. Тут же откликнулись вармики, загремело оружие, захрапели лошади, и третье войско короля Эрдвиза двинулось с места.

– Опять на восток идем! – крикнул радд Клебех.

– Ну и что? – безразлично спросил Пускис, привычно принаравливаясь к походному шагу.

– Если войско возвращается по своим же следам, значит, либо отступает, либо наоборот! – объяснил Клебех.

– Как это – наоборот? – дернулся толстяк Хамм – плежский лесоруб, земляк Пускиса. – Наступаем, что ли?

– Битва! – нервно хохотнул Клебех, звякнув перевязью. – Противник позади отыскался! Может, даже придется сойтись на мечах с салмами! Не вечно же трусливый олень будет скрываться за Волчьими холмами! И то уж надоело рубить дубины и туши увальней шаи! Да и пора бы заполучить в утеху что-то получше лесных баб!

Пускис промолчал. Он не вступал в разговоры. Ждал схватку, чтобы привычно ринуться вперед, не жалея ни чужой жизни, ни собственной. Его так и звали – сумасшедший плежец. И еще Пускис ждал, когда воинов построит перед боем и вармик проедет перед мечниками и нальет в медные чашки дурманный напиток, от которого в голове становится ясно и сил прибавляется вдвое. Один длинный глоток – и огонь, сожравший дом плежского охотника, вновь обожжет сердце. И он, Пускис, опять будет заливать его чужой кровью.

Воины Аддрадда шли на восток, и это значило, что пепелище на месте родной деревни вновь оставалось за спиной. Отдалялось, но не отпускало. Тянуло, ухватив за сердце, в котором не было больше огня. Только ноющая боль ожога.

– Меньше болтайте! – рявкнул, подъехав, вармик. – Точно не скажу, но что-то вроде драчки будет. Болтаир вернулся. Причем один. А если ты заметил, Клебех, то к Силаулису он уходил с охраной. И уж поверь мне, проныра, каждый из его конников стоил дюжины таких, как ты!

– Однако я еще жив, а охранники Болтаира исчезли неведомо куда! – довольно загоготал Клебех. – Предрекал я плохой конец тайным прогулкам по деррским землям! Неужели войско движется мстить за обиженного колдуна? Надеюсь, Тохх утер слезы своему подручному?

– Придержи язык, дурень, – с досадой ударил шпорами коня вармик. – Если Болтаир заплачет, всем нам придется умыться кровью!

Пускис поежился, расправил плечи. Не только вид таинственных колдунов ари, но и разговоры об их силе вызывали озноб. Молодой плежец не доверял ничему, чего нельзя рассмотреть, ощупать руками. Он был приучен с детства к старушечьим отварам и наговорам, но не к магии. Главный колдун одним взглядом сбивал дыхание. Когда Тохх на огромном коне проезжал вдоль строя, плежец ни мгновения не сомневался, что его жизнь может быть задута колдуном, как пламя костра на горном перевале порывом зимнего ветра. А как Тохх управлялся с архами? Чудовища повиновались ему, как северные псы погонщику. Даже сытыми шли в бой. Странно для горного арха, который впадает в спячку, стоит набить брюхо. А эти рвут на части пленников, хрустят костями каждый день, а утром послушно выстраиваются в колонну и

выполняют все команды колдуна, только иногда бросая плотоядные взгляды на марширующую раддскую пехоту.

– Уходим, – пробормотал ковыляющий рядом Хамм.

– Уходим? – не понял Пускис. – Куда?! Разве мы не должны разбить легионы салмского короля?

– Не с такой силой, как наша, – проворчал Хамм. – Нас здесь пять ардов. Кроме этого, конница. Лучники. Отряд нари. Архи. Колдуны эти. Ну пусть всего шесть ардов. Два легиона – по счету Салмии. И большинство ничего не умеет, кроме разорения лесных деревенок. И то с помощью колдовства. С такой силой салмов не взять, а уж если запрут в городах – тем более. Так что или мы и дальше будем грабить деррские деревни, или переправимся через Силаулис и прогуляемся по северным салмским поселкам. Думаю, Эрдвиз попытается превратить нас в воинов. Что ж, может, и получится, если легионы Салмии не доберутся до нас слишком быстро. Главное, чтобы войско на авглов не послали!

– Чем тебя так испугали авглы? – спросил Пускис.

– Пока ничем, – мрачно поскреб подбородок ногтями Хамм. – Но старики говорят, если придется сойтись с авглами на мечах, никто не даст за наши шкуры и кружок серебра. Ты еще, может, и выступишь... против одного или двоих, если это будут подростки. Говорят, что авглы на мечах бьются так, что смотреть страшно! Но самое плохое – на открытый бой не идут! В темноте пережует столько, сколько захотят!

– Ты меня так же шай пугал, – равнодушно отвернулся Пускис.

Темные стволы деревьев казались мертвыми тотемными столбами. Под густыми кронами сумрак не рассеивался даже в середине дня. Ни одного крика птицы или зверя не раздавалось в оскверненном кровью лесу. «Мертвые идут за тем, кто убил их», – вспомнил Пускис слова бабки и огляделся. Позвякивая оружием, чуть слышно переговариваясь, позади и впереди него двигалось войско Аддрадда. «А за кем идешь ты, бабушка? – подумал Пускис. – За кем идут отец, мать, братья, сестра? Как я узнаю, кто разрубил ваши тела? Или правильно говорил вармик, передавая слова Тохха: „Лишь тот свободен как ветер, кто служит собственной мести, не расспрашивая ее ни о чем“?»

Войско подошло к могильному холму к вечеру. Конница и лучники заняли позиции у подножия. Погонщики потеснили в сторону ревущих архов, и вармик начал ставить мечников в ряды.

– Копья получай! – заорал сзади обозный.

– Где ты бродишь, лесной выкормыш? – взбесился командир.

Пускис молча взялся за древко, хотя и был удивлен. Зачем копья, которые нужны при отбое несущейся навстречу конницы, если все их враги – три жалкие фигуры с мечами на изготовку, замершие в нескольких вармах шагов от того места, где стоит он, бешеный плежец, лучший мечник третьего арда.

– Смотри-ка, интересная компания! – прищурился Хамм, обладающий отменным зрением. – Нари, белу и имперский священник в мантии! Никак привел зеленокожего и змееныша на старый могильник, чтобы сосватать в свою веру?

– Тихо! – вновь рывкнул вармик. – Стоим до команды. Хоть до утра, хоть до полудня. Кашеварить сегодня не будем. Так что грызите солонину! Ждем!

– Чего ждем-то? – не понял Хамм.

– Гостей на этом холме, – неохотно объяснил вармик. – Затем осада по всем правилам. С барабанами и магическим обрядом.

– Наши колдуны совсем разум растеряли?! – возмутился Клебех. – Это что? Деррский острог? Каменная крепость? Или перед нами вражеская армия? О чем их предупреждать? Может, еще переговорщиков послать? Трое пеших элбанов! Против них шесть ардов

аддрадских мечников с трех сторон и обрывистый берег Силаулиса с четвертой! И откуда гостям взяться? Копья зачем? Чтобы на холм легче взбираться было?

– За язык тебя однажды и подвесят, Клебех, – сплюнул вармик. – На холме не только эти трое. Там еще и великий маг, которого придется брать живым. Он ушел в холм по тайному пути, но должен вернуться. Ари говорят, что защиту оставил. Если ступим на могильник до его возвращения, маг может почувствовать, не выйдет! А его спутники теперь как в клетке. Ждем. Тохх приказал. Лошадей лучники сняли, на холме высокая трава, поэтому отсюда трупы не видны. Но еще Болтаир сказал, что там притаился огромный пес. Размером с лошадь. С ним даже арх не справится. Отсюда и копия. Еще вопросы есть?

– Да, – подал голос Пускис, провожая взглядом следовавших мимо них нари-барабанщиков и колдунов в высоких шапках. – А если взять живыми не удастся?

– Даже не рассчитывай, дурень! – прошипел вармик. – Тогда тебя прикончит сам Тохх! Да и не думаю я, что наша шеренга доберется до вершины вперед других. Лучше не забивай себе голову. Всю кровь не выпьешь.

Пускис не ответил. Фигуры на вершине холма, скрытые до пояса высокой травой, были неподвижны. Плежец закрыл глаза и замер, прислушиваясь, как легкий ветерок, вобравший в себя запах пота элбанов и лошадей, тягучую вонь архов, гладит его по щеке.

Гости возникли на вершине холма наутро внезапно, словно из воздуха. Крики разнеслись над рядами. Колдуны-ари выехали вперед на лошадях. Лучники поправили строй и наложили стрелы на тетиву.

– Эх, где вы, юные деррки и салмки? – заворчал, разминая затекшие ноги, Клебех. – Хамм, орлиный глаз – толстое брюхо! Приглядишься там, который из них маг?

– Демон его знает, кто из них маг, – приложил ладонь к глазам Хамм. – Алатель у них за спиной. Может быть, худой безбородый старик? Добавились пятеро. Старик, мальчишка, воин в доспехах, горожанин по виду и девка!

– Девка? – оживился Клебех.

– Остынь, – засмеялся Хамм, – тебе не достанется. Только обрывок кожи с ее пятки. Да и то если арх рыгнет во сне.

– Посмотрим, – заворчал Клебех. – Наши первый и второй вармы с сетями впереди. Набросят, а там уж как повезет. Барабанщики!

Пускис вздрогнул от грохота и, подчиняясь ритму, вместе с шеренгой начал переступать с ноги на ногу. Он уже знал, что будет дальше. Под барабанный бой ард воинов способен, не рассуждая, броситься в заполненный огнем ров, чтобы по его трупам вперед прошли следующие арды. Но теперь... Барабаны начинают смолкать?

– Это предложение сдать? – выпучив глаза, крикнул Клебех. – И те, которые на холме, знают! Ни один не двинулся с места. Только одно мне непонятно: отчего нашему Тохху, если он так силен, просто не заставить этих элбанов спуститься вниз? А то ведь, если легион полезет на склон, затопчем некоторых, пока бабу делить будем!

– Думаешь, он не колдует? – возмутился Хамм. – Или не видишь, что восьмерка на вершине окаменела?

Пускис оперся о плечо толстяка, вытянулся на носках. Всадники ари стояли сразу за спинами ловцов, выстроившись вместе с лучниками широкой подковой у основания холма. Тохх сидел на коне спиной к Пускису и медленно вращал разведенными в стороны руками. Плежец прислушался. Сквозь барабанный бой и приглушенное урчание архов доносился полувой-полустон, издаваемый колдунами. Почувствовав противную пустоту в желудке, Пускис поднял глаза на вершину холма и уверился, что восемь фигур по-прежнему неподвижны.

– Не нравится мне все это, – неожиданно бросил плежец.

– Что? – переспросил Хамм, морщась от барабанного гула.

– Все, – угрюмо повторил Пускис. – Если нужно захватить пленника, ловцы идут вперед и набрасывают сеть. Что это за маг, который один может остановить целое войско? К чему эти обряды? Или колдуны ари боятся, что жертвы укроются в сухой траве?

– Почему же – в сухой? – не понял Хамм, вновь приложил руку к глазам и вдруг заорал, призывая вармика: – Хозяин! Трава на холме побелела! Да и под ногами у нас. Белая, как поздней осенью!

Вармик, строго оглядывавший ряды мечников, резко развернул коня, и в это мгновение барабаны смолкли. С немым ужасом Пускис смотрел на застывшие легионы, на замерших с раскинутыми руками ари, на высокий могильный холм, отчего-то вдруг ставший серым. Внезапно одна из фигур на холме взмахнула руками – и сухая трава вспыхнула!

– Демон со мной! – вскричал Клебех. – Девка же сгорит!

– Горожанин! – пробормотал Хамм. – Не старик колдовал. Горожанин. Совсем молодой парень.

– Держать строй! – требовательно крикнул вармик. – Трава притоптана, на нас огонь не пойдет! – И неуверенно добавил: – Может, это наши наколдовали?

– Ага! – разочарованно плюнул Клебех. – Чтобы взять их не только живыми, но и поджаренными? Что там, Хамм? Не вижу ничего за пламенем!

– А я тебе что, колдун, сквозь пламя смотреть? – возмутился Хамм.

– Строй! – донесся яростный вопль ардана.

Пламя начало отступать вверх по склону, оставляя за собой выгоревшую землю. Ловцы растянули сети и, сопровождаемые лучниками, медленно двинулись вперед. И в это мгновение звериный вой раздался по левую руку. Пускис повернул голову и остолбенел. Сломав строй, обезумев, как лесные звери, оказавшиеся в огненной ловушке, архи рванулись в сторону леса, сминая арды и оставляя позади множество трупов.

– Спаси нас Эл! – дрожащим голосом прошептал Хамм. – Архи взбесились!..

Часть первая МЕРУ-ЛИА

Глава 1 ЛЕВЫЙ БЕРЕГ

Где-то внизу поскрипывала деревянная ось. Саш шевельнул рукой, почувствовал слабость, пронзившую тело, открыл глаза. Над головой покачивалось глубокое небо с обрывками облаков. Вдалеке кудрявились раскидистые деревья. Рядом с телегой шел Тиир и довольно улыбался.

– Где остальные? – спросил Саш на валли. – Все живы?

– Все, – раздался добродушный смешок Леганда.

Саш приподнялся на локтях. За телегой шагали Ангес и Линга. Удерживая в руках повод, лошадь понукал Леганд. Мешки, доспехи Тиира и оружие спутников тоже были частью груза скрипучего двухколесного сооружения.

– Я встану! – смутился Саш, но почувствовал головокружение и вновь откинулся на спину.

– Все правильно! – расплылся в улыбке Ангес. – Травник так и сказал, дайте парню вот этот отвар. Выспится, а когда проснется, еще день бежать не сможет. Пусть отдыхает, а то на него обуви не напасешься! Эх, надо было выторговать у шаи, что спасли нас, одну лодку. Хоть часть дороги бы прошли по воде!

– Где Хейграст, Лукус, Дан? – досадуя на собственную слабость, спросил Саш. – Где пес?

– У них теперь другая дорога, – прищурился Леганд. – И скоро ли она сойдется с нашей – неизвестно. Ясно только, что, куда бы мы ни шли, наши пути ведут к одной цели.

– Леганд! – скривился Ангес. – За долгие годы службы в храме Эла мне так надоели торжественные песнопения, что каждое простое слово я готов ценить на вес золота! Нет бы ответить парню, что его друзья живы и здоровы, но срочная необходимость заставила их отбыть в Эйд-Мер. И добавить, что подробнее все расскажешь, когда этот толстый священник уснет или отойдет в сторону.

– Не знаю, как насчет песнопений, а краткостью ты и сам не страдаешь, – заметил Леганд, ловко наклоняясь за блеснувшей в траве красной ягодой. – Всему свое время. И особых секретов от тебя, Ангес, у меня тоже пока нет. И уж совсем точно все, что ты уже слышал, я говорил, зная про твой тонкий слух.

– Ну вот, – раздраженно сплюнул Ангес. – Буду затыкать уши. Но уж если на то пошло, я сам расскажу. Короче, было так. Мы стояли на вершине холма и смотрели вниз. А на равнине выстроились, как посчитал Хейграст, не менее шести лиг головорезов Слиммита – нари, ари и стадо голодных архов в придачу. Нары били в барабаны, ари колдовали и вообще собирались убить нас или еще чего хуже.

– Что – хуже? – не понял Леганд.

– Эх! – махнул рукой Ангес. – Жил бы ты, мудрец, в пределах Империи да ненароком перебежал дорогу какому-нибудь вельможе, сразу бы понял, что есть очень много разного, что гораздо хуже смерти! Но не будем отвлекаться. К холму, значит, подплывали шаи, за которых тебе, Саш, отдельная благодарность, а мы стояли и не знали, как вежливо покинуть наш бугорок, чтобы зрители внизу ничего не поняли.

– Это я помню, – кивнул Саш. – Что было потом?

– Потом? – наморщил лоб священник. – Честно говоря, я уж начал про себя похоронную службу бормотать. Тем более что большая часть нари барабаны за спины закинула, да и сети радды расправили.

– Похоронную службу? – удивился Леганд. – А не ты ли шуточки отпускал, что многовато рыбаков на восемь рыбешек?

– Если я шуточки отпускаю, значит, совсем дела плохи. – С неожиданной резвостью Ангес кинулся за усыпанным ягодой кустиком и с поклоном протянул его Линге. – Когда шутить начинаю, это я так с испугом собственным борюсь. Но, признаюсь, еще больше я испугался, когда ты, Саш, спускаться велел. И не того, что стрела в спину воткнется, а того, что увидел, когда оглянулся через пару дюжин шагов. Восемь элбанов как стояли на вершине, так и остались! И в то же время семеро с холма спускались! А когда я сам себя разглядел, у меня волосы зашевелились!

– Да уж, – кивнул Леганд. – Просто столбняк охватил служителя храма! Хейграст даже подтолкнул его слегка.

– Примета плохая, – нахмурился Ангес. – самого себя увидеть. Это к смерти. Зря я оглянулся. Что за колдовство ты вершил?

– Не спрашивай, Ангес, – прошептал Саш. Воспоминания нахлынули на него, тошнота поднялась к горлу, испарина выступила на лбу. – Если бы я понимал, что делаю... Как я спасся?

– Пес, – неожиданно вмешалась Линга. – Мы уже сели в лодки, когда пламя охватило склоны холма. Аенор заскулил и побежал в огонь. Он вытащил тебя.

– Значит, пес, – задумался Саш, оглядываясь.

– Другое мне непонятно, – словно сам себе пробормотал Леганд. – Почему радды сразу не поднялись на холм? Почему ждали, когда мы вернемся?

Никто не ответил старику. Приземистая лошадка бодро тянула за собой рассохшуюся телегу по плотно укатанному проселку. Пологие холмы чередовались с лужайками, в урочищах зеленели деревья и кустарники. Бабочки и стрекозы сновали над цветущим разнотравьем, невидимые птицы щебетали над головой. Пик Меру-Лиа сиял впереди. Ангес вполголоса переводил разговор Тиру, щедро сдабривая пересказ собственными шутками.

– Скоро полдень? – обратил лицо к небу Саш. – Где взяли лошадь с телегой?

– Подобрали в разоренной деревне, – помрачнел Леганд. – Беда пришла на землю Салмии. Жители снимаются с насиженных мест и уходят к югу. Торопятся. Лошадь старая, да и телегу пришлось подправить, но обычно салмы даже такое добро не бросают. За три дня мы не встретили ни одного из них.

– За три дня?! – поразился Саш.

– А ты как думал? Лучше бы вообще никого не встречать, но... – похлопал себя по животу священник, – трактир бы нам не помешал.

– Согласен, – окинул взглядом горизонт старик. – Но большие селения лучше миновать. Опасность всюду. Думаю, пока мы легко отделались, но вряд ли враг оставит нас в покое надолго. Хейграст, Лукус и Дан с псом пошли вдоль Силаулиса на юг к ближайшему поселку, а наш путь – на северо-восток, к Верхним порогам. Там переправимся через Крильдис. Сейчас он по левую руку, в паре дюжин ли. Затем по краю Холодной степи на север, до ущелья Шеганов. Дорога не будет легкой. Надо бы разжиться лошадьми. Ничего. В первой же пограничной салмской крепости перекусим и отдохнем.

– Сомневаюсь, что салмы прячутся в крепостях! – зло усмехнулся, поеживаясь от налетевшего холодного ветерка, Ангес. – Да и не так легко будет добраться до пограничных крепостей. Чем дальше к северу, тем больше вероятность встретить раддов!

– Именно об этом я и думаю, – оборвал священника старик. – Саш! Способен ли ты чувствовать опасность?

– Опасность? – Саш поймал тревожный взгляд Леганда, с усилием приподнялся и сел. Голова закружилась, и он оперся на руку. – Нет. Я ничего не чувствую. Какая-то пустота внутри... Значит, я лежу в этой телеге уже три дня? Кажется, бессознательное путешествие начинается входить в привычку...

– Слышишь? – натянул повод Леганд, внимательно посмотрел Сашу в лицо. – Там были очень сильные колдуны ари. Одного я узнал точно. Раддами командовал Тохх, верховный жрец высшего круга Адии. Ее правитель. Там же были барабанщики-нари. Никогда прежде нари не стояли в одних рядах с раддами. Похоже, что Адия, Лигия и Аддрадд вместе ухватились за рукоять окровавленного топора. Тохх – страшный элбан. Мне говорили, что он может убить смертного, только поймав взгляд. Не его ли магия свалила тебя с ног?

– Не знаю, – растерянно оглянулся Саш.

В мгновение он отчетливо понял, что теперь неизмеримо более слаб и уязвим, чем тогда, когда покинул тропу Арбана и пришел в себя в окружении Лукуса, Хейграста, Дана.

– Постараюсь вспомнить. Тогда я был слишком сосредоточен. Единственное, что пришло в голову, – зажечь траву на склонах холма. Я подумал, что это позволит нам уйти с вершины. Вот я и... сушил траву. Так же как подсушивал булочку в трактире в Утонье. Не был уверен, что смогу зажечь зеленые стебли. К тому же мне было необходимо удержать наши образы на вершине.

– У тебя это получилось! – воскликнул Ангес.

– Ясно, – хлестнул лошадку вожжами Леганд. – Тохх просто не понял, что ты делаешь. Наверное, колдун, который сжег смараг, нагнал на него страху. Если, конечно, Тохх способен бояться кого бы то ни было. Может быть, поэтому радды и на холм не пошли – ждали, когда мы наружу выберемся? Зато и огонь твой колдуны не смогли потушить, поскольку огонь-то как раз у тебя получился настоящий, а не магический. Я даже думал, что мы не успеем спуститься со склона, – так резво он побежал в нашу сторону. Но неужели не было больше никакого колдовства?

– Было, – нахмурился Саш. – Правда, я постарался закрыться от всего. Зажмурил глаза. Возможно, не заметил бы, если бы армия Аддрадда двинулась на склоны, но что-то я чувствовал. Словно обратился в прозрачную сферу, а на ее границах клубилось что-то черное и тягучее. И в тот момент, когда пламя вспыхнуло, я... коснулся этого облака. Мне показалось, от прикосновения отнялась рука. Это был... ужас! Не что-то ужасное, а ужас в истинном смысле слова. Думаю, подобное колдовство способно обратить в бегство целую армию.

– Точно Тохх, – вздохнул Леганд. – К счастью, эта магия была направлена только на тебя, не то мы упали бы там же, где стояли. Но как устоял ты? Как?

– А я и не устоял, – усмехнулся Саш. – Разве ты не видишь, что я лежу?

– К счастью, этот ужас не подействовал на пса, – вмешался Ангес. – Признаюсь вам, друзья, что, когда с середины реки я увидел у правого берега Силаулиса здоровенную морду нашего милого песика и лицо Саша, я порадовался, как не радовался очень давно!

– Он вытащил тебя за воротник мантии, – объяснил Леганд. – Но если бы магия ужаса попала в цель, ты бы не пришел в себя еще несколько дней. Если бы выжил.

– Она попала в другую цель, – проговорил Саш, вновь откинувшись на спину. – Я... почувствовал в тот же миг, когда коснулся облака, что оно поглотит меня, растопчет, уничтожит. И единственное, что смог сделать, – оттолкнуть ужас в сторону. К счастью, там толпились эти... архи. Они засосали его в себя как сладость. А потом, обуянные ужасом, обратились в бегство сквозь ряды врага.

– Вот! – поднял палец Ангес. – Вот почему не было погони!

– Погоня будет, – невольно обернулся назад Леганд. – Если арды врага стояли у подножия холма только ради того, чтобы захватить тебя, Саш, уверяю, их желание упрочилось. Колдуны

Адии привыкли получать все, что им нужно. Ты можешь заставить их считаться с собой, но никогда и ни при каких обстоятельствах они не откажутся от своих целей.

– Даже если мы были для них случайной добычей? – спросил Саш.

– Знаешь, почему я прожил так долго? – Не останавливаясь, Леганд наклонился и беспокойно оглядел жалобно заскрипевшую на плавном подъеме ось. – Я никогда не верил в случайности.

– Вот оно – снадобье долголетия! – вновь раздраженно сплюнул Ангес. – Осталось только выяснить, каким вином следует запивать это средство. Одного я не могу понять. Судя по всему, ни в сыром, ни в поджаренном виде ты, Саш, не собирался оставаться на съедение архам. На что же ты рассчитывал? Не мог же ты договориться с псом заранее? Или надеялся, что у тебя вырастут крылья?

– Не знаю, – пожал плечами Саш. – Я был уверен, что выпутаюсь. Не могу это объяснить. Я бы и выпутался как-нибудь, если бы не...

– Если бы не потерял сознание! – продолжил Ангес. – Но почему?

– Священник! – поморщился Леганд. – Магия требует меньших усилий, чем служба во славу Эла.

– С этим бы я поспорил! – не согласился Ангес. – К примеру, стояние на коленях с рассвета до полудня на мелком ракушечнике вовсе не такое уж легкое дело. А удовольствия вообще ни на палец!

– Нет, – качнул головой Саш, чувствуя, как холод скользит по позвоночнику вниз. – Сейчас я вспомню. Что-то кольнуло меня в ногу. Едва-едва. Словно я наступил на колючку.

– Стой! – резко натянул поводья Леганд.

Лошадь замерла. Ангес не успел остановиться и ударился животом о телегу.

– Леганд! – воскликнул, поморщившись, священник. – А вывезет ли эта лошадка двоих раненых?

– То-то и дело, что раненых! – вскричал Леганд. – А я, старый дурак, – отвар Лукуса! Проверил одежду и обувь и успокоился. Разувайся, Саш!

Ранка обнаружилась на подошве левой ступни. Четыре крошечных штриха сходились крестиком к бледно-голубой точке. Леганд вытер пот со лба, оглянулся, поймал вопросительные взгляды спутников, тяжело присел.

– Укус? – спросил Ангес. – Но сапог целый!

– Я не знаю зверя, который оставляет такой след, – уверенно заявила Линга.

– Этого зверя зовут Тохх! – мрачно бросил Леганд. – Он запустил огненную змейку. И то, что ты видишь, Ангес, это не след укуса. Это след изошренной боевой магии! А я лекарь, но не маг.

– Сосуды, – внезапно прошептала Линга, приглядевшись к ноге. – Сосуды потемнели. Еле заметно. Ступня и часть ноги. Голень на треть высоты...

Саш вытянул ноги. Левая казалась пронизанной едва различимыми корешками.

– Перетянуть ремнем? – перевел священник вопрос Тиира.

– Нет! – Леганд выпрямился и быстрыми движениями пальцев измерил расстояние от раны до горла. – Если будет подниматься с такой же скоростью, через две недели достигнет гортани. Жгут тут не поможет. Сосуды – только последствия. Змейка в плоти Саша.

– А что будет потом? – тревожно спросила Линга. – Что будет, когда эта... змейка достигнет гортани?

– Это зависит от колдуна, – нахмурился Леганд. – Тохх очень сильный маг. Он может многое.

– А чего он хочет?! – вскричал Ангес. – Леганд, ты так спокойно говоришь об этом, словно снимаешь комнату в постоялом дворе!

– Я должен кричать? – почти прошипел старик, повернулся к Сашу и вновь коснулся его ноги. – Что ты чувствуешь?

– Прикосновение, – смахнул пот со лба Саш. – Только по-иному. Словно через ткань.

– Она отнимает у тебя чувства... – пробормотал Леганд. – Думаю, ты больше не маг, Саш. К сожалению, ворожба на холме поглотила твоё внимание – и ты не почувствовал угрозы. Вот оно – обучение колдовству, которое дополняет природные способности. Огненная змейка – изощренное оружие высших магов. Искрой она мелькает в траве, впивается в ногу, руку – и вот уже твой противник не может исполнить даже простейшее заклинание. Он превращается в обычного элбана. Но вот сосуды... Это другое. Это другая магия. Вряд ли Тохх хотел тебя убить, иначе он сделал бы это мгновенно. Вместе с краснотой может идти полное подчинение колдуну. Рабство!

– Я не чувствую приближения смерти, – закашлялся, нервно сглотнул Саш. – Я вообще ничего не чувствую. Но что-то изменилось. Не могу пока понять – что. Я действительно лишился магических способностей? Поверишь, Леганд, испытываю даже облегчение! Хотя ни рабом, ни мертвым становиться не хочу.

– Даже в этом есть приятная сторона, – грустно усмехнулся Леганд.

– Какая? – не понял Ангес.

– Хейграст был бы удовлетворен! Ты особенный, но человек. Не демон. На демона такое колдовство не действует.

Саш вдохнул полной грудью, свесил ноги с телеги, осторожно спрыгнул. Сделал несколько шагов, прихрамывая.

– Что будем делать? – прервав паузу, спросил Тиир.

– Нужно идти к храму Эла! – воскликнул Ангес. – Светильник спасет Саша!

– Не успеем! – торопливо развязал мешок Леганд. – Ангес, какие у тебя планы?

– О чем ты? – не понял священник. – Приметы приметам, а умирать я пока не собираюсь!

– Не все зависит от нас, – принялся соединять на ладони какие-то мази старик. – Я говорю о дороге. Не мне бороться с колдовством Тохха. Я, пожалуй, смогу затормозить действие магического яда, но ненадолго. В трактате о боевой магии ари сказано, что у колдуна есть одно мгновение, чтобы отсечь себе руку или ногу, которая пострадала от укуса. Об излечении не сказано ничего. Сам Тохх или кто-то более сильный, чем он, может вложить в змейку дополнительное колдовство, но магические способности утрачиваются навсегда.

– И что же ты предлагаешь, чтобы сохранить Сашу жизнь? – надул щеки Ангес. – Вернуться и попросить об этом Тохха?!

– Нет, – покачал головой Леганд, удостоив Ангеса ледяным взглядом. – Тохх великий маг, но я знаю еще троих, которые не слабее. Один из них Дагр. Этот враг страшнее и сильнее Тохха. Второй – хозяйка Вечного леса. Она слишком далеко, и даже мне Вечный лес не обещал бы легкой прогулки. Третий – Лингуд, хозяин Колдовского двора.

– Белое ущелье, – отозвалась Линга. – Колдовской двор там. Это два с половиной варма ли на восток. Больше недели пути на хороших конях.

– Подождите! – поднял руки священник. – Уж не о логове ли горного колдуна вы мне рассказываете? Он проклят священным престолом! Полварма лет назад Империя изгнала его. Он посмел назвать светильник Эла жалкой подделкой! Ты бы еще вспомнил правителя Аддрадда Эрдвиза, он тоже слышит за сильного колдуна.

– Ты можешь говорить мне все, что угодно, – повысил голос Леганд, – но именно в Колдовском дворе нашел приют Лукус, когда, убегая из рабства, перешел через Мраморные горы! Я лишь один раз разговаривал с Лингудом, но уверен: только он может помочь нам. Я намерен спасти Саша! Выбора у нас нет! Поэтому и спрашиваю о времени. Твое возвращение в Империю может затянуться. Мы поворачиваем!

– Понятно, – нахмурился и запустил пальцы в бороду Ангес. – Ты спрашиваешь, иду ли я с вами или отправляюсь на север? Вряд ли ты, Леганд, заинтересован во мне как в воине, значит, в тебе утвердилось намерение попасть в храм Эла. Тут без меня не обойтись. С другой стороны, отправляться к Верхним порогам в одиночку, а тем более путешествовать по Холодной степи – предприятие рискованное. Пожалуй, я останусь с вами!

– Я понял. – Леганд аккуратно собрал мазь с ладони в кожаный мешочек. – Давай-ка, Саш, забирайся в телегу – ни к чему растрачивать силы. Тем более что магии для их восстановления у тебя нет. Еще предстоит выдержать несколько дней путешествия верхом. Как только раздобудем хороших лошадей.

– Где же мы их возьмем? – проворчал Ангес.

– Не знаю, – тяжело вздохнул Леганд. – Эта старушка для скачек не предназначена.

Старик похлопал лошадку по спине, обернулся к Линге и бросил ей мешочек с мазью.

– Садись в телегу. Времени на привалы у нас почти не будет. Трижды натрешь Сашу ногу до колена. Втирай мазь, пока кожа не впитает ее полностью.

– Хорошо, – кивнула девушка, срывая с плеча лук.

В то же мгновение крупная черная птица сорвалась со стоявшего в отдалении дерева и полетела на запад, почти прижимаясь к высокой траве.

– Ракка! – нахмурилась Линга, вставляя стрелу обратно в тул. – Птица из западных лесов. Не должна встречаться здесь. И крупновата что-то.

– Еще бы не крупновата, – стиснул зубы Леганд. – Уверен, каких-то четыре дня назад она носила черное платье и даже ездил верхом! Это колдун, который сжег смараг! Не узнали?

– Зачем мы ему? – удивился Саш. – Хочет отомстить за поражение? Теперь я не представляю для его собратьев ни интереса, ни угрозы. Я даже не почувствовал слежки.

– Не нам судить об интересах Тохха, – задумался Леганд. – И колдун обращается зверем или птицей, чтобы не мстить, а смотреть и слушать. Надеюсь, что соглядатай Тохха не расслышал наш разговор. До него было больше варма шагов. А что касается интересов властителя Адии... Их много. И кроме всего прочего, Тохха уж точно заинтересовал меч, которым были убиты его слуги.

Глава 2

ДЖАНКА И СТАКИ

Дорога до первого салмского поселка оказалась неблизкой. Друзья поднялись с прибрежной полосы песка на гребень низкого берега и пошли на юг. По правую руку нес медленные воды величественный Силаулис, по левую – уходила к горизонту поросшая редкими деревьями равнина, среди высокой травы которой то и дело мелькала морда резвящегося Аенора.

– Надо бы хоть веревку привязать к ошейнику, – предложил Лукус, – а то распугаем салмов до самого Глаулина. Не представляю, как мы войдем с псом в город!

– Почему? – не понял Дан.

– Как бы наместник не натравил на нас королевских гвардейцев!

– Неизвестно, кто еще возьмет верх! – заметил Хейграст.

– И это будет тот редкий случай, когда победа меня не обрадует, – проворчал белу. – Чем мы будем кормить это чудовище?

– Пока ничем, – махнул рукой нари. – По-моему, он охотится на малов – и делает это успешно. Не думаю, что в храме Эйд-Мера его часто баловали мясом, а ведро овощной похлебки в день нас не разорит.

– И все-таки меня больше беспокоит другое... – Приподнявшись на носки и вытянувшись в струнку, Лукус осматривал равнину. – Оставаться незамеченным, путешествуя в компании с подобным зверем, – безнадежная затея.

– Как раз об этом я только и думаю, – признался Хейграст.

– А я еще о том, куда делись стада коз, раммов, табуны лошадей, что обычно заполняли эту равнину? – добавил белу.

– А я о том, куда поплыли шаи и куда Леганд, Тиир, Ангес и Линга понесли Саша, – оживился Дан. – А раммов я вообще не видел никогда. Это что-то вроде оленя?

Белу и нари дружно рассмеялись.

– Ну это любопытство я удовлетворю, – похлопал по плечу мальчишки Лукус. – Раммы действительно что-то вроде оленя, только толще в два раза и медлительнее. Источник молока, сыра, мяса на салмских равнинах. Однороги, которые не боятся ни волков, ни степных кошек. А шаи поплыли на север, вверх по Крильдису. Надеются, что в глухих лесах между ним и Мраморными горами все еще достаточно места для спокойной жизни.

– Там никогда не было постоянного населения, – добавил Хейграст. – Земли хоть и салмские, но уж больно близки они к Холодной степи.

– Кстати! – Лукус по-прежнему не спускал глаз с пса. – Леганд ведет наших друзей туда же. Жаль, что река порожистая. Я был бы более спокоен, если бы старик воспользовался лодками. Караванная тропа пересекает Крильдис у самых Мраморных гор, это место называется Верхними порогами. А там уж по предгорьям к проходу Шеганов, к сторожевым башням. За ними, за оборонительной стеной – Империя. Там сравнительно безопасно... для людей. Но все это потом, сначала старик раздобудет лошадь и телегу для Арбана. Не волнуйся, – успокоил белу мальчишку, – судя по всему, ему просто нужен отдых.

– Хейграст! Зачем ты отдал Леганду медальон Даргона и ключ от Белого ущелья? – повернулся к нари Дан.

– Нам медальон Даргона ни к чему, – ответил Хейграст. – Достаточно подорожной от бургомистра. А ключ от Белого ущелья... Кто знает, как сложится их дорога... Это мы с каждым ли удаляемся от войны, а они могут попасть в самое пекло.

– И все же Леганд знает, что опасней гостеприимства банги может быть только использование ядовитой змеи вместо шейного платка, – нахмурился Лукус.

– Он все знает. – Нарі на ходу обнажил меч, сделал несколько быстрых взмахов и вновь опустил его в ножны. – И то, что, проходя Белое ущелье, лучше заплатить грабительский сбор и идти через перевалы, чем купиться на добрые улыбки карликов и отправиться через подземные галереи. И то, что в Белом ущелье стоит Колдовской двор, где однажды и ты, Лукус, нашел помощь!

– Не все так просто с Колдовским двором, – задумался белу. – И мне помогли только после того, как убедились, что магии во мне нет ни на волос. И в галереях банги Леганд бывал не раз, только всегда один. А когда он один, ты знаешь, его и мышь не заметит!

– Подождите, – удивился Дан. – Чем вам насолили банги? Ангес вот много раз бывал в библиотеке Гранитного города. Да и Дженга вовсе не такой уж плохой элбан!

– Вся проблема в том, что банги до сих пор считают, будто живут в чужом мире, – объяснил Хейграст. – Если хочешь, они заключили с Эл-Лиа временное перемирие. Да, пускают в библиотеку Гранитного города служителей храма. Да, торгуют с Салмией и Империей. Да, некоторые купцы допускаются в сам Гранитный город. Но по мне, так попасть в пещеры банги ничем не лучше, чем в лапы кьердов! А Дженга... Он хороший до тех пор, пока ему выгодно быть хорошим.

– А Друор? Бока? – не унимался Дан.

– Они наемники, – поморщился Хейграст. – Откуда мне знать, они только охраняли Дженгу или служили всем банги? Они могли служить и Империи. Ничего не могу сказать.

– Ладно, – махнул рукой Лукус. – Хотя мы и можем столкнуться с Дженгой в Глаулине, но я бы не стал его опасаться. Ничего, что могло бы его заинтересовать, у нас нет. К тому же теперь мы можем натравить на опасного карлика Аенора.

– Не хотел бы я натравливать пса на кого бы то ни было, – заметил Хейграст, останавливаясь. – Сделаем короткий привал. Думаю, опасность, что воины Тохха переправятся на этот берег, чтобы преследовать Арбана или нас, остается, поэтому не расслабляйтесь. Смотри-ка, похоже, что и пес понимает ари! По крайней мере, он бежит сюда.

– Вот только угощать его нечем, – вздохнул Лукус.

– Этого не требуется! – воскликнул Дан.

Аенор раздвинул грудью траву и, виляя толстым хвостом, способным оглушить нерасторопного элбана, бросил под ноги мальчишке трех придушенных малов.

До первой деревеньки друзья добрались к концу третьего дня, когда Алатель уже собирался коснуться верхушек Волчьих холмов за рекой. Полдюжины домов неровной улицей спускались к берегу, на котором лежали несколько гнилых лодок, болтались на столбах обрывки сетей, пахло рыбой и прелыми водорослями. Ни одна собака не выбежала с огородов, ни один фазан не подал голос из кособоких сараев. Над деревней стояла тишина. Белу окинул взглядом убогие строения, оглянулся на Аенора, послушно идущего за Даном на поводке из тонкой бечевы.

– Сюда! – крикнул Хейграст с берега.

На пропитавшейся рыбьим жиром колоде, поставив босые ноги на ковер из высохшей чешуи, сидел старик. Редкая борода свисала на ветхий халат, затянутый засаленной веревкой. Слепые глаза словно были раскрашены мелом. В последних лучах Алателя на фоне снежной седины лицо старика казалось почти черным.

– Он не понимает на ари, – объяснил Хейграст.

Лукус заговорил на салмском, старик выслушал его, кивая, затем начал говорить сам, покачивая головой и взмахивая ножом, зажатым в тонкой руке.

– Он говорит, что, по слухам, уже пару недель назад в округе появились отряды разбойников и даже архи, – перевел белу. – Сначала ушел к югу их тан, башня которого в дюжине ли к востоку. А неделю назад разъезд гвардии посоветовал жителям тоже уходить или к Лоту, или к

Деке. Их командир сказал, что многие деревни сожжены и разграблены, отряды гвардии ищут врага, но не могут помочь всем. Война начинается. Все жители его деревни ушли. И жители большинства других деревень.

– А он? – спросил Хейграст.

– Он умирает, – объяснил Лукус, – и хочет умереть у собственного дома.

– Спроси, ему нужна помощь, – повернулся к белу нари.

Лукус произнес несколько слов, старик хрипло засмеялся, показал нож.

– Он говорит, что справится сам, – перевел Лукус. – У него есть нож. Сил перерезать себе горло хватит. Если никто его не поторопит, он умрет на рассвете. Предлагает взять его лодку. Она рассчитана на четверых. Отец салмов Силаулис поможет нам.

– Спроси, как его зовут.

– Он не хочет называть имени – зачем ему лишняя нить, связывающая с этим миром.

Хейграст присел возле старика, положил руку ему на колено. Тот протянул дрожащую ладонь, провел по зеленоватому черепу, произнес несколько слов.

– Он сказал: удачи тебе, нари, – перевел Лукус.

– Почему Силаулис – отец? – спросил Дан, когда друзья уже почти в темноте приволокли к воде салмскую плоскодонку и разыскали в сараях весла.

– Силаулис кормит салмов, ограждает их земли от врага, соединяет с друзьями, – объяснил Лукус. – В салмских песнях его называют «отец».

– А река-мать есть? – не унимался Дан.

– Есть, – кивнул белу. – Матерью элбаны называют Вану. Она вытекает из священного озера Эл-Муун и впадает в Айранское море, как и Силаулис. Она шире и сильнее даже этой великой реки, но ее воды наполнены слезами.

– Почему? – не понял Дан.

– Так случилось, – хмуро ответил Лукус, не желая вдаваться в разъяснения. – Стемнело. Объясни псу, что он должен бежать за нами по берегу, а то еще, чего доброго, опрокинет нашу посудинку.

Дан подошел к псу, который все это время лежал недалеко от кромки воды, погладил его по огромной голове, обнял. Пес замер, наклонил голову, а когда Дан попытался сказать ему что-то, лизнул. Мальчишка вытер лицо, дернул Аенора за огромное ухо и пошел к лодке.

– Посмотрим, какой из нари получится моряк, – прошептал Хейграст, сталкивая плоскодонку с берега.

Пес поднялся, подошел к воде, ступил в нее передними лапами и продолжал внимательно следить за уплывающей лодкой, пока не исчез в прибрежных сумерках.

– Успокойся, – тронул хлопающего глазами Дана за плечо белу. – Он все еще стоит и смотрит. С ним все будет в порядке, не волнуйся!

– Надеюсь, с нами тоже, – прошептал Хейграст, осторожно опуская весло в воду. – Говорите тихо, ночью над водой каждый звук разносится на многие ли.

Словно в ответ откуда-то с правого берега донесся далекий волчий вой.

– В первый раз за долгие дни я чувствую себя в безопасности, – заметил Лукус, укладываясь на дно лодки.

– А я нет, – пробормотал Хейграст, поднимая глаза к звездному небу. – Ведь нари – это не рыба. Ложись, Дан. Я буду дежурить первым. С псом ничего не случится.

Мальчишка кивнул, чувствуя накатывающую усталость, лег возле Лукуса и под шуршание воды о борта заснул. Хейграст выгреб на середину реки, сложил весла и замер, всматриваясь в темноту. Когда горизонт в стороне оставленной деревни осветился заревом пожара, нари будить друзей не стал.

Дан проснулся от бьющих в лицо лучей. Он поднял голову и со стыдом понял, что хотя Алатель еще не оторвался от горизонта, но сумрак уже тает, и сквозь туман, ползущий над водой, проглядывает день.

Опять проспал всю ночь! Мальчишка виновато шмыгнул носом и сел на корме. Лукус и Хейграст гребли. Лодка плавно бежала по середине реки. Левый пологий берег скрывался в тумане, а на правом к самой воде подбирались утесы Волчьих холмов.

– Успокойся, – хмуро подмигнул мальчишке нари. – Придет и твой черед. Мы оба успели отдохнуть. Если понадобится, тебе еще придется постоять на страже.

– Что случилось ночью? – только и смог спросить Дан.

– Две деревни миновали, – вздохнул Лукус. – Они горели. Да и деревня, где мы взяли лодку, тоже, скорее всего, сожжена.

– А пес?

– Не знаю, – покачал головой белу, – не видели. Зато видели плывущие трупы людей, шаи. Не меньше трех дюжин. И еще увидим.

Дан, наклонившийся, чтобы глотнуть воды из реки, замер, выпрямился и потянулся к бутылке.

– Из реки пить больше нельзя, – кивнул Лукус. – Если хочешь есть, возьми что-нибудь в мешке. До Лота останавливаться не будем.

– Что это? – протянул руку Дан.

Ему показалось, что в разрывах тумана, ползущего над водой, мелькнули какие-то фигуры. Словно берег был рядом. Хейграст перестал грести, выпрямился. Подул легкий ветерок. Дан осторожно привстал, разглядывая неизвестных. Зайдя по колено в воду, у берега стояли два арха. Они следили за лодкой, медленно поворачивая головы. Ужас сковал мальчишку. Ноги задрожали, и он медленно опустился на скамью.

– Архи словно околдовывают свои жертвы, – негромко пояснил белу. – Как шеганы перед прыжком. Если арх почувствовал тебя, ужас обеспечен. А уж если поймал взгляд, пойдешь к нему в пасть, не раздумывая.

– И ты? – глухо спросил нари.

– Я нет, – хитро прищурился белу. – И ты нет. Пожалуй, и Дан не пошел бы. А вот сын аптекаря Кэнсона поплелся бы без возражений. Я вспоминаю Арбана. Когда он в первый раз увидел арха, его буквально скрутило на скале. Не знаю, как я его удержал. Но это не было ужасом или испугом, хотя ему показалось именно так. В нем проснулась какая-то ненависть, злость. Я очень был обеспокоен тогда.

– А теперь? – спросил нари, не отрывая взгляд от исчезающих вдаль чудовищ.

– Теперь тоже, но по-другому, – ответил белу. – Я волнуюсь за Арбана.

– За то, что он доберется до светильника, загадает желание и отправится восвояси? – поинтересовался нари.

– Никуда он не денется, – махнул рукой Лукус. – Эл-Лиа не отпустит его.

– Мы еще встретимся с ним, с Легандом, с Тииром? – спросил Дан. – С Ангесом, с Лингой... Когда найдем Рубин Антара!

– Свидимся ли? – задумался Хейграст. – Должны. Не здесь, так в Садах Эла.

– Я бы не спешил туда, – прошептал Лукус.

– Посмотрим, – вздохнул нари. – Там, – протянул он руку на юго-запад, – Эйд-Мер, в котором творится неизвестно что. Там Индаин, в котором скрывается не только Шаахрус, непостижимым образом здравствующий со времен Черной смерти и сохранивший камень, но и где уже давно командует Орден Серого Пламени. Много ли у нас надежды на удачу?

– Удача не любит, когда ее имя треплют слишком часто, – заметил Лукус. – В той же стороне Лот, и через пару дней мы там будем. Давай говорить о близких целях. Тогда, глядишь, и дальние станут близкими.

– Попробуем, – кивнул Хейграст, погружая в воду весло. – Хотя одно мне все-таки так и не стало ясно.

– Что? – не понял Лукус.

– Как Арбан сумел поразить четверых архов в Волчьих холмах?

– Он их убил мечом! – с усмешкой ответил белу.

– А! – скривил губы нари. – А я-то думал, что он надавал им щелчков!

Лот открылся на третий день, когда Алатель поднялся в зенит и начал неспешный бег вниз по небосклону. Сначала мелькнул один парус, потом другой. Проявилась россыпь лодок. Ушли в сторону, становясь пологими, Волчьи холмы. В плавный изгиб Силаулиса вонзилась стрела деревянной пристани. Донесся гомон прибрежного рынка, затем показался и сам рынок, а над ним – склады, торговые ряды, мастерские; чуть повыше – дома, убегающие улицами на взгорок, и деревянная крепостная стена. Лодка скользнула днищем по песку и уткнулась носом в темный от воды настил. Заскрипели доски, и над головой Хейграста появился высокий, улыбающийся толстяк шаи в суконной мантии с вышитым оленем на животе.

– Кто, откуда, куда? – неторопливо прогудел гигант и, почти не сгибаясь, почесал рукой колено.

– Вот, – протянул нари подорожную бургомистра и махнул рукой в сторону спутников: – Я Хейграст, со мной Лукус и Дан. Мы из Эйд-Мера. Ходили к Мерсилванду через Заводье, но едва не заплатились головами. Войско Аддрадда достигло могильного холма. Хорошо еще, твои сородичи из клана Древесного Корня переправили нас на салмский берег Силаулиса. Думаем добираться обратно в Эйд-Мер по реке.

– Я не местный, – пробурчал шаи, – с юга. Северные кланы мне незнакомы. А о войске Аддрадда тебе следует доложить мастеру гарнизона. И чтобы вопросов не возникало, давайте сюда руки.

Хейграст, а за ним и Лукус с Даном протянули шаи ладони, и тот приложил к ним перстень. Дан разглядел силуэт оленьих рогов и вопросительно поднял глаза.

– Магия, – многозначительно прошептал шаи. – Пустяковая, правда, но не смоемся еще недели четыре, а то и месяц! Похващаешься в Эйд-Мере, если быстро доберешься, что путешествовал по Силаулису. В Глаулине тоже приложат штампущку. Там печать красивее будет, олень во весь рост! Можете отлучиться и на рынок, за лодкой присмотрю. Пара медяков меня устроит. Валу мое имя.

– Спасибо, Валу, – кивнул Хейграст и обернулся к Лукусу: – Сходите с Даном к мастеру гарнизона да по рынку пройдитеесь. А я покручусь тут на пристани. Надо бы посудинку замесить. Возьмите подорожную.

Лукус критически осмотрел Дана, прихватившего с собой лук и нацепившего на пояс меч, взял мешок, намереваясь заглянуть на обратном пути на рынок, и пошел в сторону крепости.

Рынок оглушил мальчишку шумом, но Лукус окинул торжище тревожным взглядом.

– Втрое уменьшился, – заметил белу, когда друзья ступили на пологую лестницу и направились между складов к крепостным воротам. – А уж парусов у пристани было в прошлые времена не две-три дюжины – впятеро больше. В праздники вообще к берегу не подберешься... Война. Бежит народ к югу, я думаю. Только от войны не убежишь.

– Стойте! Куда собралась? – грозно окрикнул друзей долговязый стражник, поцарапанные, покрытые ржавчиной латы которого красноречиво свидетельствовали, что их обладатель большую часть времени служит подпоркой столбам и заборам.

– Охранник с пристани Валу направил нас сообщить мастеру гарнизона важные известия, – помахал подорожной Лукус.

– Оно понятно, – проворчал стражник и попытался почесать грудь, сунув под латы широкую ладонь. – Мне другое неясно, демон им всем в глотку, зачем в такую жару стоять в полном

облачении? Вы бы об этом лучше мастера спросили! Только нечего к нему толпой шлаться. Малец пусть здесь подождет.

Дан хотел оскорбиться пренебрежительным обращением, но тут же увидел в трех дюжинах шагов, как несколько юнцов, явно гордясь новыми рубашками с вышитыми оленями, упражнялись в стрельбе из лука, пытаясь попасть в изготовленное из прутьев чучело. Пожилой легионер, шаркая по вытоптанной траве босыми ногами, терпеливо ходил от одного к другому и показывал, как надо держать лук, как доставать стрелу из тула, как накладывать ее на тетиву и какими пальцами прихватывать. Дан подошел ближе и, выждав, когда рассеянный взгляд старика остановится на мальчишке с луком через плечо, вежливо спросил:

– Я вижу, что ты учишь этих молодых воинов стрельбе из лука, а не знакомо ли тебе имя Форгерн? Я слышал, что есть такой учитель стрелков в Глаулине.

– А кто ты такой, чтобы спрашивать меня о чем-либо? – недовольно шевельнул седыми усами старик. – Или думаешь, что, надев на плечо лук, а на пояс меч, которые ты, скорее всего, стащил у собственного отца, можешь рассчитывать на вступление в королевскую гвардию?

– Он думает, что в королевской гвардии не хватает хороших лучников, – весело заявил самый высокий из учеников, который только что заработал внушительную оплеуху, в очередной раз промахнувшись в чучело с пяти дюжин шагов. – Имей в виду, парень, что таких малышей, как ты, сначала учат два года чистить латы, потом два года натягивать лук, а потом уже стрелять с расчетом, что на пятой дюжине лет они смогут попасть, к примеру, вон в тот столб!

Дан повернул голову и увидел в варме локтей деревянный столб, под которым, опершись на секиру, дремал еще один охранник. И, понимая, что не стоит отвечать на глупое подначивание, но уже ловя щекой ветер, мальчишка сдернул с плеча лук, порадовался, что стрела словно сама легла на свое место, натянул тетиву до щеки и отпустил. «Звяк», – ответила секира, пригвожденная к столбу стрелой, которая прошла через металлическую завитушку, изгибающуюся от лезвия к цевью.

– Судя по всему, ты уже очистил доспехи и научился натягивать лук? – спросил у молодого стрелка Дан, наблюдая, как проснувшийся охранник, озираясь, пытается оторвать секиру от столба. – Старайся, а то к пятой дюжине лет обучения не научишься попадать даже в это чучело.

– Не стоит испытывать судьбу без нужды, – пробормотал старик, награждая обескураженного юнца очередной оплеухой. – Ничего, со временем всякая дурость проходит. Правда, глупость остается. Зачем тебе Форгерн? Думаешь, он сможет тебя еще чему-нибудь научить?

– Он мой дядя, – вздохнул Дан. – Последний родной мне человек. И на гвардию я не рассчитываю. Только на то, чтобы сказать ему, что я жив. Познакомиться с братьями и сестрами, если они у меня есть.

– Что же, – ухмыльнулся старик, – стреляешь ты неплохо. Похоже, что у Форгерна это в роду. Только ведь он уже не учит стрелков. Староват стал. Ходит в караул, внуков нянчит. Так что у тебя не только братья и сестры, но и племянники и племянницы. При случае передай ему привет от Гарика из Деки. Когда-то он и меня учил! А найти его легко. Прямо от пристани поднимайся в гору, бери левее королевского замка и спрашивай слободку шестого легиона. Там Форгерн всякий знает.

– Хорошо, – улыбнулся Дан. – И привет обязательно передам. А что ему привезти в подарок, Гарик?

– Горшок деррского меда, и он будет счастлив, – рассмеялся Гарик. – Старик всегда был неравнодушен к сладкому. Купишь в Глаулине. Там он даже дешевле, чем здесь.

Дан довольно кивнул, закинул лук на плечо и собрался уже идти к столбу за стрелой, как почувствовал прикосновение. За спиной стоял высокий воин в доспехах салмской гвардии и, улыбаясь, протягивал ему стрелу. Мальчишка бросил взгляд на столб. Стражник уже успокоился и вновь задремал.

– Ты сделал бы честь любому легиону Салмии, – сказал воин.

Дан вздрогнул. Холодом повеяло на него и от улыбки этого человека, и от его глаз. Да и латы казались на нем словно приклеенными. Руки торчали из-под коротких наручей. Поножи едва прикрывали голень.

– Спасибо, – сказал мальчишка, забирая стрелу.

– Сдерживай себя, – вдруг стал серьезным человек и быстрым шагом пошел вдоль крепостной стены.

– Кто это был? – спросил, подходя, Лукус.

– Не знаю, – пожал плечами Дан. – Я навел справки о дяде, попробовал выстрелить в цель. А этот принес стрелу.

– Что-то он мне не понравился, – нахмурился белу. – Показался знакомым. Ну ладно, сейчас идем на рынок, запасемся едой, затем поищем Хейграста. Нечего тянуть. И так зря время потратили, ничего нового мастеру гарнизона я не сообщил. Да и сам ничего не узнал.

Хейграста у лодки не оказалось. Более того, мешков в ней не было, а вместо них сидел низкорослый салм и подгонял на старое место новую скамью.

– А где хозяин? – недоуменно спросил Лукус.

– Я теперь хозяин, – расплылся в улыбке салм. – А стручка, который мне это продал, ищите на пристани. Думаю, он сговорился насчет лодочки побольше!

– Что значит, стручка? – поинтересовался Дан, следуя за Лукусом вдоль берега.

– Не обращай внимания, – махнул рукой белу. – Только пример с таких вот шутников не бери. Не каждому это по нраву. Люди любят давать прозвища друг другу и другим элбанам. Словно простого имени недостаточно. В Салмии нари зовут стручками, шаи – лесными людьми, белу – змеенышами, банги – железными горшками. Да и себя не щадят. К примеру, салмы зовут дерри – лесными котами. А дерри салмов – круглоухими.

– Ну и что в этом плохого? – не понял Дан.

– Назови Хейграста стручком, сразу увидишь, – пожал плечами Лукус. – Вот только кто бы еще подсказал, где его искать?

– Я подскажу! – прогудел за спинами друзей Валу. – Посмотрите-ка на эти черепушки и скажите, которая вам больше нравится?

Дан окинул взглядом пришвартованные к пристани суда и почесал затылок. Небольшие одномачтовые корабли перемежались внушительными лодками, в каждой из которых можно было перевезти не менее дюжины элбанов и приличное количество груза.

– Вот эта? – осторожно предположил Дан, ткнув пальцем в болтающуюся у самого берега лодку с выгнутыми носом и кормой.

– Не скромничай, – засмеялся шай. – Стаки! Счастливчик! А ну-ка оклики своего зеленого хозяина!

Сидящий на носу самого большого корабля старик с седой косой встрепенулся, помахал рукой и что-то крикнул. Над бортом показалась голова Хейграста.

– Идите сюда! И не вздумайте отсыпать медяков этому доброму малому! Он свое уже получил!

– А я разве прошу доплаты? – обиделся Валу.

– Вот, – довольно повел рукой Хейграст. – Теперь это наш корабль. Настоящая ангская джанка. Годится и для реки, и для моря. Три дюжины локтей в длину, семь локтей в ширину, высота борта два локтя, осадка – полтора.

– Сколько раз продавец повторил тебе размеры кораблика, прежде чем ты выучил их наизусть? – поинтересовался Лукус.

– Достаточно, – успокоил белу нари. – И уж поверь мне, прежде чем я отдал за этот дом на воде дюжину и еще восемь золотых наров, я приценился к полудюжине других судов! Заметь, парус косой! Это очень удобно! Почему? – повернулся Хейграст к старику.

– Можно идти при боковом ветре, – улыбнулся старик и спросил в свою очередь: – А где же ваша лошадь?

– Какая лошадь? – не понял Лукус.

– Как же? – недоуменно обернулся к Хейграсту Стаки. – Нари искал корабль, чтобы на нем можно было перевозить живую лошадь. Я сразу предложил свою джанку. Правда, лошадь придется подвязать за брюхо, в трюм она не влезет...

– Успокойся, Стаки, – рассмеялся Лукус, – лошади не будет. Если только большая собака.

– Да хоть варм собак! – махнул рукой Стаки. – Ими можно набить весь трюм.

– Кто будет ею управлять? – спросил белу, ударяя по палубе каблуком.

– Я нанял Стаки, – бодро ответил Хейграст. – За четыре золотых, два из которых заплачу ему в Шине, а еще два в Индаинской крепости.

– Значит, две дюжины золотых, – покачал головой Лукус. – Стоимость полдюжины боевых коней. Или целого табуна обычных. Отчего продал джанку, старик?

– Я уже говорил, – вздохнул Стаки. – Взял груз ткани до Лота, но тут теперь не до пошива рубах. Все сдал по дешевке. Да и моряки мои меня бросили. Последние деньги им отдал. А мне еще за ткань рассчитывать!

– Считай, что тебе повезло, – постучал ногой по скошенной мачте Лукус. – Я бы снизил цену на полдюжины золотых. Но раз куплено, значит, уже куплено.

Старик расплылся в улыбке, и Дан понял, что тот продал бы джанку и за меньшую сумму.

– Готовимся к отплытию! – торжественно провозгласил Хейграст.

– Эй! – послышалось с пристани.

Дан оглянулся и увидел незадачливого стрелка, который протягивал глиняный горшок.

– Возьми, – попросил парень. – В обмен на стрелу. И не обижайся на меня. Это мед. Настоящий.

– Зачем тебе стрела? – удивился Дан.

– На счастье, – улыбнулся стрелок. – Может быть, она расскажет остальным моим стрелам, как найти путь к цели?

– Возьми, – протянул стрелу Дан.

Хейграст и Лукус взяли шесты и оттолкнули джанку от пристани. Корабль замер на мгновение, затем шевельнулся, медленно отошел от берега, поймал течение и поплыл.

– Вот, – принялся объяснять Стаки Дану. – Это рулевое весло. Эта ручка называется румпель. Садись сюда и смотри, что я буду делать. Не волнуйся. Я продал твоему другу хороший корабль. Теперь мне понадобится полгода, чтобы построить новый.

– А сколько дней понадобится нам, чтобы добраться до Индаинской крепости? – спросил Дан.

– Месяц... или два, – ответил Стаки. – Если повезет.

– А если не повезет? – не понял Дан.

– Не повезет? – удивился старик и тут же рассмеялся. – Только не со мной. Я счастливчик! Меня все так зовут.

– Слушай, – коснулся плеча мальчишки Лукус, – этот человек подходил к тебе?

Дан поднялся. Берег медленно отплывал в сторону. На пристани стояли стрелок и Валу, а выше, между рынком и складами, на коне сидел воин в салмских доспехах.

– Кажется, да, – кивнул Дан.

– Где-то я его видел, – задумался Хейграст. – Давно, но видел. Не по лицу узнал. По тому, как он шел по берегу, как забирался в седло.

– И я видел, – прошептал Лукус. – И кажется мне, это было недавно.

Глава 3

СВЕТИЛЬНИКИ ЭЛА

Чем дальше спутники углублялись в пределы Салмии, тем явственнее становились приметы надвигающейся беды. Среди начинающего густеть перелеска то и дело попадались покинутые дома, а то и небольшие поселки. Поля маоки были заброшены и кое-где уже потравлены диким зверем. Со стен редких крепостей и укрепленных домов сельских танов за равниной следили настороженные взгляды вооруженных охранников, и путникам отказывали не только в лошадях, но и в гостеприимстве. На дорогах все чаще встречались конные разъезды салмских стражников. Они окружали друзей и, требуя подорожную, с подозрением поглядывали на Тиира, угадывая в нем воина. Леганд без лишних слов показывал оставленный Хейграстом медальон Даргона и коротко рассказывал о путешествии по деррским землям. Это успокаивало латников. Как-то ночью командир одного из патрульных отрядов присел к костру, выпил поднесенную ему чашку ктара и предупредил:

– Будьте осторожны. Не меньше арда конников на днях переправились через Силаулис у могильного холма. С ними были две дюжины архов. Да еще два арда раддской пехоты ушли к Верхним порогам по берегу Крильдиса. И конники с архами словно растворились на равнине! Разлетелись на мелкие отряды! Кроме этих лесов, им укрыться негде. Легион уже вышел к нам на помощь из Глаулина, но не дело гвардии гоняться за тенями! Один из отрядов мы спугнули сегодня днем в той стороне. – Воин протянул руку на запад, помолчал. – Они кого-то ищут. Те отряды, которые жгли поселки по берегу Силаулиса, мы уже почти разгромили. А эти уходят от столкновений, избегают даже хуторов. Впрочем, салмов севернее Деки почти не осталось. Слухи распространяются быстро. Никто не желает участи дерри. Крестьяне собирают скарб и уходят за Кадис. Переправа в Деке в варме ли к югу работает день и ночь. Война пришла на землю Салмии. Мои конники хорошие стрелки, но в отряде уже ранены трое, убиты пятеро...

Леганд молча поднялся, взглянул в сумрак, где всхрапывали и переминались лошади, развязал мешок:

– Возьми, воин. Эта мазь поможет излечить раненых, не даст начаться нагноению. Нам нужно добраться до Белого ущелья. Может быть, твой путь лежит туда же?

– Мое имя Орд, – вздохнул стражник, подбросил на ладони кожаный мешочек, крикнул что-то по-салмски в темноту, обернулся к Леганду: – Я не могу сопровождать твой отряд. До Белого ущелья путь неблизкий. Тем более пешком. Но у вас медальон Даргона. Король не разбрасывается личными знаками. Возьмите вот этих лошадей. Оставьте их в Белом ущелье. В крепости у Колдовского двора заправляет мой приятель Гейдр. Передайте ему наилучшие пожелания.

Из темноты появился смуглый авгл в салмских доспехах, сунул в руки растерявшемуся Тиiru поводья лошадей и исчез. Леганд обернулся к Орду, но и его уже не было. Стук копыт затих в сумраке.

– Отлично! – обрадовался Ангес. – Опять же деньги сберегли. С ума салмы посходили! В Империи незнакомым бродягам лошадок не раздадут!

– До Империи еще нужно добраться, – заметил Леганд. – Ты, друг, помоги-ка Тиiru закрепить на лошадках мешки. Телегу придется бросить, а старушку нашу так и вообще отпустить на волю. Может, повезет ей вернуться к своему хозяину. Линга! Гаси костер. Прогулка и так не была увеселительной, а теперь тем более о безопасности придется забыть. Конечно, это не чащи дерри, но и здесь опасность может оказаться внезапной. Как ты себя чувствуешь, Саш?

Саш поежился, натягивая на плечи одеяло. Вот уже два дня он пытался разбудить в себе уснувшие способности. Облегчение почти сразу сменилось ощущением пустоты. К нему доба-

вилась постоянная слабость. Покраснение поднялось выше колена. Нога еще слушалась, но Саш ее почти не чувствовал. С трудом поднявшись, он постарался взглянуть в темноту:

– Что это за Дека?

– Дека? – потер виски Леганд.

Линга залила костер водой, угли зашипели, исторгая мутный пар, и на фоне темных деревьев и черного неба, затянутого низкими облаками, старик показался согнувшейся над болотом птицей.

– Дека – городок на этой стороне Кадиса. Небольшая крепость, две лиги жителей, большой рынок. Единственный паром на всем течении Кадиса от Белого ущелья до Глаулина.

Старик замолчал. Линга отошла к лошадям. Ангес и Тиир уже знакомились с животными. Принц придирчиво осматривал упряжь, копыта, а священник втолковывал Тииру, как все это называется на ари.

«Так мне и надо, – подумал Саш. – Возомнил себя магом! Что легко найти, так же легко и потерять!»

Он почувствовал странную злость к самому себе и тут же упрямо мотнул головой, разве его путь по тропе Арбана был легким? Так вроде бы не потерял он еще умения обращаться с мечом? Стоило пальцам невзначай коснуться рукояти, словно застывшая музыка начинала струиться по сосудам.

– Зачем мы идем в Империю? – повернулся он к Леганду. – Зачем Хейграст, Лукус и Дан отправились на юг? Что мы можем сделать против армий врага? Тем более теперь. Вы все еще рассчитываете на меня? Я чувствую себя беспомощным.

– Значит, Тохх добился того, чего хотел, – поджал губы Леганд. – Если ты чувствуешь себя беспомощным! Однако руки твои не отсохли, и чудесный меч все еще у тебя за спиной. Ни Хейграст, ни Лукус не владеют магией. Неужели ими движет ощущение собственной беспомощности? А Линга? Тиир?

– Ты хочешь пристыдить меня, – понял Саш. – Не о той беспомощности я говорю. Все ждали от меня волшебства. Друзья надеялись, что в моих силах спасти Эл-Лиа. Теперь я обыкновенный элбан. Допустим, что хозяин Колдовского двора действительно сохранит мне жизнь. Но что дальше? Неужели мы идем в Империю, чтобы в свете Эла я исполнил свое желание вернуться и исчез?

– А Тиир? – поднял брови Леганд. – О нем ты забыл? Но я понимаю, о чем ты спрашиваешь. Тебе нужна ясность. Так вот, ясности не будет. Или, точнее, сомнения окончательно не рассеиваются никогда. Послушай меня, Саш. Однажды, когда большая зима начала отступать, в устье Ваны я встретил Арбана. Он бродил между холодных протоков и радовался как ребенок каждой травинке. Я был знаком с ним и раньше, но не встречал много лиг лет. С того самого года, когда прекратил свое существование прекрасный Ас. И вот Эл послал мне эту встречу... – Старик замолчал на мгновение, поднял глаза к темному небу, тихо рассмеялся: – Представляешь? Эл-Айран, пробуждающийся от долгого сна. Теплый Алатель над головами. Светлый демон, который прыгает по скользким камням и смеется. Светлый демон неотличимый от человека. Ничто не предвещало тогда ни Черной смерти, ни сегодняшней беды. Но именно в тот день Арбан сказал мне, что тучи сгущаются даже тогда, когда Алатель сияет на безоблачном небе. Он рассказал о многом. Но главным было одно. Арбан и сам не знал, что он должен делать. Он сумел вернуться в Эл-Лиа вопреки воле богов, но, оказавшись среди льдов, едва не проклял собственную судьбу. Мир, который требовал его участия, показался ему погибшим. Арбан был в растерянности. Но долгие годы испытаний и скитаний научили его довольствоваться заботами о текущем дне. Он думал над болью Эл-Айрана, но жил как обычный элбан, которого волнует крыша над головой, огонь в очаге, еда на ужин. Он сказал мне, если ты не видишь большой цели, найди себе цель близкую и простую и иди к ней. Потом осмотришь и двигайся дальше. Хотя это и не мешает ломать вечерами голову над загадками

мира. Сейчас наша цель – сохранить тебе жизнь. Затем мы пойдем к храму. Ты спросишь, верю ли я, что в Империи по-прежнему исходит лучи Эла один из светильников? Не знаю. Но если светильник Эла ищет Илла, он будет там, и мы должны опередить его. Если Рубин Антара ищет Валгас по указанию Инбиса, рано или поздно тот или другой доберутся до него. Поэтому Хейграст, Лукус и Дан отправились в Индаинскую крепость, чтобы опередить противника в его поисках. Мы должны делать все что можем, а затем жизнь сама подскажет нам, куда двигаться дальше.

– Что мы можем? – горько спросил Саш.

– Многое! – жестко сказал Леганд.

– Послушай, Леганд! – вмешался подошедший Ангес. – Вы разговариваете о таких интересных вещах, что я не могу делать вид, что затыгиваю упряжь. Когда я переписывал по заданию святого престола свитки в книгохранилище Гранитного города, мне часто попадались имена демонов и древних богов. Конечно, тогда я относился к древним летописям как к сказкам, но в последнее время многие из этих сказок кажутся мне действительными событиями. Арбан-Строитель, который создавал город Дьерг в Дье-Лиа и пирамиду Дэзз, еще сравнительно недавно, оказывается, бродил по долинам Эл-Айрана. Страж ворот Дэзз великий демон Илла и сейчас где-то в Эл-Айране. Теперь ты говоришь об Инбисе. А Тиир совсем недавно узнал, что ненавистной башней в его королевстве владеет Лакум. Что-то перемешалось в моей голове. В какое время мы живем? Или завтра я узнаю, что и боги все еще бродят по Эл-Айрану? Что происходит? Весной из земли лезет трава, а осенью землю застилает снег. Алатель встает на востоке, а садится на западе. Меру-Лиа вонзается в небо на одном и том же месте. Всегда элбаны убивали друг друга, останавливаясь только, чтобы передохнуть и размножиться. Ничего не меняется. Отчего древние легенды оживают? О какой загадке ты говоришь?

– Загадки все те же! – воскликнул Леганд. – Убийство Аллона над источником сущего! Уничтожение мира Дэзз! Возвращение демонов в закрытый богами мир!

– Подожди! – поднял руку Ангес. – Насколько я понял, если не все из этих загадок разгаданы, то по многим из них разгадка стала ближе, чем раньше! Да, боги не уничтожали мир Дэзз. Да, Бренга нет ни в садах Эла, ни во владениях Унгра. То есть его нет среди мертвых! Но что ты знаешь о развоплощении бога? Я много слышал рассуждений в храме Эла среди почтенных сановников о том, что бессмертие детей Эла как раз и заключается в их смерти и последующем путешествии в водах сущего, но никто из них не пытался осознать возможность действительной смерти. Полного развоплощения! Растворения сознания! Может быть, Бренга просто больше нет? Может быть, он уничтожен вместе с миром Дэзз? Боги этого не делали? Что ж, эта часть загадки останется неразгаданной. Она никак не влияет на Эл-Лиа. Возвращение демонов в закрытый мир? Чем огорожен Эл-Лиа? Изгородью? Любая изгородь от времени ветшает. В ней обнаруживаются дыры и проходы. В одну из них пролез Арбан-Строитель. В другую Илла. В нее же протиснулся волею Эла и Саш. Может быть, и Лакум с Инбисом, чьи имена мне попадались в свитках банги, нашли свои лазейки. И не только они, если горит арка ворот в Ари-Гарде и элбаны из Дье-Лиа захватывают Дару! В чем здесь загадка? И, наконец, убийство Аллона! Я уже понял, что это сделал не Бренг. Ты сам объявил то, что вы узнали на Острове Снов. Это сделал кто-то, у кого нет имени. Что с того? Если бы меня родители никак не называли и у меня не было бы имени! Дай мне талант изображать других элбанов, и я мог бы прикинуться Бренгом и поднять меч над головой Аллона.

– Мог бы? – уперся жестким взглядом в священника Леганд.

– Зачем мне это?! – возмутился Ангес.

– То-то и оно – зачем! – воскликнул Леганд. – Только ослепленный местью бог мог сделать это!

– Разве боги мстят друг другу? – спросил Саш.

– Они ничем не отличаются от других элбанов, – прошептал Леганд. – Разве только их мудрость и сила неизмеримо больше. Но и ненависть их огромна! Если бы мы получили ответ, что Аллона убил Бренг, все было бы намного проще! Все ниточки бы сходились, все было бы ясно. Но это сделал кто-то сумасшедший, без имени, сравнимый с богами. Кто-то способный поставить на грань уничтожения все сущее! Кто-то у кого не было причин ненавидеть Аллона!

– А у Бренга были? – прошептала в сумраке Линга.

– У Бренга? – задумался Леганд. – Не знаю. Будь на месте Бренга обычный элбан, я бы сказал, что да. Но не мне судить бога. Бренг мог ненавидеть Арбана. А уж при виде украденного светильника эта ненависть усилилась бы. Но даже и в этом случае так поступить с Аллоном мог только безумец.

– И все-таки мне непонятно, отчего отсутствие имени так пугает тебя, Леганд? – воскликнул Ангес. – И почему Бренг мог ненавидеть Арбана?

– Отсутствие имени? – Леганд опустил лицо в ладони, растер щеки, глаза, вздохнул. – Я не смогу ответить на этот вопрос. Но если этот безымянный не Бренг, тогда лиги лет назад в пределы Эл-Лиа вторгся неизвестный демон, чья сила сравнима с силой бога! Возможно, он канул в безвестность. Не знаю. Но если после убийства Аллона этот демон остался жив, его сила безмерна! Мне не дано заглядывать за грань времен, когда и Эл-Лиа была всего лишь ярким образом в замыслах Эла. Я не знаю, какие боги были изгнаны за грань мира в те времена и кто из них мог вернуться. Это рассуждения о невозможном.

– О чем же тогда нам рассуждать? – удивился Ангес.

– О многом! – выпрямился Леганд. – Если Аллона убил кто-то в обличье Бренга, а в то же время Бренг или его двойники штурмовали Ас и Дьерг, значит, бог Дээз мог быть там или там. И уж убийство Аллона точно совершалось по сговору с ним! Хватит разговоров, пора спать. Двинемся в путь, едва лучи Алателя осветят Меру-Лиа!

– Леганд... – попросил Саш. – Хотя бы коротко. Расскажи. Отчего Бренг ненавидел Арбана?

Старик вздохнул. Оглядел замершие в сумраке тени Саша, Линги, Тиира, Ангеса. Перевел взгляд к привязанным поблизости коням, которые настороженно шевелили ушами, прислушиваясь к голосам новых хозяев. Допил остывший ктар.

– Хорошо.

– Я не буду углубляться в историю миров Ожерелья, – неторопливо начал Леганд. – Скажу лишь, что происходило все это в первую эпоху, когда пришедшие из Эл-Лоона боги и валли уже построили на берегу священного озера Эл-Муун прекраснейший город Ас. Ас Поднебесный назвали его. Уже проснулись и потянулись к свету знаний ари в Эл-Лиа, банги в Дээз, люди в Дье-Лиа, нари и шаи в Хейт и белу в Мэлла. Начали строиться города ари в долине великой Ваны.

На склонах огромного плато самых высоких гор Дээз был построен величественный Дээз-Гард. Банги сложили его из черного базальта, вознесли до небес башни замка Бренга. Дээз-Гард оказался самым грандиозным из всех городов Ожерелья миров, но уступал красотой Асу. Его называли городом руко-творных ущелий и вершин. И хотя Дээз-Гард строили трудолюбивые карлики, но все помещения и все двери в этом городе были построены с учетом роста самых больших из всех элбанов – валли. Часть Дээз-Гарда располагалась внутри скал, уходя в их толщу бесчисленными залами и тоннелями.

В горной долине Дье-Лиа близ величественного хребта руками людей был поднят прекрасный Дьерг. Он не мог сравниться величиной с Дээз-Гардом, а красотой с Асом, но обладал непостижимым изяществом, которое смягчало самое суровое сердце из посетивших его. Даже те паломники, которые восхищались храмами Аса, стремились вернуться к покорившим их зданиям Дьерга. Ступенями высокие дворцы и роскошные усадьбы поднимались по скло-

нам гор, и казалось, что стены этих строений так же непоколебимы, как и сами горы. Вечным называли этот город люди. Главным его творцом был Арбан – светлый демон Дье-Лиа. Именно Аллон – бог Дье-Лиа назвал его Арбан-Строитель.

– У нас рассказы о древнем Дьерге и о вторжении воинств Бренга в Дье-Лиа считаются сказками, – негромко сказал Тиир. – Я верю легендам, но нет теперь такого города в Дье-Лиа.

– Так же как Аса и Дэзз-Гарда вместе с удивительным миром Дэзз, – кивнул Леганд. – Но тогда, в первую эпоху, строители возводили свои здания навечно. Далее я попробую прочесть на память строки из книги Арбана, которую восстановил Саш. Прости уж, Ангес, за невольную напыщенность, но именно так записывались деяния древних.

«...На шестой варм второй лиги первой эпохи Бренг пришел в Ас, вновь узрел бесконечное совершенство его образа и предложил построить ворота, чтобы не только бессмертные существа могли переходить из мира в мир, но и смертные, ибо не видевший вечной столицы Эл-Лиа не может сказать, что он приобщился к мудрости. И согласились боги на строительство, но сказал Эндо, бог Эл-Лиа, что проходы не должны быть свободными, так как смешение народов может привести к распрям и ссорам. Поэтому каждый смертный должен приходить в Ас в сопровождении светлого демона, валли или ингу, которые следят за неприкосновенностью мира и спокойствия. Нахмурился Бренг, но согласился. А Мнга, влекомая заботой о растениях и живом мире, сказала, что коль будут такие ворота, то у каждого прохода должен быть страж, так как необдуманно ввезенные семена растений и животные из одного мира в другой могут причинить неисчислимые беды. И с этим Бренг согласился.

И строительство началось. За два варма лет в прекрасном Асе на берегу озера Эл-Муун при впадении в него реки Аммы поднялась белая пирамида с четырьмя воротами по сторонам света. И когда пирамида была закончена, отблеском света Эл-Лоона небесный огонь зажегся на ее вершине. И сказал Эндо, что огонь будет пылать на вершине пирамиды, пока не осквернит его зло. Нахмурился Бренг, поскольку посчитал обидным, что кто-то видит то, что недоступно ему. Но Эндо продолжал говорить и вознес руки к небу. И назвал пирамиду – престол Эла. И открылись ворота, через которые ари могли попасть во все миры Ожерелья, а смертные из иных миров – прийти в Эл-Лиа. Вскоре подобные ворота были сооружены в каждом из миров. Но самыми прекрасными воротами, напоминающими арку, сплетенную из каменных ветвей и цветов, оказались ворота в Дье-Лиа. Их построил Арбан-Строитель, который немало времени провел на сооружении престола Эла.

И встали у ворот стражи, которые стали хранить спокойствие соединенных миров в Ожерелье Эл-Лиа.

Стражем в мире Дэзз, куда вели северные ворота, стал Илла. Стражем в Дье-Лиа, куда вели западные ворота, – Арбан. – Леганд помолчал несколько мгновений и торжественно произнес: – И стал престол, и открылись ворота, и воссиял огонь на вершине престола. И вошли иные народы в мир Эл-Лиа, и восхитились городом Ас, и стали учиться и внимать словам мудрости. И было это на исходе восьмого варма ли второй лиги первой эпохи...»

– Ведь Эл вручил власть над Эл-Лиа именно Эндо? – робко нарушила наступившую тишину Линга. – Отчего имя этого бога не упоминается ни в преданиях, ни в служебных песнопениях?

– Память распределяется по делам, а не наоборот, – недовольно пробурчал Ангес.

– Эндо был мудрейшим из богов, – покачал головой Леганд. – Он ушел из Эл-Лиа, вверив ее валли и ари, еще до гибели Аллона. Кто знает, если бы Бренг и Аллон, а также все демоны последовали его примеру, может быть, до сих пор пылал бы священный огонь на престоле Эла.

– В храме Эла среди младших служек в ходу поговорка, – пробормотал Ангес, – если бы зимой распускались цветы под лучами Алателя, а летом падал снег, то зимой было бы лето, а летом зима.

– А вот тут ты, скорее всего, прав, – усмехнулся Леганд. – Но я продолжу. «...Прошли еще четыре варма ли, и закончилась вторая лига первой эпохи. В дни начала третьей лиги Бренг объявил о желании построить престол Эла в мире Дэзз. Но валли отказались участвовать в строительстве, говоря, что престол Эла может быть только один. Бренг же считал, что количество престолов Эла нисколько не умаляет величия Аса, и престол необходимо построить, поскольку свет Эл-Лоона хотят видеть все элбаны, а не только счастливицы, посетившие Эл-Лиа. И тогда он предложил возглавить строительство стражу ворот Дье-Лиа, поскольку был поражен его искусством. Арбан согласился. Глаза его загорелись, когда он слышал о поставленной задаче. Призвал Бренг в помощь Арбану искусных мастеров банги, а так как работа обещала быть тяжелой, то и подчинил строителям древние существа Дэзз, жившие в глухих ущельях и укромных долинах, скрывавшиеся в глубинах пещер. Так в истории появились архи, каменные черви и многие другие создания, которые впоследствии принесли неисчислимые страдания мирам Ожерелья Эл-Лиа.

А между тем многие элбаны приходили в Ас и постигали тайны наук и ремесел. Обучившиеся возвращались в свои миры, их сменяли новые, и свет знаний распространялся по всему Ожерелью Эл-Лиа. И оказались банги наиболее восприимчивы к наукам о металлах и камнях, сочетая в себе кропотливость и усердие с умением проникать в суть материалов и предметов. Бренг разыскал в пределах сущего осколки Чаши Жизни, и под его руководством мастера банги выковали прекрасные светильники. После этого Бренг поднялся на престол Эла, подхватил ладонями языки пламени Эл-Лоона и заключил их внутрь божественного фарлонга. И унес светильники в Дэзз, поклявшись, что они осветят более прекрасное творение, чем престол Эла в Асе. И было этих светильников числом пять.

Бренг сдержал клятву. Поднявшийся в Дэзз-Гарде престол оказался более величественным, чем престол в Асе Поднебесном. Окружая пирамида идеальным конусом вонзалась в лиловое небо Дэзз. Была она сложена из черного камня, но банги обработали его так, что она казалась свернутой из огромного зеркала. Прекрасные ворота, заключенные в арку из неостывающей лавы, вели в Эл-Лиа. И согласился Бренг, что творение Арбана превосходит престол Ас, только огонь Эла не горел на его вершине. И обратился Бренг к Элу с мольбой зажечь огонь на вершине черной пирамиды. Но ничего не ответил Эл. И тогда пришел в Дэзз Эндо и сказал Бренгу, что огонь Эла не будет гореть на черном престоле, поскольку помыслы Бренга не к Элу были направлены, а к тщеславию и зависти. И не об Эле думал Бренг, а о том, чтобы повергнуть Эл-Лиа большей красотой и могуществом Дэзз. И глубокая печаль была в словах Эндо, поскольку он предвидел падение Бренга в бездну зла.

Но Бренг все еще оставался богом света, пусть и смущала его копившаяся в нем беспричинная злость. Поэтому он ничего не ответил Эндо. Вместо этого он поместил на черный престол пять чудесных светильников с искрами света огня Эла и призвал всех элбанов приходить в Дэзз-Гард, чтобы учиться ремеслам и наукам, в которых сильны были Бренг и кудесники банги, и жить в этом городе и служить ему. И многие откликнулись на его призыв, потому что велика была еще мудрость Бренга, и он не отказывал никому. Воистину чудесен был Дэзз-Гард. Даже многие ари пришли к нему. Только Арбан отказался быть хранителем черного престола, потому что уже тогда он не любил никому подчиняться и чувствовал тяжесть, которая копилась внутри Бренга. Арбан вернулся в Дье-Лиа. Хранителем престола стал Илла, страж северных ворот.

И становился Дэзз-Гард все прекрасней, сияли божественными искрами светильники Эла, но все еще не было пламени Эл-Лоона на вершине престола, и это омрачало Бренга. Не поверил он словам Эндо. Решил, что причина всего источник сущего, который находился в Эл-Лиа, а не в Дэзз, а не то, что темны были его помыслы во время строительства. Но Бренг скрывал досаду, лишь только трудился все настойчивее во имя процветания мира Дэзз.

И преисполнился мир Дэзз чудес и диковин, так как мастера банги достигли высот ремесла, искусства и магии, и радовался Бренг, глядя на прекрасный Дэзз-Гард с высоты башен своего замка. Радовался, но помнил, что если сияние Дэзз напоминает сияние алмаза, то сияние Аса – это небесный свет. И думал об этом Бренг, и сердце его пропитывалось недовольством. И пошел он в иные миры, ближние и дальние. Он смотрел и запоминал, учил и учился сам, и во многих мирах его называли учителем. Он приводил в Дэзз удивительные создания, которым находил место для жизни в узких долинах, и никто не знал, какие планы лелеет Бренг относительно этих существ. И видел Бренг, что огромные пространства Эл-Лиа мало населены, поскольку все внимание Эндо было поглощено долиной Ваны, а прекрасные ари жили долго и увеличивались числом медленно. И замыслил тогда Бренг недоброе. Призвал он Арбана, вновь польстил его мастерству и предложил задачу, которая была бы по плечу лишь богу: перестроить ворота в Дэзз-Гарде, стражем которых стоял Илла, так, чтобы через них можно было пройти в любой мир. И не только туда, где находятся ворота этого мира, но и в любые места по выбору стража. Подумал Арбан, огляделся, увидел, как прекрасен Дэзз-Гард, сколько элбанов постигают науку и искусство в его стенах, и согласился, заручившись помощью Бренга. В благодарность Бренг посулил подарить ему один из пяти светильников с огнем Эл-Лоона, который он сможет укрепить на воротах в Дье-Лиа. Не менее варма лет Арбан погружался в глубины магии и самые тайные секреты магического зодчества. Но в итоге он достиг цели. Арбан-Строитель перестроил ворота и провел через них Бренга и Иллу в ущелье Маонд, что в Эл-Айране. И понял Бренг, что первая цель его достигнута. И там, между скал Эл-Айрана, он пленил Арбана, пролив его кровь, и унес обратно в Дэзз, где заточил в подземелье, не выполнив своего обещания. И было это на исходе третьего варма третьей лиги первой эпохи...»

– Почему? – не понял Саш.

– Вероятно, потому, что никто не должен был знать о новых свойствах ворот Дэзз! – развел руками Леганд.

– Ну не уверен, что древние летописцы донесли до нас эту историю слово в слово, – нахмурился Ангес. – Тем более что, судя по всему, свидетелей, кроме Бренга, Иллы и самого Арбана, не было?

– Сам Арбан и написал об этом, – пожал плечами Леганд. – По крайней мере, я не удивлен. Когда правитель даже самой маленькой страны предпринимает поход на неприятеля, он не останавливается, если надо пожертвовать жизнью какого-нибудь подданного. А что Бренгу был Арбан? Всего лишь демон, к тому же не высшего ранга.

– Демон, который создал кое-что сравнимое с творениями богов! – поднял палец Ангес.

– А дальше? – не понял Саш. – Ты же обмолвился, что Арбан украл светильники!

– Дальше? – задумался Леганд. – О том, что происходило дальше, я расскажу в другой раз. Пока Арбан томился в пещерах Дэзз-Гарда, многое переменилось в Эл-Лиа. Именно в это время элбаны начали войны друг с другом, и стараниями Бренга зло проникло на равнины Эл-Айрана. История Слиммита тоже приходится на эти годы. Бренг пытался построить двойник Дэзз-Гарда на севере Эл-Айрана. Черная круглая пирамида и по сей день высится в Слиммите. Правда, имена Лакум и Инбис впервые прозвучали чуть раньше. Но об этом после. Судьба Арбана оказалась ужасна. Ему предстояло провести в заточении лигу лет. Его темница была защищена толщей скал и магией бога. Лига – это много даже для демона, а уж смертные за это время просто вычеркивают кого бы то ни было из памяти. Об Арбане-Строителе, построившем зеркальную пирамиду в Дэзз-Гарде, забыли. Но недаром Арбан был искусным демоном, мастером Эл-Лиа. Он придумал тропу. В своем сознании он создал уединенный мир, недоступный взорам посторонних. Дорогу, проходящую через странную местность. Мастерски сработанную иллюзию. Там Арбан претворял в реальность самые ужасные планы мести. Там он учился. Учился владению простым оружием и магией, учился тому, на что в реальном мире у него всегда не хватало времени. Он знал, что выйдет из застенка другим существом, но не знал,

когда выйдет. Он понимал, что его планы мести ничто в сравнении с силой бога, но не мог остановиться. С годами к нему пришло охлаждение и спокойствие. Он перестал ненавидеть Бренга, поскольку все, что тот делал, не было знаком его личного отношения к Арбану. Для Бренга Арбан просто не существовал. Бренг не испытывал таких чувств, как сострадание. Он знал, что любой смертный, так же как и демон, рано или поздно попадет либо в Эл-Лоон, либо во владения Унгра. Так какая разница, произойдет это раньше или позже? Просто Бренг не мог убить Арбана, поскольку не знал способа удержать в застенках дух мертвого демона. Поэтому обрек на пожизненное заключение.

Но прошла лига лет, и в конце третьего варма четвертой лиги первой эпохи Арбан ушел из клетки. Он научился многому. Его искусство стало почти совершенным. Соединив знания, полученные при создании чудесных ворот Дэзз, с открытыми им секретами магии, Арбан исчез из темницы, оказавшись в ущелье Маонд, где однажды его кровь уже пролилась на камни. Затем, приняв обличье обычного элбана, вернулся в Дэзз-Гард и похитил четыре светильника из пяти, вызвав неутолимую ненависть Иллы, стража черного престола. Арбан посчитал, что только такая плата смоет его обиду.

– И куда он их дел? – осторожно спросил Ангес.

– Куда он их дел? – поднял брови Леганд. – Он брал их не для себя. Вероятно, решил, что каждый из Ожерелья миров достоин искры божественного огня. Словно знал, что однажды огонь Эла в прекрасном Асе будет потушен. Думаю, что по одному светильнику он оставил в Мэлла и Хейт. Эти миры остались в неприкосновенности, и, может быть, огонь Эла по-прежнему сияет в них. Из оставшихся двух один оказался у Аллона, а где второй, не знает никто. Где-то в Эл-Лиа. Может быть, в храме Эла Империи? Лиги лет прошли, что вы хотите! В конце концов, Арбан мог перенести его в дальний мир, где он провел немало лет и где закончил свой срок! Да и дальнейшая судьба светильника Аллона тоже никому не известна.

– А светильник Дэзз погиб вместе с миром Дэзз, – пробормотал Саш.

– Да, – кивнул Леганд. – Так же как и лиги лиг элбанов, населяющих прекрасные города. Не знаю, кто в итоге разрушил Дэзз, но вина Бренга в гибели прекрасного мира несомненна.

– Так же как и вина Арбана! – воскликнул Ангес. – Что бы ты ни рассказывал, но воровство – оно воровство и есть! Отчего же он не взял только один светильник – тот, что был ему обещан? Или я не так понял твой рассказ? Обиды разрешаются в честном бою!

– Посмотрел бы я на тебя, Ангес, что бы ты сказал после лиги заключения, – усмехнулся Леганд. – И как бы ты схватился с богом!

– Ну, – задумчиво почесал бороду Ангес, – с богом я, конечно, схватываться не стал бы, но украл бы, к примеру, два светильника. Надо же и совесть иметь!

Глава 4

ГЛАУЛИН

Покинув каменные берега под Волчьими холмами, Силаулис повернул к востоку, сговорился с попутным ветром и потащил на своей спине юркую джанку прямо к прекрасному городу Глаулину. Хейграст, то сидя на носу кораблика, то управляясь с рулевым веслом на корме, то обучаясь вместе с Лукусом и Даном работать с парусом, не раз повторял мальчишке, что ни один город не сравнится в Эл-Айране с Эйд-Мером, но северная столица салмов тоже весьма приличный городишко.

– Увидишь... – таинственно улыбался нари. – Замок. Широкие улицы. Дворцы, которые уходят садами прямо в воду. Рынок длиной в пару ли. А со стороны пристани берега не видно из-за парусов! Мачты торчат как лес!

– Слушай его, Дан! – посмеивался Лукус. – Вот только когда мы минуем Глаулин, окажется, что нет города чудеснее Шина. Затем Хейграст вспомнит солнечный Ингрос, строгий Кадиш, неприступную Индаинскую крепость, разгульную Азру.

– Ой, боюсь, что и Индаинская крепость вовсе уже не неприступная, и Азра давно не разгульная, – нахмурился нари.

– А я вот что вам скажу, почтенные элбаны... – весело крикнул с кормы Стаки. – Нет ничего прекраснее имперских городов. Особенно Ван-Гарда, что на полпути от Айранского моря до озера Эл-Муун. Но и Илпа в устье Ваны ничем не уступит Шину. А уж Пекарил на краю Мраморных гор ни с чем не сравнится!

– Хорошо рассматривать имперские города с борта джанки, имея на руках подорожную от илпской таможни и парус, чтобы поймать попутный ветер и беспрепятственно скатиться к морю по течению Ваны, – пробурчал белу. – Твой корабль досматривали в Илпе, когда ты покидал Империю?

– А как же! – воскликнул Стаки. – Все перевернули. Каждый мешок перетрясли. Но ничего не нашли. Я честный торговец!

– Они искали беглых рабов! – зло бросил белу. – И если бы нашли, выпустили бы им кишки прямо на палубе, а тебя заставили бы их съесть!

– Лукус, – поморщился Хейграст.

– Пусть говорит, – махнул рукой Стаки. – Я не обижаюсь. Дед моего деда был рабом. Мой дед был рабом. Мой отец был рабом. Я был рабом до полутора дюжин лет. В маленьком прибрежном поселке под Пекарилом. Чистил и коптил рыбу. Три поколения моих предков по медяку собирали деньги, чтобы выкупить своего ребенка из рабства. Прадед хотел выкупить деда. Дед – отца. Отец – меня. Нужную сумму сумел собрать только я. Но когда я пришел к хозяину и принес деньги, он поднял крик, что я обокрал его. Деньги забрали, меня посадили в сарай, предварительно спустив шкуру со спины. Я выбрался через окно, посмотрел на звезды и прыгнул с обрыва в море. Три дня я болтался на волнах в обнимку с бочонком из-под сварского пива, пока анги не подобрали меня. С тех пор прошло много лет, спина моя никогда уже не станет ровной, но до сих пор я вспоминаю чудесный Пекарил и говорю, что нет прекраснее города в Эл-Айране и нет более везучего элбана, чем старый Стаки!

– Значит, ты не анг? – удивился Хейграст.

– Я не знаю, кто я, – усмехнулся Стаки. – Может, и анг. Мой язык ари. Моя семья, мои дети свары. Три дюжины лет я живу в Кадише, хотя большую часть жизни провожу под парусом. Дела шли то лучше, то хуже, эта война серьезно подкосила меня, но я никогда не опускал нос!

– Даже когда продавал джанку в Лоте? – повернулся к старику Хейграст.

– Не стоит склонять голову перед ударами судьбы, – засмеялся Стаки. – Каждый, кто прошел испытание штормом, знает это!

Хейграст нахмурился, взглянул на юго-запад.

– Женщины в Эйд-Мере говорят своим мужьям, когда те уходят на заработки или на охоту: «Когда вернешься к порогу родного дома, можешь склонять голову вперед, вправо, влево, можешь запрокидывать ее назад, главное – чтобы она оставалась у тебя на плечах!»

– Как тебе кажется, – засмеялся Стаки, повертев головой, – она прочно сидит у меня на плечах? Все будет хорошо, нари. Не беспокойся за наше путешествие. Я счастливчик!

Хейграст взглянул на старика и невольно улыбнулся.

– Послушай, Стаки, – заинтересовался Лукус. – А как же варги? Все знакомые мне моряки говорили, что, стоит отплыть от берега больше чем на пару ли, с борта лучше не спрыгивать. И косточек не оставят!

– Точно, – кивнул Стаки и хитро улыбнулся. – Но не совсем! Во-первых, варги не едят соленое, а я здорово просолился со своей ободранной спиной, которая превратилась в один большой нарыв, а во-вторых, когда варга подплывала ко мне, я нырял и делал ей вот так – бу-у-у-у!

Старик надул щеки, выставил вперед растопыренные руки и смешно загудел, раздувая щеки. Дан рассмеялся вместе со всеми и продолжил попытки высмотреть Аенора. Левый берег Силаулиса словно погрузился в оцепенение. Изредка появлялись конные разъезды салмской гвардии, но многочисленные деревни стояли покинутыми. На желтоватых полях ветвистой маоки, источника салмских лепешек и знаменитого сварского пива, бродили лайны и кормились стаи диких фазанов, а у опустевших причалов не покачивалось ни одной лодки. Зато на правом берегу жизнь кипела. По тракту, то приближающемуся, то удаляющемуся от Силаулиса, шли к Заводью войска и обозы, обратно – беженцы. Пешком, с тележками. Пону-кали запряженных лошадей и даже рамм. Гнали свиней. Несли детей и вещи. Против каждой деревни, что дремала без людей на левом берегу, на правом стояли шатры. Там, где вместо деревень чернели пожарища, шатров не было. Утром шестого дня, когда Дану наконец-то доверили держать румпель, мальчишка заметил впереди какое-то высокое строение и показал на него рукой:

– Стаки, что это?

– Глаулин, – улыбнулся старик.

Мастерски лавируя между судов, покрикивая на Лукуса и Хейграста, которые пытались сладить с длинными и тяжелыми веслами, Стаки провел джанку мимо причалов и бросил якорь в дюжине локтей от берега. Из толчеи у пристани немедленно вынырнула узкая лодка, на борт джанки забрался маленький, еще ниже ростом, чем Лукус, белу и, словно юркая крыса, начал обнюхивать самые потаенные уголки трюма.

– Совсем никакого товара? – в который раз недоверчиво переспросил он Хейграста, уже выучив его подорожную наизусть, затем вздохнул, потребовал плату за стоянку у пристани и нехотя выдавил тяжелой печатью синеватые знаки на ладонях друзей. – Как называется судно?

– Как называется? – недоуменно взглянул на Стаки Хейграст.

– «Акка».

– Название судна должно быть написано на корме или на полотнище, прикрепленном к мачте! – строго заметил белу и спрыгнул в лодку.

– Что значит «Акка»? – спросил Дан, наблюдая, как белу, тревожа веслом болтающийся у берега мусор, торопится к очередной жертве.

– Птица такая, – объяснил Лукус. – В Сварии их много. Они бродят на длинных ногах во время отлива по морскому песку и вытаскивают длинными клювами рачков из-под камней.

– Забыл! – вздохнул Стаки. – Старое полотнище выцвело, а новое... Думал, если найду нового хозяина, так и имя будет новое!

– Зачем же? – удивился Хейграст. – Отличное имя для джанки. Сходим в город, поищем дядю Дана, к вечеру вернемся и напишем имя на борту.

– И глаза нарисуем на носу, – серьезно добавил Лукус. – Так ари делают. А ты что молчишь, Дан?

– Нарисуем, – кивнул мальчишка и, сбросив сапоги, спрыгнул в воду. С того самого мгновения, как показавшиеся над Силаулисом башни королевского замка начали приближаться, Дан ни о чем думать не мог, кроме предстоящей встречи. И когда джанка миновала устье торопливого Кадиса, впадающего в Силаулис перед самым Глаулином, и когда начались роскошные усадьбы королевских сановников, и лачуги бедноты, и ряды рынка, и корабли у пристани, Дан продолжал думать о дяде. Мальчишка не строил никаких планов относительно единственного оставшегося в живых родственника, ему только хотелось освежить память о погибшем отце. Услышать голос, похожий на его голос. Увидеть черты, напоминающие черты отца. Вот и теперь он не сразу отозвался на оклик белу и некоторое время с удивлением смотрел на горшок меда, поданный ему Лукусом.

– Пошли, – похлопал мальчишку по плечу белу, забрасывая за спину мешок. – Не так уж у нас много времени на прогулки по городу. Вечером надо двигаться дальше.

– Ты уже бывал здесь? – спросил Дан.

– Лукус где только не бывал, тут я за ним не угонюсь, но я даже жил в Глаулине, – заметил Хейграст, догоняя их. – Но очень недолго. В юности. А вот если бы в городе появился Леганд, будь уверен, немало элбанов сочли бы своим долгом ухватить его за рукав и затащить в гости!

– Начиная с короля Даргона, – улыбнулся Дан.

– Леганд редко пересекался с королями, – хитро прищурился Хейграст. – И уж будь уверен, деда Даргона он лечил, вовсе не думая, что имеет дело с королем.

– Ты всю сумму отдал Стаки? – хмуро спросил нари Лукус.

– Боишься, что не обнаружим джанку у пристани? – усмехнулся Леганд. – Немало я видел в жизни ушлых элбанов, готовых обдурить простаков, но Стаки не из таких. Во-первых, я заплатил ему только пять золотых. Еще пять отдам в Шине и еще пять в Кадише, где он собирается оставить деньги и сделать распоряжения насчет постройки новой джанки. А уж последние золотые он либо его сын, смотря кто поведет нас в Индаинскую крепость, получит на месте.

– Он вполне может удовлетвориться пятью золотыми и отплыть в поисках следующего нари, жаждущего приобщиться к морским путешествиям, – заметил Лукус.

– Ну он-то чем тебе не угодил? – поморщился Хейграст. – Ладно, Вик Скиндл действительно не напоминает сладкую булочку, с натяжкой могу понять твою неприязнь, но у Стаки белу не служат!

– Когда я работал веслом, правя джанку к пристани Глаулина, мне так не казалось, – строго сказал Лукус.

– Травник! – сокрушенно взмахнул руками Хейграст. – Да когда я узнал, что несчастный анг продает свою джанку, вызнал всю его подноготную, включая семью, привычки и имена купцов, которым он сдал ткань. Успокойся!

– Бросьте, – попросил Дан. – Смотрите!

Друзья миновали склады и оказались на широкой улице, которая поворачивала от пристани и, плавно поднимаясь в гору, вела к главным воротам королевского замка, неприступным бастионом возвышающегося над всем городом. Низкие дома из обожженного кирпича прятались за выбеленными заборами, а вдоль них выстроились бесчисленные элбаны, которые продавали и покупали, торговались до хрипоты, размахивали тканями и звенели оружием, ошупывали фрукты и овощи и тыкали друг другу в лицо еще живую рыбу.

– Ну вот! – почти прокричал Хейграст. – Рынок уже не помещается на торговой площади, выплеснулся на главную улицу! Здесь бояться надо, а не у пристани. Держите свои сумки! И давай-ка, белу, мешок со спины передвинь на живот.

– Поберегись! – раздался грубый окрик почти над головой Дана.

В то же мгновение мальчишка почувствовал, как крепкая рука нари ухватила его за плечо и отодвинула в сторону. По улице промчались, освобождая дорогу, конные гвардейцы, а за ними проследовала торжественная кавалькада.

– Сварское посольство! – показал Лукус на богатую закрытую повозку, покрытую резбой и раскрашенную в голубые и красные цвета. – Интересно, что свары забыли в Глаулине? Обычно все государственные дела между Салмией и Сварией улаживались в Шине у старшего брата короля Луина!

– Наверное, или ты иноземец, или глухой и слепой! – воскликнул потный и краснолицый торговец копченой рыбой, которая тут же в небольшой печи обрела тонкий вкус и соблазнительную прозрачность. – Весь Глаулин знает, что король Луин прибыл в замок Даргона, чтобы организовать отпор врагу в междуречье Кадиса и Крильдиса, где уже второй месяц бесчинствуют шайки северных разбойников, а недавно появились даже большие отряды. Даргон-то сейчас в Заводе! Да только скоро Луин отправится в Шин, поскольку то, что творится в долине Уйкеас, еще страшнее.

– А что творится в долине Уйкеас? – насторожился Хейграст.

– Откуда я знаю? – отмахнулся торговец. – Спроси об этом у сварского принца, тем более это он только что проехал в торжественной повозке. Главное, что свары за помощью обращаются очень редко, а на моей памяти такого вообще никогда не было!

– Стой, негодник! – завопил Лукус, сжимая тонкую ручонку маленького белу, которую тот до половины запустил в мешок. – Там же ничего нет, кроме трав и корней!

Ребенок замер на мгновение, потом чудесным образом изогнулся, юркнул Лукусу между ног, вывернулся и стремглав помчался по улице, оставив в руках у своего сородича кусок ветхого рукава.

– Вот, – поднял палец Хейграст, пряча усмешку, – прав белу, никому нельзя доверять! Особенно сородичам и соплеменникам. Уважаемый, – обернулся нари к торговцу, – ты угадал, мы приезжие. Подскажи, как нам найти слободку шестого легиона?

– А чего ее искать? – удивился торговец. – Они все вокруг замка поквартально и расположены. Если справа обходить, то три ли намеряете, а если слева, так вот она – один ли, и вы в ней. А там уж спросите. Только в слободках-то сейчас, кроме женщин, детишек да стариков, никого не найдете! Кого надо-то?

– Форгерна, – ответил Хейграст. – Старого Форгерна, который, похоже, уже тринадцать лет не видел своего родного племянника. Вот он собственной персоной!

– Этот, что ли? – пригляделся торговец к смутившемуся Дану. – Плежец! Точно говорю, плежец. У меня глаз точный! Откуда будете?

– Из Эйд-Мера, – ответил Лукус.

– Так что же вы вопросы о равнине Уйкеас задаете? – удивился торговец. – Это я вас спрашивать должен!

– Давно мы оттуда, – признался Хейграст. – А глаз у тебя верный. Так вот мы обратно после обеда пойдем, пригляди, добрый человек, кто-то следит за нами. Чужой кто-то. Я это кожей чувствую. А мы у тебя в дорогу рыбки прикупим!

– Что ж не посмотреть? – Торговец бросил в рот кусок копченой рыбы. – Посмотрю. Только уж вы не оглядывайтесь, да имейте в виду, что и стражники Инокса повсюду рыскают – время такое. А Форгерну привет передавайте! От Залки-рыбника! Форгерна легко найти. У него дом с флюгером в виде лошади.

Слободка шестого легиона еще только начиналась, а Дан уже заметил флюгер. Ветерок едва шевелил ветви цветущих кустов ароны, но железный, выкованный из тончайших полос конь подрагивал от малейшего дуновения. Мальчишка ускорил шаги, затем остановился, глубоко вдохнул, сглотнул и покачал головой:

– Отец ковал. А я помогал. По мелочам. Горн разжигал, подавал инструмент. Потом отец с тетушкой Андой отправил флюгер в Глаулин.

– Ну ладно, – обнял за плечи мальчишку Хейграст, – пошли. Лукус, почему у добрых элбанов радость всегда смешана с печалью?

– А кто печалиться не умеет, тому и радость неведома, – объяснил белу и стукнул кулаком в ворота.

Залаяла собака. Заплакал ребенок, и тут же раздался строгий голос:

– Кого еще принесло? Все родные и друзья знают, что ребенок спит днем в этом дворе!

– Все ли родные знают? – переспросил Хейграст. – А Дан, сын Микофана?

Тишина возникла за воротами, затем тот же голос хрипло произнес:

– Макта, демон тебя задери, возьми ребенка!

Послышалось шлепанье босых ног, затем ворота заскрипели – и между створок показался высокий лысый старик в коротком, до колен, халате поверх нижних штанов. Он шагнул вперед, отстранил Лукуса, сделал еще шаг, не отрывая взгляда от зажмурившегося мальчишки, спросил:

– Дан?

Мальчишка кивнул, и тогда старик схватил его за плечи и прижал к себе, обнял, закрыл глаза и махнул рукой назад, обращаясь к Лукусу и Хейграсту:

– Идите. Идите во двор. Макта! Накрывай на стол!

– Вот, дядя, – пробормотал растерянно Дан, – мед тебе...

За столом сидели долго. Так долго, что Дану даже начало казаться, будто всю свою жизнь он провел вот так же, в маленьком дворе под ветвями цветущей ароны, лепестки которой падают прямо в чашки, и никто не пытается их доставать, пьют ктар прямо так. Уже Макта, стройная молодая салмка – невестка старика, не снимая с рук годовалого розовощекого мальчугана, несколько раз приносила все новые и новые блюда. Уже Форгерн расспросил Дана о нападении вастов на Лингер, хотя почти все ему отписала с попутным купцом тетушка Анда. Уже Дан рассказал о гибели Трука и всех его постояльцев, и Форгерн потемнел лицом, замолчал надолго, только хмурил брови, да качал головой, слушая поочередно Дана, Лукуса, Хейграста. Он вспомнил и Швара, буркнув, что, если бы Эл наградил самоуверенного деррского охотника ростом, быть бы ему командиром когорты. И Гарика из Деки старик тоже не забыл. И даже Леганда вспомнил. Останавливался лекарь полварма лет назад на соседней улице, чуть ли не половина города тогда у него перебивалась. Народ день и ночь толпился у ворот. А потом старик исчез, ушел как сгинул. Хороший элбан, впрочем.

– Хороший, – кивнул Хейграст.

– Анду малышкой помню, – вдруг сказал старик, подняв глаза. – Эх, Трук, Трук! Не уберег ее, старый корень. Приехал в Глаулин вместе с Микофаном две дюжины лет назад. Шкуры привез. Вот тут во дворе и ночевали. Трук тогда помоложе был, девчонка и запала на него. Еще бы! Усы, кошель с золотыми, глаз пронзительный, голос веселый. Попросилась в Лингер погостить. Да так и осталась там. Потом уже они с Труком дом близ Эйд-Мера сладили. А детей им Эл не дал. Таскал, наверное, ее старый пень зимой ловушки проверять, застудил. А так что же сказать? Хороший мужик был. Я писал ему, предлагал Дана в Глаулин забрать, а он отвечал, что из лука парня не хуже меня научит стрелять, а в гвардию ему не скоро еще...

Дан слушал дядю и не мог отделаться от мысли, что рассказывает тот не о Труке и тетушке Анде, а о каких-то посторонних людях. Всегда ему казалось, что его дядя и тетя – люди если не пожилые, то уже пожившие. Трук-то уж точно: волосы седые, походка разлапистая, как у плежского змееголова, если зимой выгнать того из пещеры. А тетушка Анда ведь и вправду была еще молода. Морщинок на лице не найдешь, появлялись, только когда она вдруг ни с того ни с сего принималась гладить Дана по голове и плакать. Когда мальчишка увидел ее, с

расплющенным лицом и отрезанными ногами, у него что-то лопнуло в груди. Лопнуло и загорелось. Слезы от того жара высохли, а новые только теперь появились. Да и у самого старика слезы близко. То и дело замолкает и отворачивается.

– Теперь куда? – спросил Форгерн, когда разговор стал плавно затихать, переключаясь на цены, погоду, урожай.

– Как случится, – уклончиво ответил Хейграст. – Шин, Ингрос, Кадиш, Индаин. В любом случае к дому. В Эйд-Мер.

– Неладное там творится, – нахмурился Форгерн. – Я хоть уже и не тренирую молодых гвардейцев, а в замке через два дня на третий бываю. Так вот, свары встревожены не на шутку. На равнине Уйкеас лихо гуляет. Убивают разбойники элбанов почем зря. Васты ждут войны. Впервые лигские нари собираются через хребет перейти. И гонит нари на равнину Уйкеас, говорят, страшная магия. Магия мертвых. А уж из Эйд-Мера давно никаких вестей нет.

– Знаю, – кивнул Хейграст. – Больше месяца, как мы вышли из его стен. Обратно попасть надеемся быстрее. Все-таки по течению, да и лодка у нас хорошая.

– Понятно, – вздохнул старик, взглянул на Дана из-под густых бровей. – Два сына у меня. Обоим уже за две дюжины, и оба сейчас вместе с одним из легионов в Деке. Старший когортой командует. У него свой дом, детишек трое. А младший здесь живет. Женился два года назад, хорошую жену взял. Старик одобрительно проводил взглядом Макту, уносящую кувшин. – Внук опять же. Оставайся у меня, Дан. Работа будет, в замок устрою, там и учиться начнешь. Не стрельбе, это ты умеешь, конечно. Грамоте, воинскому делу, а хочешь – так и кузнечному ремеслу.

Дан взглянул на Хейграста, на Лукуса. Друзья потягивали ктар, но мальчишка видел – ждали его ответа.

– Я благодарен тебе, дядя, – сказал Дан после паузы. – Я был бы счастлив гостить в твоём доме, но остаться не могу. Не думаю, что много от меня пользы в походе, наверное, хлопот больше, но учиться грамоте, воинскому делу и даже кузнечному ремеслу, зная, что мои друзья рискуют своими жизнями, не стану.

– Что ж, – задумался Форгерн, скосив глаза на спутников мальчишки, которые не проронили ни слова, – говоришь как взрослый.

– Я уже взрослый, – спокойно ответил Дан. – Разве возраст измеряется годами?

– Годами, – кивнул Форгерн. – А также месяцами, неделями, днями. Мгновениями...

Подул легкий ветерок, шевельнувший тени ветвей ароны на лицах друзей, скрипнул флюгер и развернулся вытянутой мордой на юго-запад.

– Отличная работа, – заметил старик. – Отец Дана ковал. Мой младший брат.

– Пора нам, – сказал Хейграст, и мальчишка понял, что друзья пришли сюда к Форгерну, чтобы проститься с юным спутником, но рады тому, что Дан продолжает путь.

– Подождите, – поднялся Форгерн, подошел к племяннику, сжал его за плечи. – Покажи мне свой меч, Дан, сын Микофана.

Дан взглянул на Хейграста, дождался кивка, вытащил меч из ножен и на ладонях подал старику.

– Ты ковал? – спросил Форгерн Хейграста.

– Нет, – покачал головой нари, – но мне не было бы стыдно за такую работу. Этому мечу лет варма три-четыре. Годится для подростка или женщины. Отличная сталь, упругость. Работа банги.

– Согласен, меч очень хороший. Отличный! – сказал старик, внезапно закрутив его в руках, окружив себя расплывающимся маревом клинка.

– Не рано ли тебя отправили в караульную службу? – восхищенно спросил Хейграст.

– В самый раз, – сдвинул брови Форгерн. – Правда, тех инструкторов, которые теперь молодых учат, я еще сам продолжаю натаскивать. Но дело не в этом. Предлагаю мену. Парню

скоро четырнадцать, нужен и меч побольше, и... еще кое-что. А этот я оставляю вот этому карапузу, – кивнул старик на младенца, которого Макта пустила ползать по расстеленному на земле одеялу.

– Покажи, – попросил Дан.

– Макта! – крикнул Форгерн. – Неси серый меч!

Женщина нырнула в низкую дверь, громынула горшками и вскоре появилась с длинным свертком в руках. Старик положил меч Дана на стол, принял сверток, сбросил ткань и вытянул руки перед собой. Дыхание у мальчишки перехватило. В руках у дяди был настоящий плежский клинок! Длинные, чуть изогнутые ножны, обтянутые коричневой кожей и скрепленные медными скобами. Костяная ребристая рукоять длиннее обычной. Изящная округлая гарда. Навершие в виде сжатой в кулак когтистой лапы. Форгерн торжествующе огляделся и выдвинул из ножен на две ладони клинок. Золотом блеснуло отражение Алателя.

– Позволь мне, – попросил Хейграст, шагнул вперед и осторожно принял меч, рассматривая разбегающийся по узкому лезвию еле различимый узор. – Удивительно! Это ковал его отец?

Старик утвердительно кивнул.

– Хотел бы я кое-чему у него научиться, – сжал губы нари. – Эх! Теперь уже меня не удивляет, что ты, Дан, знаешь рецепт отжигающего порошка. Дженга сейчас бы на слюну изошел! Со многими банги я разговаривал, да только все считают, что секреты плежских кузнецов, которые жили и работали прямо в рудных горах, навсегда утеряны. А многие вообще в эти секреты не верят!

– Хочешь сказать, что эта работа не хуже твоего клинка? – удивился Лукус.

– Может быть, и лучше, – вздохнул Хейграст. – Варм косичек вплетено в заготовку, каждая косичка из двенадцати нитей. Одиннадцать нитей из лучшей стали. Двенадцатая из фаргусской меди. И еще кое-что добавлено. И вот еще. Смотрите!

Хейграст пошевелил мечом под лучами Алателя – и все отчетливо увидели силуэт цветка, сплетенный из выходящих под поверхностью металла волосков. Становясь все бледнее от гарды в сторону острия, он повторялся через палец.

– Полгода работы, – покачал головой нари. – И для его закалки плежскому кузнецу вовсе не требовались жирные свиньи, пленники или ученики-недотепы, чтобы погружать раскаленную сталь в их изнеженные тела, как это делают радды. Мастер привязывал к рукояти веревку длиной в полторы дюжины локтей, забирался на камень и раскручивал меч над головой.

– Отец делал это на пустыре, – прошептал побелевшими губами Дан. – Мне было года три или четыре. Я хотел подбежать к нему, но мама взяла меня на руки. Отец чуть опустил руку – и меч пошел по траве, срезая верхушки стеблей...

– Снимай ножны, – сказал Хейграст Дану и, обернувшись к Форгерну, поклонился. – Это очень дорогой меч!

– Для мальчишки он вообще не имеет цены, – вздохнул старик и поднял глаза. – А мне для памяти хватит флюгера над головой.

– Что ж, Дан, – усмехнулся Хейграст, новый меч – новая наука. Будем продолжать обучение!

Обратно Дан нес меч укутанным в ткань и прижимал его к груди так, словно судьба всего Эл-Айрана была заключена в этом клинке. Хейграст и Лукус остановились у лотка Залкирыбника, где нари с лихвой выполнил свое обещание. Торговец пересчитал монеты, поднял полу халата, высыпал их в кожаный мешочек, подвязанный к колену, и расплылся в улыбке.

– Однако следили за вами, нари. Человек. Расспрашивал. Не местный. Акцент имперский. И вот что меня удивило больше всего – доспехи гвардии на нем не по росту. Стражники Инокса, когда следят за кем, так специально в обычное платье переодеваются. А уж салмские

гвардейцы точно в латах не ходят по Глаулину. Я ему так и сказал: чего, спрашиваю, народ дивишь? Как он на меня глазами своими зыркнул!

– Вспомнил, – поморщившись, сказал Лукус, когда шумная улица осталась позади. – Я, конечно, не Саш, чтобы мысли там читать или угадывать за дюжину ли, но думаю, что именно этот человек проскакал вместе с кьердами мимо нас с Лингой, когда отряд врага прорвался через утонский мост.

– Может быть, – сузил глаза Хейграст. – Осталось и мне понять, что знакомого я увидел в его фигуре.

– Джанки нет, – растерянно пробормотал Дан.

Друзья вышли на берег, поодаль у пристани колыхались суда и лодки, за сараями галдела рыночная площадь, а перед друзьями простиралась полоса чистой воды.

– Где наша «Акка»? – удивился Хейграст. – Где Стаки?

– Стаки, судя по всему, там же, где и «Акка»! – зло сплюнул белу.

– Подожди! – нахмурился нари. – Не так часто я ошибался в элбанах. Эй! – окликнул Хейграст берегового служку, который откуда ни возьмись появился у берега. – Куда делся наш корабль, белу?

– Я не нанимался следить за вашим кораблем, хотя, если подумать... – Белу всплеснул руками. – Из головы все вылетело! Тут такой ужас приключился! Огромный пес! И хотя некоторые говорят, что это была зубастая неподкованная лошадь, но я вас уверяю, это был огромный пес!

– Что за пес?! – в один голос воскликнули друзья.

– Огромный пес, по слухам, еще утром пробежал через рыночную площадь, – торжественно объявил белу. – Торговцы просто сшибали друг друга с ног, пытаясь спастись от него. Образовалось немало куч, лотки были перевернуты. Конечно, мелкие и крупные воришки хорошо поживились. Хотя я думаю, что пес не такой уж и большой, скорее всего, он вырос уже после, так же как растет рыба, выловленная в Силаулисе, – до первого локтя за всю жизнь в воде, и до второго локтя, пока рыбак дойдет до ближайшего трактира.

– Куда побежал пес? – досадуя на словоохотливого белу, спросил нари.

– А знаешь ли ты, сколько мне платят за то, что я машу целый день веслом? – прищурился белу.

Хейграст со вздохом взглянул на покрасневшего от возмущения Лукуса и бросил службе медную монету. Тот поймал ее, разглядел и, отправив куда-то за воротник, улыбнулся:

– Он убежал туда, куда и собирался. Через рыночную площадь к этим сараям. Может, и сейчас прячется в одном из них. Стража, во всяком случае, его здесь искала. А может быть, последовал дальше вдоль берега.

– Надо срочно плыть вниз по течению! – заторопился Дан. – Мы еще сможем догнать его!

– Зачем он вам сдался? – удивился белу. – Если он столь здоров, как о нем говорят, то с ним лучше не встречаться. Хотя на вашей джанке это могло бы оказаться безопасным... Еще одна монета.

– Какая монета? – раздраженно спросил Хейграст.

– Медная, – успокоил его белу. – Еще одна монета – и я скажу, где ваша джанка.

– Держи, – бросил нари.

– Она ниже по течению, – сообщил, зевнув, белу. – В каких-то пол-ли. Стоит на якоре ближе к этому берегу, но слишком далеко, чтобы доплыть без лодки...

– Сколько? – напрягся Хейграст.

– Пять монет, и деньги вперед, – посерьезнел белу. – По монете с носа и две за то, что я буду грести двумя веслами. И не вертеться, лодка маленькая!

Лодка почти ушла в воду и прилично хватанула воды, когда служка начал работать веслами. Дан принялся было вычерпывать воду деревянным черпаком, но это уже не имело значения, потому что, едва отойдя от берега, друзья увидели джанку.

– Сначала я разберусь с этим Стаки, – прошипел Хейграст, – а потом уже поплывем искать пса.

Со Стаки разбираться не пришлось, потому что старый моряк висел на мачте. Силы ему уже отказывали, он соскальзывал, но вновь сучил ногами, подтягивался и забирался на самый верх. На палубе, лениво зевая, лежал Аенор.

– Спасите! – прохрипел старик. – Спасите, иначе эта тварь сожрет меня!

– Аенор! – бросился к псу Дан, обнял его, зарылся руками в шерсть и немедленно испытал влажное прикосновение огромного языка.

– Слезай, Стаки! – расплылся в улыбке Хейграст. – Это наш пес!

– Зачем вам это чудовище? – обессиленно распластался на палубе Стаки. – Я провисел на мачте полдня! Он запрыгнул на корму прямо с берега! Бечева лопнула, и нас поволокло вниз по течению. Я пришел в себя уже на мачте и понял, что мы уплываем. Меня вовсе не обрадовало, что придется висеть вот так до самого Шина, поэтому я начал орать и объяснять этому великану собачьей породы, что следует бросить якорь. И он меня понял! Столкнул его носом в воду! Но когда я попытался слезть, зарычал так, что отбил всякую охоту к спуску.

– Скорее всего, он понял по запаху, что джанка наша, а тебя принял за вора, – объяснил Лукус.

– Знатная собачка! – выпрямился в лодке служка. – Выходит, что я помог найти вам и пса? Сойдемся на трех монетах?

– Вот так начинают маленькие белу, – улыбнулся Хейграст. – Сначала они лезут по кошелькам на рынке, потом собирают мзду на пристани, потом...

– Хотя бы две! – вновь подал голос служка.

– Сейчас я пушу твою посудину на дно, позор белужского племени! – не выдержал Лукус.

– Но-но! – поднял весло служка и оттолкнулся от джанки. – Держите себя в руках. Маяк в варме локтей, и оттуда за вами наблюдают!

Дан оторвался от пса и взглянул на каменную башню, построенную на мелководье и отделяющую пристань и склады от огородов и жилых кварталов. На верхушке стоял воин в салмских доспехах. Можно было различить даже внимательный взгляд. Увидев, что он обнаружен, незнакомец отвернулся и исчез за зубцами маяка.

– Латс! – с ненавистью прошептал Хейграст.

Глава 5 КОЛДОВСКОЙ ДВОР

На пятый день скачки потемневшие сосуды оплели тело до пояса, а в затылке поселилась ноющая боль. Все чаще Саш закрывал глаза, доверяясь лошади и друзьям, с трудом заставляя себя держаться в седле. Леганд не спускал с него глаз и, хмуясь, погонял лошадей. По его указанию Линга отыскивала в глубоких оврагах особую траву, и лошадей кормили именно ею. Только это позволяло животным выдерживать длинные переходы, но все же и их силы были на исходе.

– Нечего нам будет оставлять этому Гейдру, – проворчал Ангес, при свете укрозного костра разглядывая подковы лошадей. – Я очень удивлюсь, если завтра к полудню они не упадут от изнеможения.

– Надеюсь, что удивляться тебе не придется, – бросил Леганд, натирая спину Саша очередным составом. – Мы движемся достаточно быстро. Завтра после полудня должны быть возле ущелья.

Саш поднял голову, стер со лба болезненный, липкий пот. Тучи, то и дело исторгающие надоедливый дождь, наконец рассеялись, и теперь бледный горизонт впереди подпирала темная гряда гор. Пик Меру-Лиа, все еще освещенный уже севшим за деррские леса Алателем, багровым острием вонзался в звездное небо.

Торопясь заглушить запах, поднимающийся из котла, у костра появилась Линга с пучком манелы. Где-то в темноте замер Тиир, прислушиваясь к звукам салмского леса.

– Что за травы послужили основой твоей мази? – заинтересованно спросил Ангес, втягивая терпкий запах. – Что-то он мне кажется знакомым! И не привлечет ли он к нам внимания?

– Запах исчезнет, едва мазь впитается в кожу, – ответил Леганд, с тревогой рассматривая смертельную сетку на теле Саша. – А то, что он тебе знаком, меня несколько не удивляет. Именно так пахнет в большом гроте Гранитного города, где писцы переписывают старинные трактаты.

– Однако там не растет ни травинки, – покачал головой Ангес. – К тому же банги предпочитают иметь дело с камнями, а не с растениями.

– Фитили ламп, – объяснил Леганд. – Они так пахнут. Банги делают их из паутины, так же как и самую дорогую бумагу. А эта мазь сделана из яда горных пауков. Поэтому запах тебе знаком.

– Демон тебя заberi! – вскричал Ангес. – Яд горного паука убивает, лишь коснувшись кожи элбана! И этим ты хочешь излечить Саша?

– К сожалению, я не могу его излечить, – вздохнул Леганд. – Но этот состав поможет ему держаться в седле. Он отыскивает в теле запасы силы даже тогда, когда, кажется, ее не осталось ни капли.

– Ну-ну, – нахмурился Ангес. – Посмотрим, что за умельцы властвуют в Колдовском дворе. Не нравится мне то, что творится с сосудами Саша. Дюжину лет назад я прислуживал священнику имперской гвардии. В Холодной степи всегда было беспокойно, мы везли продовольствие в гарнизон у Верхних порогов. Когда миновали укрепления в проходе Шеганов, на наш обоз напали мертвые копейщики Аддрадда. Их было не больше дюжины, но каждый из них унес с собой не менее двух жизней. Их пришлось порубить на куски, и на обрубках проступало вот такое же плетение. Правда, оно было синего цвета, но уверенности мне это не прибавляет!

– Это плетение посинеет тоже, если заражение достигнет гортани, – глухо сказал Леганд. – Не оплакивай Саша раньше времени, у него пока еще достаточно сил.

– Так ли это? – подозрительно спросил Ангес. – Послушай, Саш, насколько ты владеешь собой? Все ужасные истории про мертвых копейщиков Аддрадда начинались с того, что после

специального обряда пленник терял сознание, а когда открывал глаза, то оказывался живым мертвецом, исполняющим приказания своего повелителя. И что-то я не слышал об излечении от этого недуга.

– Услышишь, – жестко сказал Леганд. – Если излечишься от болтливости. Не все мысли, что появляются в голове, следует пробовать языком на вкус.

– Ты не первый обвиняешь меня в болтливости, – махнул рукой Ангес, – поэтому я не обижусь. Кстати, мертвые копейщики не принимают пищу. Они идут в бой до тех пор, пока их суставы не высохнут, а сухожилия не полопаются. Конечно, если раньше не попадут под клинки имперских или салмских воинов. Саш, как у тебя с аппетитом?

Саш отрицательно мотнул головой. Его не слишком беспокоили слова Ангеса, но только потому, что они не стали для него новостью. Последние три дня он не мог даже смотреть на пищу. И во время скачки по лесным дорогам и пустынным проселкам, и в короткие мгновения привалов, и по ночам – когда не спали только дозорный и он, Саш боролся. Ему казалось, что липкая паутина обволакивает его, и невидимый паук уже трясется от жадности, ожидая, когда же тело жертвы достаточно переварится, чтобы высосать его без остатка. Вялость и безразличие заполняли сознание, Саш стискивал зубы и вновь и вновь пытался вызвать в себе утраченные способности. Он думал, что справился бы с этой напастью за один день, если бы его исчезнувший дар дал ему такую возможность. Но еще был зов. Почти неслышной мелодией он наполнял лес, ночное небо, тонкой нитью тянулся с запада, успокаивая и жалея. Он словно приносил облегчение, только сеть, что оплетала тело Саша, от этого зова становилась крепче стали. Казалось, еще немного – и собственное тело перестанет подчиняться ему.

– Слышишь? – тревожно спросил Леганд. – Это Тохх зовет тебя. Я удивляюсь, как ты держишься. Пожалуй, мантия сдерживает его приказы. Я поддерживаю ощущения тела мазью, но не могу покрыть ею твой дух. Держись. И не выпускай из рук меч. Уж он-то точно неподвластен Тохху.

– Чего Тохх хочет от меня? – с трудом выговорил Саш.

– Спроси, чего он хочет от Эл-Айрана, – горько усмехнулся Леганд. – Вероятно, он чувствует в тебе врага. Или выполняет чью-то волю.

– Разве кто-то может приказывать такому колдуну? – спросил притихший Ангес.

Леганд помолчал, поднялся, глядя в темноту:

– Может, Ангес. Но гораздо страшнее, что кто-то властвует над теми, кто способен отдавать приказы Тохху.

Из темноты вынырнул Тиир. Он встревоженно оглядел спутников, нервно лязгнул мечом.

– Мы окружены.

– Я знаю, – неожиданно спокойно кивнул Леганд и протянул руку Сашу: – Пойдем.

Они шагнули в сторону от костра. Лошади, тревожно всхрапывая, жались к огню. А впереди, там, где ночные кусты сливались в неразличимую пелену, неожиданно сверкнули горящие глаза. И еще. И еще.

– Со всех сторон, – коверкая слова, произнес на ари Тиир. – Не меньше четырех дюжин.

– Волки, – кивнул Леганд, останавливая Лингу, уже наложившую стрелу на тетиву. – И не простые волки. Они пришли за Сашем.

– Где наш добрый нари? – мрачно спросил Ангес. – Сейчас бы сказал: Линга, бери тех, что справа; Дан, твои слева, а тех, что в центре, мы порубим на мелкие куски. А будь здесь песик, от одного его рыка вся эта стая помчалась бы, не оглядываясь, до Верхних порогов. Отчего они не нападают?

– Зачем? – прошептал Леганд. – Они ждут, когда Саш перейдет на их сторону.

Ангес оглянулся. Саш стоял за их спинами, закрыв глаза и стиснув пальцами рукоять меча.

– Ты как, Саш? – хрипло спросил священник. – Не собираешься прогуляться с этими зверьками?

– Пока подожду, – ответил Саш.

Спутники достигли гор к полудню. Заснеженный хребет перегородил небо на треть, когда лес окончательно поредел и долина начала подниматься вверх, постепенно превращаясь в каменистые отроги. Лошади скакали из последних сил, словно чувствуя, что в пол-ли за отрядом несется стая огромных белых волков.

– Загоняют, как стадо лайнов! – крикнула Линга, оглядываясь.

– Выдавливают к югу! – отозвался Ангес, прижимаясь к шее хрипящего коня. – Я слышу шум. Это река?

– Северный Кадис здесь выбегает на равнину! – прокричал Леганд, показывая на темный распадок.

– Белое ущелье? – подал голос Тиир.

– Нет! – откликнулся старик. – До ущелья еще полдюжины ли по узкой долине. Но поселок, о котором говорил Орд, и Колдовской двор уже близко. Там мы сможем укрыться! Скоро выйдем на тракт, который идет вдоль реки. Линга! Возьми!

Девушка оглянулась и приблизила разгоряченного коня к старику. Он сжимал в руке зеленую ветвь.

– Смараг?! – поразилась Линга.

– Да! – кивнул старик, понукая коня одной рукой. – Возьми! Эта единственная уцелевшая ветвь смарага с Мерсилванда. Будь рядом с Арбаном! Если увидишь, что его глаза застилает серая пелена, хлестни по лицу.

Саш скакал впереди всех. Он почти лежал на шее лошади. Взмывшее животное не требовалось торопить. Ужас перед настигающими волками гнал его вперед.

– Эй! – встревоженно заорал Ангес, пытаясь нагнать Саша. – Леганд, как бы наш друг не вывалился из седла!

– Не вывалюсь, – прошептал Саш.

Ангес ударил и так надрывающуюся лошадку, поравнялся с Арбаном и едва не натянул поводья. Зубы Саша были стиснуты, кровь выступила на губах, судорогой скручивало ноги и руки. На лице Линги, которая догнала Саша с другой стороны, отпечатался ужас.

– Спокойно! – послышался сзади хриплый голос Леганда. – Пока Саш владеет собой, они не приблизятся. Впереди в четверти ли сухое дерево у серой скалы. Сразу за ним осыпь и тракт. Пост стражников за скалой! Правда, я удивлен, что на ней нет наблюдателя...

Лошади на последнем дыхании домчались до скалы. Из-под копыт полетели камни. Резко натянув поводья, подсаживая лошадей на круп, друзья стали спускаться к тракту. Блеснула лента реки, показался заросший тонущими в воде кустами противоположный берег. Распахнулась горная долина, прорезанная рекой. На узкой полосе тракта между крутым склоном и речным обрывом шел бой. Ощетинившись копытами, прикрываясь щитами, дюжина салмских гвардейцев сдерживала отряд раддских мечников и двоих архов, вооруженных дубинами. Убитые с той и другой стороны лежали под ногами. Раддские мечники укрывались за спинами чудовищ. Архи недовольно отмахивались от копий и понемногу теснили гвардейцев в глубь долины.

Все это Саш успел разглядеть мгновенно. Чувствуя, что силы, которыми он сдерживал в последние дни охватывающее его оцепенение, подходят к концу, освобождая накопившуюся боль, он закричал так же, как кричал на границе Дары. Разметал оторопевших раддов, снес мечом голову одному из архов и, едва не распоров бок коня о копыта гвардейцев, увидел, что и второй арх валится с обрыва, с визгом расцарапывая морду.

– Не знаю, кто здесь Гейдр, которому передавал привет Орд, но, ради Эла, не опускайте копыя! – закричал Леганд.

Саш медленно вытер меч, вставил в ножны и сполз на землю. В полуварме локтей у каменной осыпи сгрудились, рыча, волки. Ангес и Тиир не оставили в живых ни одного радда. Гвардейцы словно пришли в себя и, с опаской обходя поверженного арха, двинулись на волков. Линга вскинула лук, и через мгновение огромный грязно-белый вожак забился в судорогах с торчащей из пасти стрелой. С рычанием стая стала медленно отступать.

– Приветствую отчаянных странников! – опустив копьё, прохрипел рыжий бородач. – Я уж с дюжину лет не слышал о белых волках между Крильдисом и Кадисом, тем более летом. Зачем вы привели их сюда?

– Я, кстати, тоже удивляюсь! – раздраженно откликнулся Ангес, неумело протирая клинок. – Зачем было вести сюда волков, если у вас и собственного зверья в достатке?

– Гейдр к вашим услугам! – ударил себя кулаком в грудь бородач. – Никогда я еще не был так рад обычным путникам. Еще немного – и привет от Орда передавать было бы некому! Старик, у тебя отличные воины. Никогда не слышал, чтобы арху сносили голову мечом, а уж чтобы на скаку выпустить стрелу точно в глаз – этому даже в Глаулине не учат! И это сделала девчонка! Я не верю своим глазам! Или вам часто приходится охотиться на архов?

Линга гордо взмахнула рукой, на которой блеснули клыки арха, и поспешила к Сашу. Он выпустил поводья изможденной лошади и привалился к скале.

– Что тут случилось? – спросил Леганд, подхватывая коня Линги.

– Два моих стражника несли караул у скалы, – помрачнел Гейдр. – Утром я отправил смену, которая вернулась с полпути. Они увидели, что стражники убиты и их тела пожирают архи. Я поднял полторы дюжины оставшихся у меня гвардейцев и поспешил сюда. Результат ты видишь. У меня осталась дюжина воинов. И что при этом убиты два арха и полторы дюжины раддских разбойников, меня совсем не радует.

– Ты обрадуешься еще меньше, если узнаешь, что не только белые волки разгуливают по равнине между Кадисом и Крильдисом, – вздохнул Леганд. – Эти архи и радды только передовой отряд. Их не один ард. Завтра или уже сегодня они могут оказаться здесь.

– Значит, пришло время сложить голову! – зло бросил Гейдр. – Главное – постараться, чтобы голова каждого погибшего салмского гвардейца обходилась врагу как можно дороже. Теперь мы уже не будем так беспечны! Спасибо тебе, старик, и твоим друзьям за выручку.

– Спасибо Орду, – отозвался Ангес, успокаивая лошадей. – Если бы не эти кони, которых мы тебе пригнали, сейчас бы волки хрустели нашими косточками.

– После такой гонки эти лошадки мало на что годны, – прищурился Гейдр. – И только не говорите, что это было единственной целью вашего путешествия.

– Только Эл знает все цели элбана и пути, которые ему выпадут, – развел руками старик. – Меня зовут Леганд. Со мной Тиир, Ангес, Линга и Саш. Вот знак короля Даргона. Но у твоей заставы, Гейдр, мы оказались случайно. Наш друг, Саш, серьезно болен. Мы идем к Колдовскому двору. Нам нужен лекарь.

– Леганд! – испуганно позвала Линга.

Старик шагнул к Сашу и замер. На его обнаженной груди отчетливо выделялись красные, отдающие в синеву узоры.

– Тиир! – крикнул Леганд. – Срочно отвар Лукуса!

– Демон меня заberi! – воскликнул Гейдр. – Неужели вам удалось приручить мертвого копейщика?!

– Нет, – покачал головой Леганд, прикладывая к губам Саша кожаную бутылку. – Этого копейщика никто не сможет приручить. Вот только бы еще не дать ему умереть. Пей, Саш! Сейчас только сон спасет тебя от гибели. Пей! До каменных стен заставы один ли. Потом пара ли по узкой тропинке к гнезду колдуна – и мы на месте. Пей, Саш! Не сдавайся!

Саш глотал пряный напиток, чувствовал, что боль отступает, замещаясь усталостью, веки становятся тяжелыми и глаза закатываются. Последним усилием воли он прижал к груди меч и взглянул на небо. На вершине серой скалы, изогнув шею, сидела черная птица ракка.

Снов не было. Сашу показалось, что и пробуждения не было. Просто родился звук. Сначала как сухой, легкий треск. Затем как шелест. Словно с улицы по стеклу била ветка. Мокрая ветка. Шлепала листьями. Затем прорезался звук капель. Так и осталось. Ветка с мокрыми листьями и капли. То тише, то громче. Долго.

Затем пришла боль. Слабая и ноющая. Словно тысячи искр прожигали тоннели в живой плоти. Оплетали тело. Стягивали невидимой шнуровкой. Возвращались и вновь начинали пробираться раскаленными тропами. В какой-то момент Саш почувствовал, что его обжигает не огонь, а холод. Не огненные искры, а ледяные иглы путешествовали по телу. Сосуды оказались не раскаленными тоннелями, а хрустальными колодцами. Опасно. Нельзя шевельнуться. Они полопаются и разорвут плоть даже от легкой дрожи. Замереть, застыть, самому превратиться в кусок льда. Странно, что дождь за стеклом не умолкает. И ветка шлепает листьями. Она давно должна была примерзнуть к стеклу. Капли должны падать ледяными шариками. И разбиваться на крошечные осколки. И стучать. Как стучит что-то рядом. Близко. И согревает. Хрустальные колодцы слабеют и обрушиваются. Боль уходит. Усталость наваливается. И что-то горячее или, точнее, теплое, мягкое, нежное, родное рядом. Дышит в шею.

Саш вздохнул, открыл глаза, почувствовал скользнувшее по груди и животу тепло, повернул голову и увидел мелькнувшие в разрезе занавеси стройное бедро и часть спины. Скрипнула дверь.

Он постарался дышать глубоко и медленно, чтобы успокоить пробившую дрожь. Услышал знакомый звук. Ветка с треугольными листьями подрагивала на ветру, ударяя по мокрому стеклу. От высокого стрельчатого окна тянуло холодом и сыростью, но небольшая комната в занавесях казалась уютной. Саш с трудом сел, удивляясь дрожащим рукам, сглотнул горечь, накопившуюся на языке, наклонился к кувшину, стоявшему на круглом резном столике. Жадно напился, потянул к себе висевшую на высокой спинке кровати одежду. Невольно вздрогнул, увидев проступающий на руках бледно-зеленоватый узор.

– Ясного дня тебе, Саш, – раздался довольный голос Ангеса.

Священник вынырнул из-за занавеси и, поглаживая живот, немедленно уселся на край кровати.

– Не слишком рассчитывай на его пожелания, – усмехнулся из-за спины Ангеса Леганд. – Дождь не перестает уже неделю!

– Неделю? – удивился Саш.

– Да, уже неделю, – кивнул Леганд, подвинул короткую скамью и присел рядом. – Хотя я думал, что сознание вернется к тебе позже.

– Я здоров? – спросил Саш, вытягивая руки.

– Будешь здоров, – уверенно кивнул Леганд. – Признаюсь тебе, что еще три дня назад я сомневался в этом. Одевайся. Обильной трапезы не обещаю, сразу наесться нельзя, но поправить силы необходимо.

– Вот тут я бы поспорил, – хмыкнул Ангес. – Мне кажется, что поправить силы – это именно наесться!

– Где мы? – поморщился от накатившего головокружения и потянул к себе одежду Саш. – Где мой меч? Мантия?

– Мы в Колдовском дворе, – пояснил Леганд. – Мантия и меч в нашей комнате. Там сейчас Линга. Не волнуйся, чужая рука к ним не прикасалась. Если бы твое лечение оказалось неудачным, они нам могли помешать.

– Чтобы убить меня? – обреченно спросил Саш.

– Не тебя, – покачал головой Леганд. – Существо, в которое ты мог превратиться. Хвала Элу, этого не случилось.

– Не Элу, а Йокке и Линге, – поправил Ангес.

– Йокке? – не понял Саш.

– Лингуда не оказалось в Колдовском дворе, – объяснил старик. – Двор вообще пуст. Нет ни одного колдуна или ученика. Только Йокка, закрывающая двери.

– Что значит закрывающая двери?

– То и значит. Закрывающая двери. Четыре недели назад с Лингудом случился удар. Его едва откачали. Как видишь, старению подвержены даже колдуны. Как только старик пришел в себя, он распустил Колдовской двор и ушел сам. У магов это называется – сменить кожу, обновить дух. Так что вряд ли мы его теперь встретим. Никто не знает, какие он собирается есть плоды, из каких родников пить, в каких пещерах ночевать. На наше счастье, за двором осталась присматривать Йокка – его лучшая ученица. Судя по тому, как она расправилась с огненной змейкой, у Тохха найдутся достойные противники на этой стороне равнины.

– Когда я пришел в себя... – вопросительно окинул взглядом друзей Саш, – здесь была Йокка?

– Хороший вопрос! – поднял брови Ангес. – Видел бы ты Йокку, не спросил бы!

– Это была Линга, – нахмурился Леганд. – Йокка – ари. Пойдем. Сам все увидишь.

Йокка действительно была ари. Стройная, даже тонкая фигура, высокий рост, удивительное лицо, кажущееся в изяществе нарочито кукольным, могли бы свидетельствовать о юном возрасте, если бы не властные глаза. В глазах время выточило бездны. Быстро и в то же время плавно Йокка пересекла узкий зал, который словно был выстроен вокруг длинного стола, обогнула тяжелую скамью, миновала, скользнув по лицу развевающимся платьем, склонившего перед ней голову Тиира и остановилась напротив Арбана. Сжала его виски ладонями, уперлась взглядом, кивком головы дала знак отступить Леганду и Ангесу. Саш вновь почувствовал головокружение, пошатнулся, но устоял.

– Не понимаю, – сказала Йокка.

У нее был прозрачный голос. Либо обертоны сливались, либо тон был только один и выдавал звуки без единой помарки, даже глухие согласные казались звонкими. На валли он звучал особенно чисто.

Йокка оглянулась, заметила вошедшую Лингу и повторила на ари:

– Не понимаю. Сядь, – толкнула Саша на скамью. Положила большие пальцы на скулы, отогнула веки, затем обняла его, прижалась ухом к шее, почти к затылку, прислушивалась несколько мгновений. Пробормотала растерянно: – Не понимаю.

Обернулась к Леганду, выпрямляясь и унося удивительный запах, столь же прозрачный, как и голос.

– Если бы я не видела этого парня неделю назад, решила бы, что он не слишком хороший актер и эти линии выполнены кистью.

– Они не смываются, – заметил Леганд.

– Сойдут сами, – бросила колдунья. – Еще неделя – пожелтеют, потом исчезнут. Почти исчезнут. Любого мертвого копейщика можно было бы излечить таким образом, но смертные элбаны слабы. Линга ему помогла, но половину пути он прошел сам. И я не понимаю, как ему это удалось. Две недели пути от Мерсилванда. Схватка у серой скалы... Как ты сохранил разум, Саш? Я понимаю, что Тохх не стал бы тратить огненную змейку на обычного элбана, но не нахожу следов внутренней силы. Может быть, просто удача преследует тебя по пятам?

– Надеюсь, она нагнала меня в твоём доме, Йокка, – попытался улыбнуться Саш.

Колдунья прищурилась, обернулась к Линге:

– Иди сюда.

Девушка подошла. Шнуровка ее одежды была завязана наспех, в руках Линга держала меч Саша, завернутый в мантию.

– Садись, – показала Йокка на скамью.

Линга колебалась мгновение, затем положила сверток Сашу на колени, села рядом. Саш замер. Лицо девушки покрывали капельки пота, словно ее только что оторвали от тяжелой работы. Йокка поймала его взгляд, задрала рукав Линги, провела пальцами по коже. Точно такие же линии, как у Саша, только бледнее, покрывали кожу.

– Вот кто тебя вернул к жизни, мертвый копейщик Тохха. Помни это!

– Я делала только то, что ты сказала, Йокка, – безучастно прошептала Линга, – принимала на себя его боль и согревала.

– Этого было достаточно, – кивнула колдунья. – Остальное он сделал сам. Правда, и я приложила к его выздоровлению руку. Тебе повезло, Арбан, что в твоей спутнице обнаружилась сила, пусть она и не умеет ею пользоваться. Только женщина, обладающая силой, способна возратить мертвого копейщика. А других женщин здесь нет.

– А ты? – спросил Саш.

– Я? – удивленно склонила голову Йокка и тут же расхохоталась. – Не для тебя! Ты теперь даже не маг. Конечно, если был им. Постарайся поесть и отдохнуть, пока есть такая возможность, иначе ты не будешь и воином тоже. Леганд, я покину вас, но после трапезы жду у проездной башни.

– Наконец-то мы заговорили о еде, – обрадовался Ангес, облизывая губы. – Разрешите, это я возьму на себя?

Священник проворно подхватил блюда и начал наполнять их содержимым внушительного котла. Саш проводил взглядом колдунью, окинул глазами стены, кажущиеся вырубленными в скале, задержался на чудовищном барельефе, изображающем великана, замурованного в камень, обернулся к Линге. Вспомнил мелькнувшие за занавесью спину и бедро, почувствовал жар, ударивший в голову. Покраснел.

– Вот, – поставил перед Сашем чашу с густым напитком Леганд, – выпей этого отвара. Больше пока ничего не получишь. Терпи.

– Не волнуйся, я съем твою порцию овощей, – пробубнил с набитым ртом Ангес и повернулся к Тиiru. – Или поделиться с тобой, принц?

– Нет, – покачал головой Тиир. – Воин ест, чтобы утолить голод, а не ублажить язык.

– О языке тоже не следует забывать, – заметил Ангес. – Да и понятия голода у нас с тобой не сходятся. Кстати, Саш, Тиир делает некоторые успехи в ари!

– Я заметил, – кивнул Саш, чувствуя, как головная боль начинает стучать по вискам. – Леганд, я видел птицу. Ракку. Тогда, на серой скале. Перед тем как потерял сознание.

– Я знаю, – вздохнул Леганд. – Этот колдун и теперь рядом. К счастью, он не может приблизиться к Колдовскому двору, а Тохха все-таки здесь нет.

Колдовской двор больше всего напоминал крошечный замок, словно каменный гриб, прилепившийся к уступу скалы. Две башни выросли из горного склона по краям укрепления, мощенная камнем площадка выдавалась вперед, сводя толстые, низкие стены к массивной проездной башне. Где-то над головой гора выпячивалась, прикрывая удивительное сооружение каменным козырьком. За спиной выдолбленные в скале комнаты и залы создавали ощущение утопленного в гору по самый фасад изящного двухэтажного здания. Несколько деревьев, посаженных в каменные ящики, тянулись ветвями по стенам.

Саш с трудом надел мантию, повесил за спину меч. Сделал шаг – другой и понял, что без посторонней помощи идти пока не может. Друзья подхватили его под руки и сквозь моросящий дождь отправились к воротам.

– Ветер все портит, – пожаловался священник, смахивая с лица капли рукавом. – Задует. В тихую погоду здесь можно прогуливаться как на крытых террасах в храме Эла. Поверь, Саш, я даже в Глаулине не чувствовал себя в большей безопасности, чем здесь.

– Это потому что Колдовской двор пуст, – заметил Леганд. – Побывал бы ты здесь в окружении трех дюжин изошренных колдунов, самый младший из которых не уступил бы Вику Скиндлу! Поверь мне, когда я разговаривал с Лингудом, чувствовал себя мальчишкой. Последний раз подобное испытывал много лиг лет назад. Йокка! – позвал старик.

– Я здесь! – откликнулась с башни колдунья. – Что с Лингой?

– Усталость не отпускает ее! – ответил Леганд.

– Присматривай за ней, Леганд, – посоветовала Йокка. – Женщина легче отдает силу, чем мужчина, но и восполняет ее медленнее. В конечном счете выносливость стоит дорого. Поднимайтесь!

Оказавшись с помощью друзей на площадке, Саш осторожно шагнул к ограждению и замер. Вправо и влево, спускаясь к поблескивающей ленте реки, простиралась узкая горная долина. От проездной башни тянулись, петляя по крутому склону, две тропы. Одна уходила к востоку, сливаясь с полосой тракта, исчезающего в скалах. Другая спускалась вниз. По правую руку от наблюдателей тракт вместе с лентой Кадиса заворачивал к северу, направляясь к равнинам Салмии. А внизу у начала тропы подрагивали на ветру шатры. Не меньше трех вармов раддских мечников возились на каменной террасе, собирая из деревянных балок какое-то устройство. Полдюжины архов переминались на цепи рядом.

– Как видите, враг все-таки догнал нас, – мрачно заметил Леганд.

– Не просто догнал, а запер в ловушке, – пробурчал Ангес. – Слава Элу, хозяйка Колдовского двора гостеприимна, припасов у нее в достатке, а крепость, о которой я много чего отвратительного наслушался в Империи, неприступна и уютна. Видел бы ты, Саш, как поджарились два арха, едва пересекли вон ту терраску!

– Больше они не поджарятся, – отрезала Йокка. – Крепости отстаиваются не колдунами, а воинами. А припасы рано или поздно заканчиваются.

– Так что же? – скорчил гримасу Ангес. – Нам придется сражаться? Защищаться я, конечно, умею, но с архами не приходилось схватываться. С другой стороны, Тиир отличный воин! Жаль, Саш едва на ногах стоит. Укрепления хорошие! С этой башни два-три воина могут сдерживать и полварма нападающих!

– Но не три варма! – не согласился Тиир.

– Слушай, – обратился к Леганду священник, – давно хотел предложить. Может, лучше Лингу обучим языку валли? Надоело уже переводчиком быть. Или, – Ангес скосил глаза вниз, – нам это уже не понадобится?

– Вот наша дорога, – показал Леганд тропу, уходящую к востоку. – Как только Саш окрепнет, попробуем прорваться к Белому ущелью.

– Через владения банги хочешь идти? – растянул губы в тревожной улыбке Ангес. – Свое нравный народец, да и не всякого они пускают в подземные города. А о тех, кого пускают, бывает, что забывают даже родные! В любом случае обойдется это нам в звонкую монету! Эх, будь у меня кошель потолще, я бы что-нибудь придумал... Так к Белому ущелью еще прорваться надо!

– А как же ты, Йокка? – не понял Саш. – Остаешься здесь?

Колдунья прищурилась, скользнула взглядом по лицу Саша, обернулась к Леганду.

– Видишь? – ткнула пальцем в черную точку на раскидистом дереве за Кадисом. – Та самая птичка, о которой ты говорил. Болтаир его имя. Один из высших магов Адии. Еще утром он бродил вокруг архов. Поверь мне, ничто не ускользнет от его глаз. Да и засада у ворот Белого ущелья будет непременно. И не надейся, что архи всегда стоят спиной к нападающим.

– А что собираешься делать ты? – спросил Леганд.

– Я? – удивилась Йокка. – Ну уж не сражаться с ардами Слиммита.

– Баллиста! – неожиданно понял Тиир, присматривающийся к суете у шатров. – Полдюжины осадных лестниц и короткая баллиста. Я думаю, что к полудню соберут. Пожалуй, если пристреляются, по высокой дуге смогут камешки сюда закинуть, но нетяжелые. С головы. Камни будут падать на излете, удары сильными не получатся.

– Йокка! – с поклоном обратился к колдунье Ангес. – Надеюсь, ты не питаешь ненависти к подданным Империи? Несмотря на то что твой учитель не пользовался благосклонностью храма, вреда ему особого никто не причинил.

– Только потому, что он вовремя унес ноги, – оборвала священника колдунья. – Ты хочешь спросить, каким образом собираюсь спастись? Так вот, я закрывающая двери!

– А что это значит? – осторожно спросил Ангес.

– Боюсь, скоро узнаешь, – бросила Йокка и поспешила к лестнице.

– Так! – взъерошил бороду Ангес, осторожно косясь вниз. – Такое ощущение, словно на площади моего городка имперские чиновники затачивают деревянный кол, а я наблюдаю за этим через решетку темницы, в которой я единственный узник. Даже аппетит пропал!

– Ты же только что поел! – изумился Тиир.

– Аппетит, это такая штука, которая должна быть про запас, – начал Ангес.

– Подождите, – недоуменно повернулся к Леганду Саш. – А этот рыжий бородач у серой скалы? Как его?.. Гейдр? Где он? Где застава или поселок? Отчего эти воины внизу так беспечны?

– Они не беспечны, – помрачнел Леганд. – Они уверенно выполняют свою работу, позволяя нам наблюдать и делать выводы.

– Неутешительные выводы! – продолжил Ангес и внезапно посерьезнел. – Думаю, что заставы больше нет. Крепость мне не показалась неприступной. Даже у деррских поселков частокол был повыше... Ворота железом не обиты. Взять ее плевое дело.

– Еще неделю назад это был тыл Салмии, ее заповедные уголки, – объяснил Леганд. – У ворот в Белом ущелье банги устраивали ярмарку, так вот по этой дороге торговцы тянулись иногда неделями. В Кадисе вода портилась от конской мочи. Трактир у заставы был полон. Столы на улице накрывали.

– А теперь? – не понял Саш.

– Застава за этими скалами, – махнул вправо Ангес. – Архи и радды появились три дня назад. А за день до этого оттуда поднимался густой, черный дым. Нет больше заставы. Хочешь проверить?

– Я не умею превращаться в птицу, – покачал головой Саш. – Теперь я обычный элбан. Впрочем, я и раньше не умел.

Баллисту радды собрали к полудню. Дождь не прекращался, холодом тянуло с гор, но небо посветлело, и даже Кадис стал поблескивать на перекатах. Прикрыв оружие щитами, сложенными из обожженных досок, радды засуетились, забегали. Появились лошади, навьюченные мешками. На склон легли широкие лестницы, веревки с крючьями. У поскуливающих на цепи архов мелькнула черная шапка колдуна, и вот уже двое раддов начали натягивать на головы чудовищам колпаки из грубой кожи. Не менее трех дюжин стрелков с огромными, в четыре локтя, луками укрылись за поставленными на попу вязанками хвороста.

– К осаде готовятся! – скрипнул зубами Тиир. – А у нас ни смолы, ни камней, ни воинов.

– Как это, нет воинов? – удивился Ангес. – А я? Да и Саша рано со счетов списывать! У Линги стрел достаточно! Леганд, неужели Йокка нам не поможет? Или она, как этот ее собрат в черной шапке, взмахнет крылышками и оставит нас на съедение голодным архам? На что ты рассчитывал, когда вел нас в эту ловушку? Посмотри, радды уже крутят ворот баллисты!

Распалившись, священник замахал руками и высунулся из башни, показывая на суетящихся врагов. Одним шагом Леганд оказался рядом, схватил Ангеса за плечо и отшвырнул

назад. В тот же миг полдюжины стрел просвистели в проеме и, отскочив от сводов, упали на камни.

– Не торопись умирать! – жестко и отдельно выговорил Леганд оторопевшему священнику. – Элбан, который движется вперед, вовсе не обязан драться в каждом постоялом дворе. Иначе он рискует не добраться до цели!

– Что же делать? – спросил Саш, бессильно облокотившись на стену.

– Сражаться! – твердо сказал Тиир.

– Может быть, и сражаться, – сжал губы Леганд. – Если враг припрет к стене.

– А нас разве еще не приперли? – заворчал Ангес, потирая ушибленное при падении бедро и по-хозяйски собирая стрелы раддов. – Пропала Салмия! Домой хочу, вот что я вам скажу.

– Я могу попробовать снять лучников, – прошептала Линга, с трудом натянув тетиву и прикусывая блеснувшую потом губу.

– Не стоит тратить стрелы, – раздался голос у нее за спиной.

Йокка стояла у лестницы в походной одежде. Свободные штаны были убраны в сапоги, короткий плащ прихвачен ремнем на талии. Волосы стянуты узлом и перевязаны лентой. Изогнутый клинок висел на поясе.

– Что это ты открыл рот, служитель храма? – удивилась колдунья, взглянув на оторопевшего священника.

– Так это... – взъерошил бороду Ангес. – Смотрю на тебя и думаю, что я погорячился. По первому впечатлению представлял тебя варма на два годков постарше!

– Первое впечатление самое верное, – шагнула вперед Йокка, действительно более всего напоминающая девчонку-охотницу. – Что собираетесь делать, путники?

– Вот Тиир собирается сражаться, – состроил гримасу Ангес. – Ну и мы с ним заодно. Может быть, и ты покажешь, на что способна? Хотя бы против колдуна ари?

– Искусство и сила не для балагана, – отрезала Йокка. – А ты? – повернулась она к Леганду. – Как собирался выбираться отсюда?

– Надеялся на тебя, – вздохнул Леганд. – Но ни на твои чары или крылья. На твою тайну. На тайну Колдовского двора. Надеялся и ждал. И жду.

– Выходит, ты знаешь? – смахнула с лица прядь волос Йокка. – Откуда? Белу Лукус, которого мои братья нашли на склонах этих гор полторы дюжины лет назад, не был посвящен в тайну. Только мне и хозяину Колдовского двора она известна.

– Я встречался с Лингудом однажды, – объяснил Леганд. – Четыре варма лет назад. Тогда еще не было Колдовского двора, а на уступе скалы стояла хижина и паслось полдюжины коз. Я пришел к нему тайным путем.

– Значит, ты третий, – поняла Йокка. – Учитель говорил мне, что есть еще один посвященный. Элбан, который знает по именам каждый камень в этих горах. Который старше самого старого дерева в лесах Эл-Айрана. Который видел все.

– Не буду отпираться, – кивнул Леганд. – Твой учитель имел в виду меня. Хотя без преувеличений не обошлось. Я не колдун, Йокка. И не птица. Видел только то, что видели мои глаза.

– Я еще буду говорить с тобой об этом, – задумчиво произнесла Йокка. – Готовы ли твои спутники к пути?

– Конечно. Мешки упакованы. Включая продукты, которые ты приготовила.

– Хорошо, – еще раз окинула взглядом друзей Йокка. – Идите за мной. Нужно торопиться. Скоро архи полезут на стены.

Истощенный вой снизу был ей ответом. На склоне раздался громкий щелчок. Что-то просвистело рядом с башней и упало на каменную площадку. Скрип ворота баллисты сообщил,

что через мгновение последует следующий выстрел. Опираясь о стену, Саш последовал за друзьями к выходу из башни.

На плитах Колдовского двора лежала отрубленная голова Гейдра.

Глава 6

ШИН

Глаулин скрылся из глаз не сразу. Широкие, заросшие деревьями улицы одна за другой упирались в берег Силаулиса, пока не сменились полями и огородами, опускающимися в сумрак. Они попрощались с путниками одновременно – тающий город и тонущий в глади реки Алатель.

Утром Дан первым делом проверил, на месте ли его новый меч, затем, свесившись через борт, плеснул воды в лицо, умылся и отправился на корму, чтобы или помочь Стаки, или на крайний случай выяснить, что там с завтраком. Река изменилась. Раздвинула берега в стороны, замедлила бег, разбежалась на рукава между заросшими кустарником островками и желтоватыми отмелями, усыпанными птицами.

– Смотрите-ка! – закричал Лукус. – А вот и акка!

Неуклюжая желто-серая птица на длинных ногах взмахнула крыльями и поднялась над кораблем.

– Крылья огромные! – восхищенно прошептал Дан. – Как паруса!

– Здесь она редкость, – проворчал Стаки, удерживая румпель и опасливо косясь на Аенора, который улегся возле мачты и, высунув язык, с подозрением поглядывал по сторонам. – А вот когда проходишь рифы у Ингроса и стая подобных пичужек взлетает, то Алателя не видно. Старики говорили, что в былые времена, если акки поднимались с подветренной стороны, паруса висли! Недолго было и на рифы наскочить. Поэтому на каждом корабле, что ходит от Индаина до Пекарила, всегда имеется барабан – птичек распугивать.

– И у тебя есть? – усмехнулся Хейграст, бросая на палубу мешок и присаживаясь рядом с псом.

– Вот мой барабан, – хитро постучал себя по голове Стаки. – Ты на эту мою маленькую неудачу с тканью не смотри. Тем более что она на самом деле удачей обернулась! Я пока просто извозом занимался – горя не знал. Нет, потянуло старика на торговлю. Разузнал, что южные ткани хорошо идут в Заводье. Жил неплохо, а захотелось еще лучше.

– Нормальное желание, – заметил нари, осторожно почесывая Аенора за ухом. – Для тебя все вроде бы закончилось не самым худшим образом?

– О том и речь! – восхищенно крикнул Стаки, глядя, как Аенор от удовольствия закрыл глаза и даже положил голову на колени Хейграсту. – Еще бы узнать, где таких собачек берут...

– А тебе зачем? – спросил Лукус, который прислонился к борту и с интересом рассматривал посох, оставшийся от уничтоженного в Утонье манки.

– Чтобы выяснить, чем их там кормят, – объяснил Стаки. – Богатый край, наверное, если таких собачек держат? Не каждое хозяйство такое чудовище сможет прокормить!

– Меня этот вопрос тоже занимает, – согласился нари, развязывая мешок. – Пока псу голод, я думаю, не грозит. Наверное, немало малов закончили жизнь в его глотке. Смотри, как шерсть лоснится. Но рано или поздно об этом придется задуматься. Сами перекусим тем, что у Залки купили, а дальше либо прикармливать придется, либо обходиться сухарями.

– Не хотел бы я, чтобы голодная собака такой величины смотрела, как я грызу сухарь, – неодобрительно проворчал Стаки.

– Не расстраивайся раньше времени, ведь ты же счастливчик кажется? – успокоил старика Хейграст и достал пику, сломанную оборотнем в Каменных увалах. – Лукус, что ты собираешься сделать со своей деревяшкой?

– Одолжить тебе, пока ты не найдешь что-либо более достойное, – усмехнулся белу и бросил посох нари. – По толщине в самый раз. Чуть длиннее бы, да и так сойдет.

– Что сказал Леганд о материале? – Хейграст с одобрением взвесил посох в руке.

– Не знает он такого дерева. – Лукус наклонился над бортом, некоторое время высматривал что-то, затем с заблестевшими глазами выпрямился. – Я не говорил вам, что белу – отличные рыбаки? Скоро вы в этом убедитесь. А что касается посоха, Леганд считает, что безошибочно может сказать только хозяйка Вечного леса. По виду похоже на смараг, но цвет более темный. Может быть, дерево пропитано каким-то составом? В любом случае не вчера срезана веточка. Фигурка ингу, которую дочь Вика Скиндла подарила Сашу, изготовлена из такого же материала.

– Смараг значит смараг, – проворчал Хейграст, примеряя к посоху наверху пики. – Где-то выкармливают псов размером с лошадь, а где-то рубят на фигурки и посохи священные деревья. Чудны твои дети, Эл-Лиа! А что касается хозяйки Вечного леса – имей в виду, белу, никто ее не видел, даже Леганд не решается заходить в Вечный лес. Может, и нет ее уже давно и вся лесная нечисть живет сама по себе...

– Не знаю, – нахмурился Лукус. – В легендах говорится, что хозяйка пускает в лес только того, кому это действительно нужно. А иногда сама выходит из леса. А еще о том, что любая деревяшка в ее руках может ожить.

– Ты в Вечном лесу был? – строго спросил белу Хейграст.

– На окраине, – пробурчал Лукус.

– Знаю, – кивнул нари. – А потом еле ноги унес. Как ты говорил? Корни деревьев зашевелились, выбрались из земли и напали на тебя?

– Это все сказки, – подал голос Стаки. – Вот я уже давно живу, а не верю ни в магию, ни в колдунов. То, что в Кадише на ярмарках показывают, это все фокусы. Обман.

– Конечно, фокусы, – успокоил старика нари. – Вот только сказать «не верю» колдуну, который на тебя порчу напускает, вовсе не значит остаться неуязвимым.

– А не нужно лезть куда не просят, – махнул рукой Стаки. – Я вот не сразу к сварам прибил, а потом подумал: королевство маленькое, зато на берегу моря, никого не обижает, да и себя в обиду не дает. И вот благодаря Элу, и семья у меня, и дом, и корабль... был. Ничего! – хитро усмехнулся старик. – Построю не хуже этого! Сила в руках еще есть. Рукам надо верить: никакая магия не заставит доску остругаться да на шпангоут лечь.

– Значит, доски сами не стругаются, но опаска некоторая все-таки есть? – понимающе кивнул Хейграст. – Не заменить тебя у руля? Всю ночь уже сидишь.

– Места тут опасные, – расплылся в улыбке Стаки. – Отмель на отмели, вот еще через полдюжины ли рукава да старицы закончатся – там легче будет. Фарватер правее, но там судов хватает. Или ты не просил меня, чтобы глаза речникам не мозолить? С другой стороны, Алатель повыше поднимется – кораблей и здесь прибудет. Посижу я еще. А вы, если хотите помочь, идите на нос и смотрите зорче. Да неплохо было бы что-нибудь и в рот закинуть.

– Сейчас я это устрой, – пообещал Лукус.

– Сколько еще до Шина? – спросил нари. – Если без остановок идти.

– По-разному бывает, – сдвинул брови Стаки. – Если ветер хороший, как сейчас, то за неделю управимся. А то и раньше. А вот по осени, когда ветер чаще навстречу течению дует или в середине лета, когда бывают вообще безветренные дни, то недели две или три.

– Понятно, – кивнул Хейграст и строго взглянул на Дана. – Иди на нос и смотри.

Мальчишка кивнул, поднялся и, пригнувшись под вздувшимся парусом, прошел к носу. Серо-голубые волны Силаулиса разбивались о нос джанки и, вскипая, уходили по бортам к корме. Длинные, извилистые ленты водорослей тянулись вдоль поверхности.

– Будь внимателен! – раздался голос Хейграста за спиной. – Настоящие глубины будут только завтра. Я специально попросил Стаки идти старицами и протоками. Уверен, Латс найдет способ последовать за нами. Так что не только следи за глубиной, но и на встречные корабли поглядывай. Кстати, если увидишь водоросли с круглыми листочками, верная примета, что близко отмель.

– Я и по птицам угадаю, – махнул рукой Дан в сторону очередной стаи разномастных пернатых, бултыхающихся в воде.

– Ночью птиц нет, – заметил Хейграст и тут же задумчиво поскреб затылок. – А как же Стаки ночью вел джанку?

– Так и вел! – рассмеялся, подходя с булочками и мясом, Лукус. – Я сам удивился. Он говорит, что чутье у него особое. В общем, колдовство. Как твоя пика?

– Отлично! – Нари крутанул в руках оружие. – Словно манки специально притащил мне посох. Укреплю еще, конечно, но по месту подходит идеально.

– Что мы будем делать с Рубином Антара? – негромко спросил Дан, взглянув на бодро жующего мясо Стаки.

– Кузнец разжигает горн не перед походом за рудой, а после, – улыбнулся Хейграст.

– А я бы сказал, что еще позже, – заметил Лукус. – Когда плавильня остынет.

– Ну уж, чтобы травник меня железному делу учил, не потерплю! – шутливо погрозил белу Хейграст.

– Что мы будем делать с Рубином Антара? – повторил Дан.

– Не знаю, – признался Хейграст. – Может быть, ничего. Спросим совета у Шаахруса. Если найдем его.

– По крайней мере, предупредим, – добавил Лукус.

– О том, что за нами следил слуга Валгаса и мы, вероятно, привели его к самому Рубину? – поинтересовался Дан.

– Ты становишься взрослым быстрее, чем я мог ожидать, – задумался Хейграст.

– Мы все сделаем, чтобы не привести Латса к Шаахрусу, – твердо сказал Лукус.

– Убьем его?

– Может быть, и так, – нахмурился Хейграст.

Дан оглянулся. Ветер надувал парус, почесываясь о дно джанки, негромко шумела река, покрикивали над отмелями птицы. Алатель поднимался над салмской равниной, рассеивая остатки ночи, скрывающиеся под ветвями плавающего кустарника.

– Очень люблю Салмию, – неожиданно сказал Лукус, выпрямившись во весь небольшой рост. – Особенно течение Силаулиса между Глаулином и рекой Практой, что будет по левую сторону на полпути до Шина. Берега здесь болотистые, деревень почти нет. Тишина.

– А мне больше нравятся горы, – пожал плечами Дан. – Хотя я и вырос на равнине.

– Корни зовут тебя, – заметил Хейграст.

– Не по себе мне, – признался Дан, – всякий раз, когда я узнаю что-то, во что трудно поверить. И больше всего меня поражает то, как долго тянется загадка Эл-Айрана. В голове не укладывается, как может человек, любой элбан жить столько лет! Ведь не демоны же Леганд и Агнран? Второй прожил больше лиги лет, а первый вообще ровесник этой реки! Чаргос, который своими глазами видел смерть бога! Шаахрус, который лигу лет назад принял с головы умершего короля Обруч Анэль с Рубином Антара. Он ведь тогда уже был старым?

– Я понимаю, что тебя гнетет, – вздохнул Хейграст. – На фоне вот таких событий собственная жизнь кажется коротким проблеском лучей Алателя на капле росы. Когда-то об этом же я спросил Заала. Что может дать Эл-Айрану моя короткая жизнь? Он ответил просто – то, что сможет. И еще две вещи он сказал. Первое, что Эл возлагает испытания каждому элбану по его силе и желанию. Второе: Эл-Айран – это не только кусок тверди, омываемый океанами Эл-Лиа. Это и ты сам, и твои друзья, твоя семья, твои еще не рожденные дети и память о твоих мертвых.

– Арбан бы скривился на этих твоих словах, нари, – прищурил глаз Лукус.

– Тот Арбан, который пришел в Эйд-Мер – да, – кивнул Хейграст. – А тому Арбану, которого вытащил Аенор с могильного холма, я бы ничего этого не сказал.

– Я скучаю по нему, – прошептал Дан.

Когда джанка подходила к Шину, Дан уже вполне освоился с корабельной жизнью. Правда, кроме возни с парусом и неожиданно трудного управления рулем пришлось вновь упражняться с Хейграстом на найденных по этому случаю Стаки в трюме деревянных палках, но к концу недели и это вновь вошло в привычку. Кроме всего прочего, нари беспрерывно ворчал, что от долгого сидения ноги забывают, что такое дорога, но именно ноги к каждому вечеру у Дана уставали больше всего. Порой только окрик Стаки приводил мальчишку в себя: «Тише, сумасшедшие! Парус порвете! Зачем я только достал вам эти палки!»

Зато Лукус преобразился. Пожалуй, он выглядел более счастливым, чем когда видел под ногами какой-то редкий цветок. На стоянках белу сбрасывал одежду, зажав в зубах нож, бесшумно нырял в воду и ни разу не показывался на поверхности, не подняв над водой рыбу размером не меньше локтя. Аенор тут же начинал волноваться и скулить, джанка – раскачиваться, а Стаки – изрыгать замысловатые морские ругательства. Что и говорить, всякий раз добыча исчезала в ненасытной пасти пса.

– Как было бы хорошо, если бы, оставаясь большим, этот пес гадил как маленькая собачка, – морщась, заметил Дан, очищая палубу после очередного опорожнения Аенором кишечника.

– Кто тебе мешает научить его делать это в воду? – удивился белу.

– Никто, кроме Стаки, – вздохнул мальчишка, покосившись на дремлющего на носу старика. – Он уверяет, что, если пес подойдет к борту, джанка может перевернуться.

– И он прав, – отозвался Хейграст, удерживая румпель. – Правда, боится пса он зря. Меня больше беспокоит, как бы Аенор не разучился от долгого лежания на боку стоять на лапах.

Услышав свое имя, пес поднял голову и довольно зевнул. Ему путешествие нравилось не меньше, чем Лукусу. Перевернувшись на спину, Аенор изогнулся и засеменил лапами в воздухе, демонстрируя, что с его конечностями все в порядке.

– Не смей! – повысил голос нари. – Или действительно джанку перевернешь, или мачту сломаешь.

– Послушай, нари, – Дан свесился с борта, пригляделся к прозрачным струям и вскочил на ноги, – что это за рыбы? Они не меньше чем по четыре локтя каждая!

Рядом с джанкой в воде стремительно извивались длинные, гибкие тени.

– Риллы! – улыбнулся Лукус. – Скоро Шин. Не больше дюжины лиг осталось! Надо будить Стаки.

– Что за риллы? – не понял Дан.

– Это звери, – почесал нос Лукус. – Такие же как варги, только маленькие. Он обитают на мелководье, заходят в русла рек. И в Салмии, и в Империи их считают священными животными.

– Почему? – не понял Дан.

– Они поют или плачут по ночам, – улыбнулся Лукус. – Впрочем, ближайшей же ночью услышишь сам. На самом деле это бывает только летом – так самец ухаживает за самкой.

– Они плачут по погибшим морякам! – с укором покачал головой, поднимаясь, заспанный Стаки.

– И после этого он будет говорить, что не верит в магию? – скривился Лукус. – Зато верит в сказки!

– Сказки это или нет, а историй, как риллы спасали тонущих и даже отгоняли варг, я не только знаю предостаточно, но и сам кое-что испытал, – проворчал старик, разворачивая припасенную лепешку в локоть в поперечнике.

Старик начал крошить хлеб в воду, и Дан не отказал себе в удовольствии посмотреть, как тени неожиданно превратились в стремительных зверьков с короткими перепончатыми

лапами и забавными усатыми рожицами. Они плескались, выпрыгивали из воды и даже смешно верещали, стараясь ухватить лакомство.

– Все будет хорошо, – улыбнулся Стаки. – Хлеб берут. Отличная примета!

Шин появился неожиданно. Дан полдня сидел на носу, вглядываясь в мельтешение лодок, парусов и кораблей всех мастей. Силаулис раздался на полторы ли, слева сияли снежные громады Мраморных гор, справа на взгорке за полосой тростника шумели высоченные эрны, вдоль берега чередовались рыбацкие деревни на сваях и торговые причалы. Казалось, еще плыть и плыть, когда тростник поредел, обнажив вытоптаный берег, затем потянулись уже привычные огороды, повыше замелькали сараи, дома и, наконец, башни и крепостные стены. Стаки приказал убрать парус, Хейграст и Лукус сели на весла и повели джанку во внезапно открывшуюся протоку. Почти сразу деревенские дома сменились каменными, земляной берег оделся в ракушечник, а чистая протока предстала грязноватым городским каналом.

– Никогда бы не поверил, что можно плыть на лодке по улицам города! – восхищенно вымолвил Дан, едва не свернув себе шею, пытаясь разглядеть все сразу – и разноцветные здания, почти нависающие над джанкой, порой смыкающиеся над головой, и многочисленных торговцев, переполняющих набережные и мосты, по которым мачта «Акки» почти чертила концом.

– Половина Шина стоит на островах! – воскликнул Стаки. – Правда, штормы в Айранском море не редкость, поэтому крайние острова сплошь заняты крепостными укреплениями и волнорезами.

– А это что?! – вскрикнул Дан.

Толстая ящерица размером в два локтя выползла на корму, но мгновенно спрыгнула в воду, услышав глухой рык Аенора, которого Лукус накрыл старым парусом.

– Чата, – довольно протянул Стаки. – Еще одна неприкосновенная морская тварь в Шине. И тому есть объяснение, если риллы уничтожают все, что не слишком чистоплотные жители выбрасывают прямо в окна, то чаты съедают водоросли и тину, которые в противном случае забили бы эти каналы и превратили их в болота.

– Каждый город желал бы, чтобы в нем обитали безобидные твари, поедающие нечистоты, – заметил Хейграст. – К счастью, в некоторых городах жители сами заботятся о чистоте.

– Бывал я в Эйд-Мере, – кивнул Стаки. – Да только и Кадиш чистый город. Скоро ты сам в этом убедишься. Мы еще посидим у меня во дворике под ветвями ароны, выпьем настоящего ктара!

– Сейчас меня больше заботит не ктар, а почему мы выбрали этот путь? – пропыхтел Лукус, отпихиваясь веслом от угла очередного здания. – Насколько я знаю, в порт можно было пройти и по основному руслу?

– Спроси своего друга, кого он боится? – подмигнул белу Стаки. – Кто может высматривать джанку у портовых башен?

– А что мы будем делать в Шине? – спросил Дан.

– Покупать продовольствие и задавать вопросы, – ответил Хейграст. – Об Индаинской крепости, о Сварии, об Эйд-Мере. Если хочешь что-либо узнать, иди на рынок и подначивай продавцов.

– Главное – самому болтать не слишком много, – добавил Стаки.

– Как водится, – кивнул нари. – Пойду я и Лукус.

– А я? – встрепенулся Дан.

– А ты будешь присматривать за щенком, – кивнул Хейграст в сторону высунувшего из-под холстины нос Аенора. – Или предлагаешь Стаки сразу забраться на мачту?

Огромная гавань Шина была окружена цепью мелких островов, на каждом из которых стояла грозная башня. Большинство проходов перекрывали толстые железные цепи, а три срав-

нительно широких пролива охранялись сторожевыми кораблями Салмии. Гавань заполняли всевозможные суда и лодки.

– Слиры, – пробурчал Стаки, косясь на пса и показывая на сторожевиков. – Не смотри что неказистые, до двух вармов человек можно одновременно посадить на каждый. Опять же три мачты. Хотя бывает и по две, и по одной. Да и паруса, хоть и тростниковые, служат исправно. В бурю лучше этого судна не придумаешь, болтает такой кораблик на волнах, у экипажа кишки о зубы бьются, а посудинка не тонет! Будь у меня денег побольше, я бы тоже такой купил. Хотя, с другой стороны, зачем? Я же не купец! К тому же если в штиль, то против лерров ни джанка, ни слир не выстоят. Те и на веслах, и таран у них опять же.

– Которые здесь лерры? – спросил Дан. Стоя почти по горло в воде, он выводил белой краской уже на втором борту джанки слово «Акка».

– Здесь их нет, – пожал плечами Стаки. – На них имперские легионы плавают да пираты промышляют. Только для нас, мелких морских лодочников, разница небольшая – что имперцы, что пираты: все подчистую выгребут, хорошо, если не прикончат. Впрочем, Эл милостив к мудрым и осторожным. Мое счастье, парень, в моей голове! А если в Империю идешь, собирай караван, нанимай имперских сторожевиков в охрану и ни о чем не думай.

– А какие еще здесь корабли? – поинтересовался Дан, выбираясь на борт.

– Разные, – прищурился Стаки. – Хотя их и не так много, как обычно. Вот эти суда, что с прямым парусом и задранными носом и кормой, – торговые имперские. Не завидую я гребцам, что сидят на их скамьях. Это рабы, жизнь которых стачивается за год или два. Поворочай-ка даже вдвоем весло длиной в дюжину локтей!.. А вон те лодки, что с двумя рулевыми веслами, сварские. На ходу хороши, но между рифов я бы на таких вилать не взялся. Вон тот красавец с тремя мачтами и косыми парусами – корабль ари. Но не из Адии. Из дальних стран. Даже не из Эл-Айрана. С косыми парусами корабли только у ари и ангов. Я мореходному делу у анга учился. Только анги и ари пиратов не боятся. Всегда можно уйти при хорошем ветре.

– И ты можешь уйти? – спросил Дан.

– Сомневаешься? – возмутился старик. – Да я на этом суденышке любую лерру в кольцо возьму! Главное – на стрелу не приближаться. И на дурость не рассчитывать. Пираты как рыба, где густо, а где пусто, да только любого рыбака спроси, без рыбы остаться раз плюнуть, а с рыбой прийти – семь потов сойдет! Так чего пиратов бояться? Смотри не зевай – и доживешь до седин! Отсюда, кстати, идти опаснее. Из Кадиша к Шину плыть проще. Течение вдоль берега тащит. Всегда можно в рифы уйти. А вот отсюда так не поплывешь. В море выходить надо. И не дай тебе Эл без охраны к Пекарилу или устью Ваны попасть! Только нам-то на запад надо, а не на юг. Хотя сначала на юг отойти придется. Оставим по правую руку острова Ливра, Навра и Шара и, не доходя до Проклятых островов примерно с полторы дюжины ли, возьмем к западу. Там поймем течение, которое нас напрямик к Кадишу и доставит. Сделаем стоянку, проведем моих и вдоль берега двинемся к Индаинской крепости.

– Почему острова называются Проклятыми? – спросил Дан.

– Потому, – нахмурился Стаки. – Корабли там стоят особенные. Вроде бы имперские, но одновременно и пиратские. Они не просто грабят, они добывают рабов. Если хочешь хлебнуть имперской жизни начиная с невольничьего рынка и до скорой гибели – самая дорога к Проклятым островам.

– Кто это собрался к Проклятым островам?! – вскричал Хейграст, забегая на борт джанки. – Срочно выходим из гавани!

– Почему такая спешка? – поднял брови Стаки.

– Быстро! – заорал, догоняя Хейграста, Лукус. – Стражники Инокса нас преследуют!

– Стоять! – раздались отдаленные крики.

– Ну вот так всегда, – заметил Стаки, хватаясь за канат.

– Парус поднимай! – рявкнул на него нари.

– Стойте! – повторно раздалось со стороны портовой крепости. Не меньше дюжины стражников в салмских доспехах с обнаженными мечами бежали к джанке.

– Навались! – уперся веслом в каменный парапет Лукус. – Только от салмской гвардии мы еще не убежали.

– Все в этой жизни надо испытать! – крикнул Хейграст. – Главное – пройти между башнями, пока они не вытянули цепи!

– Не вытянут! – сипло прохрипел Стаки, натягивая канат. – Посмотри, трехмачтовик ари направляется к башням. Проскочим! Ветер с берега!

– Стоять! – раздалось рядом. – Вы задержаны именем короля Салмии!

Металлический трос взвился в воздух и впился двупалым крюком в борт джанки. Заскрипело дерево. Загремели кованые сапоги по брошенному с пирса трапу.

– Аенор! – заорал нари.

В одно мгновение пес вскочил на ноги и предостерегающе рыкнул на стражу. Увидев внезапно выросшее перед ними чудовище, стражники остолбенели, попятились и вместе с трапом кувырнулись в воду. Парус поймал ветер, трос натянулся, накрывая джанку, и лопнул от удара серого меча.

– Вперед! – зарычал нари.

Весла легли на воду, Стаки вцепился в парус и, найдя взглядом Дана, удивленно оглядывающего собственный клинок, заорал:

– Хватай румпель! Быстро! К северной башне правь!

– А сторожевые как же? – выкрикнул, краснея от напряжения, Лукус.

– Ничего! – прохрипел Стаки. – Проскочим! Я счастливчик!

Дан, с трудом удерживая рвущийся из рук румпель, оглянулся и увидел, что несколько охранников садятся в лодку, остальные бегут к портовой крепости.

– Еще быстрее! – стиснул зубы нари. – Успеют разжечь сигнальный огонь, не уйдем!

– Уйдем! – уверенно бросил Стаки, удерживая быющий парус. – Главное, чтобы на стрелы не взяли. Впрочем, вряд ли. Будут стараться брать живыми. Выйдем в море, а там уже с помощью Эла улизнем!

Джанка прошла пролив у северной башни в то самое мгновение, когда на стене портовой крепости показался дым. Что-то кричали ари с палубы трехмачтового гиганта, отгородившего «Акку» от одного из сторожевиков. Пошла из воды тяжелая, покрытая зеленой слизью цепь, но остановить она уже никого не могла. Прижимаясь к кораблю ари, почти задевая его бортом, джанка проскочила северную башню и вышла в море.

– Теперь молитесь своим богам! – крикнул Стаки. – Нари! На руль, правь на сторожевик. Лукус, Дан, помогите мне!

– Зачем нам плыть к сторожевикам? – заорал Хейграст, бросая весло на палубу.

– Смотри и учись! – коротко бросил старик.

По его знаку Дан и Лукус резко потащили конец паруса на себя, пробежали, не задумываясь, по недовольно заворчавшему Аенору. Джанка накренилась и полетела почти поперек ветра на юго-восток, отдаляясь от бастионов порта, но уходя не в открытое море, а к устью Силау-лиса и Мраморным горам. Уже набравшие ход сторожевики замедлились, суэта воцарилась на палубах, но джанка стремительно миновала их со стороны кормы. Несколько стрел запоздало просвистели в воздухе, пробили парус, упали на излете на палубу, но большей частью утонули в волнах.

– Здравствуй, море! – что было силы заорал Стаки. – Как мне это напоминает юность!

– Что дальше-то делать будем? – спросил Хейграст.

– Поплывем куда и собирались, – прищурился Стаки. – Выправляй понемногу к югу. Бери в сторону рыбацких лодок. Видишь, паруса на излете устья? Там отмели, сторожевики не сунутся. Вот где рыбалка так рыбалка. Не догонят уже. Только кое-чем я тебя, нари, огорчу.

– Это чем же? – заинтересовался Хейграст.

– Джанка с названием «Акка», покрашенная в коричневый цвет с серым парусом, сшитым из сварской парусины, в ближайшие год-два не сможет войти в порт Шина, а может, и Глаулина!

– Правильно ли я тебя понял, Стаки, – прищурился Хейграст, – что джанка с другим названием, покрашенная в другой цвет и с другим парусом сделает это беспрепятственно?

– И уже не раз делала, – усмехнулся старик. – Знал бы ты, нари, как бессовестно обдирает на выходе из порта торговцев салмская таможня!

– Слышал я, что сварская не добрее, – ответил Хейграст, окинул взглядом башни порта, забирающийся на отдаленные холмы удивительный город, сверкающие в лучах Алателя Мраморные горы. – Ну-ка, Дан, покажи клинок.

Мальчишка протянул нари меч. Хейграст провел по клинку пальцем, взглянул на свет.

– Отличная сталь, – пробормотал негромко нари, вернул меч и неожиданно засмеялся. – А ведь пока все довольно неплохо!

Глава 7 ВО ТЬМЕ

Йокка вела друзей по узким ступеням, вырубленным в скале. Ангес не один раз помянул представителей демонского племени, протискиваясь по тесному коридору. И это казалось тем более удивительным, что Тиир, нагруженный кроме доспехов и заплечного мешка еще и заготовленными факелами, ни разу не зацепил выступающие камни и не споткнулся. Саш, стиснув зубы, стараясь не шататься, едва не опирался руками о ступени. Линга шла следом и тоже несла мешок. Правда, Леганд поддерживал ее. Охотница попыталась гневно протестовать, но, натолкнувшись на взгляд старика, промолчала. Йокка открыла тяжелую деревянную дверь, превращая бледные лучики в столб дневного света.

– Поторапливайтесь!

Саш вышел на площадку, обернулся, протянул руку Линге, но она покачала головой, выпрямилась сама.

– Здесь, – кивнул Леганд, смахивая пот со лба. – И хижина на месте. Лингуд оказался бережлив.

Саш оглянулся. Отряд стоял под нависающей скалой на площадке шириной не более двух дюжин шагов. Узким лазом темнел проход в стене, по которому они только что поднялись. Напротив стояла ветхая хижина, больше напоминающая шалаш. Возле расщелины, уходящей в глубь скалы, замерли четыре красноватые каменные бочки, накрытые выщербленными пластинами песчаника.

– Запас воды на случай осады? – поинтересовался оживившийся Ангес. – Пожалуй, нам и одной хватит, а в трех оставшихся можно будет поплавать. Если даже толщина стенки в локоть, все равно на дне можно улечься... Камень странный! На красное вулканическое стекло похоже, но слишком гладкий. Помню, в Гранитном городе...

– Смотри, – оборвал священника Тиир.

Друзья шагнули вслед за принцем к обрыву. Под ногами открылась мощеная площадь. Куски истерзанной плоти покрывали ее.

– Зачем они это делают?! – потрясенно прошептала Линга.

– Они так воюют, – сухо ответил Леганд. – Среди защитников всегда найдутся те, кто предпочтет перерезать себе горло после такого обстрела.

– Только не в нашей компании, – не согласился Ангес.

– Посмотрим, что будет, когда радды спустят с цепи голодных архов и те полезут на запах крови! – бросил Леганд.

– Слышишь вой, мудрец? – сдвинула брови Йокка. – Они уже их спустили. А вслед за архами сюда поднимутся радды, которые собрались у подножия Колдовского двора. Тиир, похоже, ты самый крепкий из всех? Помоги мне.

Колдунья показала на тяжелый каменный молот, стоявший у расщелины.

– Видишь пробки у основания емкостей? Выбей их. Просто сбивай на сторону. Начинай с крайней. С той, что у ступеней. И будь осторожен, постарайся не обрызгаться.

Тиир кивнул, прислонил к стене факелы, сбросил с плеч мешок и поднял молот. Ангес одобритительно крикнул, увидев, как натянулась на широких плечах легкая куртка. Тиир размахнулся и одним ударом сшиб первую пробку. Струя дымящейся красноватой жидкости ударила в камень и, исходя паром, с шипением побежала по ступеням вниз.

– Архи! – крикнула Линга, показывая на переваливающихся через каменное ограждение чудовищ.

– Делай свое дело, парень! – повысила голос Йокка. – У нас мало времени! А ты, Ангес, подними факелы. Заводи элбанов в расщелину, Леганд!

Тиир одну за другой вышиб еще три пробки, дымящиеся струи обратились в поток, а на площади Колдовского двора уже воцарилось страшное пиршество. Архи, выбравшись на крепостной двор, принялись пожирать мертвечину, грызть кости, лизать окровавленный камень.

– Быстрее! – поторопила Йокка принца, удивленно рассматривающего изъеденный, словно кусок сухого меда, молот.

Тиир вздрогнул и, подхватив мешок, побежал к расщелине. Хлопанье крыльев раздалось у сторожевой башни – и через мгновение на ее ступенях появился колдун.

– А ты так умеешь, Йокка? – восхищенно спросил Ангес.

– Я умею... не так, – ответила колдунья и неожиданно вскричала: – Быстро! Отступаем по тоннелю. Факелы не зажигать! Ведите рукой по стене, пока она не станет гладкой.

– Тиир! – взвыл в полумраке Ангес через несколько дюжин шагов. – По ногам же!

– Это я, Ангес, – сухо заметил Леганд. – Отчего ты ползешь?

– Так я по крайней мере не рискую упасть! – огрызнулся священник. – Точнее, уже упал. И ползу я, кстати, быстро. Кто-нибудь ведет рукой по стене? Когда стена будет гладкой?

– Уже! – устало сказала Линга. – По-моему, дюжину шагов назад.

– Здесь! – раздался в темноте голос Йокки. – Ложитесь на пол и молчите!

– И тут я оказался умнее всех! – воскликнул Ангес.

– Тихо! – почти зарычала Йокка.

Саш неловко опустился на колени, лег, ощупывая в темноте странную ребристую поверхность пола. Усталость накатила, не давая отдышаться. Он смахнул с лица пот и неожиданно увидел слабое свечение. Сначала это был легкий сполох, трепещущий огонек. Потом начали светиться руки Йокки. Пальцы, ладони просвечивали насквозь. Что-то появилось у нее в руках. Она словно лепила источник света, пришептывая какие-то слова, напевая глухим голосом одну или две ноты. Но так, что неожиданно заболели уши. Затем колдунья раскрыла ладони, и Саш увидел бабочку. Только вместо крыльев у нее были четыре язычка пламени. Йокка развела руки и дунула. Бабочка поднялась в воздух, затрепыхалась слабым обрывком дневного света и устремилась к выходу. Почти сразу в руках колдуньи появился прозрачный камень с золотой искрой внутри. Вновь повторилось непонятное причитание. Йокка ударила камнем об пол, брызнули стеклянные брызги, и золотая искра стремительным зигзагом скользнула к выходу вслед за бабочкой.

– Теперь молитесь, – в сгустившейся темноте сказала Йокка.

– Элу? – жалобно спросил Ангес.

– Кому хочешь, – сухо отрезала Йокка. – Думаю, с Болтаиrom я бы справилась, но не с войском Слиммита.

– Скала дрожит! – прошептала Линга.

Сухой щелчок раздался с такой силой, что Сашу показалось, будто у него что-то оборвалось в голове. Словно все сосуды, нервы, жилы, мышцы натянулись в одно мгновение и лопнули.

– Вот оно что... – протянул Леганд, но его слова утонули в грохоте.

Ребристая поверхность, на которой лежал Саш, задрожала, какие-то мгновения ему казалось, что вся гора разлетелась вдребезги и он сам летит в воздухе на обломке камня, чтобы вот-вот, через секунду, превратиться в размолотый кусок плоти.

– Всё! – сказал Леганд.

Тишина звенела, отдаваясь болью в ушах.

– Что «всё»?! – истошно завопил Ангес.

– Всё, – еще раз повторил Леганд. – Ангес. Ты глаза-то открой.

Саш тряхнул головой и с трудом встал. Сквозь висевшую в воздухе пыль на фоне неожиданного пятна голубого неба замерли силуэты Йокки и Леганда. Рядом, хлопая глазами, сидел Тиир, в стороне копошился Ангес. Саш обернулся и поймал взгляд Линги. Девушка быстрыми

движениями стряхивала пыль с волос. Не отвела взгляд. Упрямо и жестко смотрела прямо в глаза.

– Что случилось? – спросил Тиир.

– Ничего особенного, – проворчал Ангес, кашляя и чихая. – Саш! Считаю, что Йокка объяснила тебе, что такое «закрывающая двери».

Саш подошел к Леганду, оперся об изломанный край тоннеля, выглянул наружу. Колдовского двора больше не было. Огромный кусок горы словно срезало ножом. Внизу, от подножия обнажившейся скальной породы и до противоположного края узкой долины, поднималась непроницаемыми клубами пыль. Слева закручивался водоворотами запруженный Кадис.

– Озеро будет, – деловито сообщил Ангес, чихнув еще несколько раз. – Я бы назвал его озером Йокки. Или озером Закрытых Дверей. Надеюсь, ворота банги в начале Белого ущелья достаточно подогнаны, чтобы не пропускать сырость?

– Озеро Погибших Врагов, – сказал на валли Тиир. – Одним колдовством уничтожено стадо архов и множество раддов вместе с их колдуном.

– Колдун ушел, – хмуро ответила Йокка. – Это плохо. Хотя могло быть и хуже.

– Не понял! – наморщил лоб Ангес. – Лучше, если бы он остался здесь?

– Лучше, если бы он погиб под камнями, – объяснила Йокка. – У него было мало времени. Он мог уничтожить бабочку или огненную змейку. Выбрал огненную змейку, чтобы не лишиться дара. Не должен был успеть перекинуться в раку. Но успел. Я недооценила его. Хуже, если бы он уничтожил бабочку. Я все равно обрушила бы скалу, но тогда вам пришлось бы нести меня.

– Тыпустила в него огненную змейку? – спросил Саш.

– Огненную змейку Тохха, – усмехнулась Йокка. – Ту, которую вытравила из тебя. Считаю, что она пригодилась.

– Но как эта бабочка обрушила целую крепость?! – воскликнул Ангес.

– Крепость обрушила та жидкость, которая была в этих бочках. Точнее, в гигантских кожаных ведрах, – объяснил Леганд. – Лингуд оказался хитрецом. Когда я был здесь у него, он маскировал емкости хворостом и камнями. Они изготовлены из кожи каменного червя. И наполнены его желчью, которая растворяет камень. И это еще большее чудо, чем сам Колдовской двор.

– Чудес не бывает, – покачала головой Йокка. – Есть магия. Лингуд – великий маг. Я не знаю ему равных. Много лет назад, когда Колдовской двор высился только в его замыслах, он приманил каменного червя, который выжигает этот тоннель. Лингуд убил зверя, едва его голова появилась под лучами Алателя. Затем изготовил эти ведра и многие годы выцеживал желчь. Лингуд все знает наперед!

– Да, – кивнул Леганд. – Этот проход сделал каменный червь. Хотя я думал, что последнего каменного червя в Мраморных горах убили задолго до большой зимы. Или Лингуд много старше, чем я думал?

Саш оглянулся, провел руками по стене тоннеля. Она казалась отполированной или обожженной. Если, конечно, камень мог гореть. Но не это ли они все видели только что?

– Не торопись приговаривать каменных червей к полному истреблению, Леганд, – проворчал Ангес, выбивая из мантии пыль. – В Империи верят, что они и по сей день точат подземные залы в тайных дворцах Эрдвиза. Мне вот другое непонятно – Йокка! Конечно, мы везли сюда Саша в надежде на искусство Лингуда. Я лично преисполнился уважением к горному колдуну, если он сумел воспитать ученицу, которой под силу магия, недоступная обычным колдунам. Но вот в пути я слышал, что есть много и других великих колдунов. Тот же Тохх, если он один такой в Адии. Потом хозяйка Вечного леса, если, конечно, верить сказкам, что рассказывают на ночь маленьким элбанам в Империи и Салмии. Дагр, который обитает в крепости Урд-Ан. Наконец от себя я добавлю Эрдвиза, властителя Слиммита. Да и Катран,

первосвященник храма Эла, не только усердием отличается. С чего ты взяла, что нет равных Лингуду?

– Я всего лишь сказала, что не знаю ему равных, – гордо выпрямилась Йокка. – Я не питаюсь слухами и домыслами. Увижу Катрана, может быть, почувствую его силу. Встречусь с Дагром, скажу и о нем несколько слов. Я многое знаю о них. И о хозяйке Вечного леса, и об Эрдвизе, и о Барде, бывшей когда-то главой высшего круга Адии, у которой сам Тохх в слугах. Но помни, Ангес, истинная сила не обнаруживает себя. Возможно, есть и более великие мастера!

– Насколько я слышал, Барда уже давно умерла? – недоуменно поднял брови Леганд. – То, что Тохх является ее главным слугой, не лишает его сана правителя Адии.

– Лингуд удивлялся, отчего, если Барда была так сильна, она позволила смерти распорядиться собственной судьбой? – усмехнулась Йокка. – В том-то и дело! Никто не развоплощал Барду. Она сама выбрала свою судьбу! Может быть, когда-то и я последую ее примеру. А пока я думаю, что Тохх не сумасшедший, чтобы служить горстке праха. Он всегда служил сам себе. Тогда что он забыл в деррских землях? И отчего слухи поползли по Эл-Айрану, что Барда жива? Может быть, это хитрость Тохха? – Йокка выдержала паузу. – Ладно. Хватит болтовни. Мы идем в одну сторону. По крайней мере, до тех пор, пока тоннель не разделится на разные проходы. Леганд, я могу рассчитывать на путешествие в вашей компании?

– Конечно, – кивнул тот. – Хотя это не может служить и малой толикой нашей благодарности тебе. Тиир, раздай факелы. Зажигать их будем по одному. Я пойду первым, тем более что мне уже приходилось здесь бывать.

– Йокка, – попросил Саш, – объясни мне, что за бабочку ты слепила в ладонях.

– Это была не бабочка, – ответила колдунья. – Желчь побежала по приготовленному желобу и разъела скалу. Но нужен был толчок. Я оживила на несколько мгновений каменное чудовище в стене обеденного зала. Послала ему огонек жизни. Мгновение жизни. Достаточное, чтобы оно попыталось вырваться из каменных тисков.

Саш вспомнил барельеф над обеденным столом и почувствовал, как волосы шевелятся на голове. На мгновение он представил себе ощущения живого существа, заключенного в монолит.

– А ты уверена, что это самое чудовище не очухается, не выберется из-под груды камней и не побежит за нами по вершинам гор? – насторожился Ангес.

– Уверена, – улыбнулась Йокка. – Оно рассыпалось в пыль. То, о чем ты говоришь, неподвластно даже Лингуду. Никому.

Они шли по тоннелю три дня. Сашу показалось, что путь продолжался не меньше недели, но Леганд ответил, что только три дня. Старик уверенно шагал впереди. Когда осталось два факела, Леганд решительно убрал их за спину и выудил из мешка сверток, распавшийся на две шершавые тряпицы. Смочив их водой, одну забросил на спину, вторую отдал Тиiru, замыкающему отряд.

– Это еще зачем, – не понял Ангес.

– Это чешуя морского светляка, – объяснил Леганд. – Дорогу она нам не осветит, но вы будете видеть меня. Обернувшись на Тиира, сможете определить, не слишком ли мы растянлись.

– Но как будешь идти ты? – недоуменно крикнул Ангес.

– Не беспокойся обо мне, – ответил старик. – Я вижу в темноте.

Вскоре Леганд подтвердил свои слова. Внезапно он остановился и защелкал огнивом. Вспыхнул факел, и путники увидели груды камней. Несколько глыб торчали и из отверстия в своде.

– Только не говори, что мы уже пришли! – опередил старика Ангес.

– Нет, – успокоил священника Леганд. – Мы еще не пришли. Но когда придем, я теперь не знаю. Много лет назад я попал в тоннель именно здесь. Бежал из негостеприимной Империи горными тропами и в одном ущелье провалился в этот лаз. Двинулся по тоннелю и вышел к хижине Лингуда. Теперь же отверстия нет. Йокка, Лингуд уходил этой дорогой?

– Да.

Йокка смотрела на старика с интересом.

– Ну он лаз, скорее всего, и закрыл. Обрушил камни с обрыва. Вот даже клочок травы едва успел высохнуть. Зеленая, – значит, в темноту попала свежей. Интересно, как ты собиралась уходить, закрывающая двери?

– Если бы не вы, никуда бы я не собиралась, – скривила губы колдунья.

– А ты думаешь, Тохх терпел бы у себя под боком какой-то там Колдовской двор? – удивился Ангес. – Отнорки для того и строятся, чтобы по ним убираться подальше от норы!

– Разве нора, которую я по вашей милости уничтожила, была негостеприимной для тебя, Ангес? – повысила голос Йокка. – Или я завела вас в ловушку?

– На ловушку непохоже, – согласился Леганд. – Хотя и скатерти, уставленной яствами, и гостеприимного подземного жителя тоже не видно. Нам еще повезло, что глыбы не прошли в отверстие и тоннель не засыпан под потолок, иначе пришлось бы возвращаться.

– А теперь не придется? – запаниковал Ангес. – Смотри, тоннель постепенно спускается вниз! Одному Элу известно, куда он ведет! Может быть, к самым корням гор! А что, если каменные черви до сих пор грызут там скалы? Не знаю, как Лингуд сумел убить своего червяка, а я против таких тварей не воин! Я вообще не воин! А если там тупик? Обвал? Вода? Лава? Ядовитый пар?..

Ангес раздраженно вытер пот со лба, но Леганд оставался спокоен. Он поднял факел. Неровный свет выхватил из темноты лица остальных спутников. Изможденное – Линги. Строгое – Тиира. Язвительно улыбающееся – Йокки.

– Твои опасения не лишены оснований, – кивнул Леганд. – Но тупика или обвала нет. Я чувствую сквозняк. Слабый, но постоянный приток свежего воздуха идет снизу. Вода – может быть. Воздух сырой. Есть опасность, что отверстие окажется небольшим. Предлагаю положиться на волю случая. К тому же тоннель ведет нас в нужном направлении. В любом случае с нашим запасом пищи мы можем путешествовать подземными тропами еще месяц.

– Удовольствие, однако, сомнительное, – нахмурился Ангес. – Положиться на волю случая! Именно так мы и поступаем. Боюсь, что не все случаи могут оказаться нам по нраву. Ладно-ладно! Я даже не буду спорить, потому что уверен – останусь в меньшинстве. Точнее, я, конечно, не останусь в меньшинстве, поскольку один-то уж точно не останусь. Я пойду с вами дальше. Уже хотя бы потому, что в темноте не вижу. А насчет запаса пищи на месяц вовсе не согласен! С моим аппетитом и неделю не продержаться. Или вы собираетесь морить меня голодом?

Леганд не стал прислушиваться к дальнейшим причитаниям Ангеса, ловко перемахнул через осыпь, подождал, пока перебрались его спутники, потушил факел и двинулся дальше. Ангес постонал еще два-три варма шагов и начал учить Тиира языку ари.

– На ари это будет звучать так, – надоедал он принцу. – «Я хочу на свежий воздух».

– «Я хочу на свежий воздух», – странно коверкая слова, терпеливо повторял Тиир.

– Кто же так хочет? – возмущался священник. – Так тебя не поймет ни один здравомыслящий элбан. Повторяй: «Я хочу на свежий воздух».

– Сколько ли у нас за спиной? – спросил Саш Леганда на привале, прожевав кусок сушеного мяса.

– Думаю, три дюжины ли в день мы проходим, – задумчиво сказал Леганд. – Значит, три четверти варма. Еще три дня пути – и мы окажемся прямо под Меру-Лиа. Этого мне хотелось бы меньше всего.

– Почему? – не понял Саш.

– Будет труднее выбраться на перевалы. Под горой владения банги. Империя и Салмия считают, что Мраморные горы – всего лишь граница между ними. Непрístupные кручи, в пещерах которых иногда попадаются сумасшедшие банги. Действительно, разве полезет нормальный элбан под землю, куда не проникают лучи Алателя? Между тем банги думают иначе.

– Ты опять все усложняешь, – заворчал Ангес. – Империя не считает банги сумасшедшими. Больше того, у императора даже есть с банги договор!

– Знаю я этот договор, – вздохнул Леганд. – Кроме правил торговли и обмена там есть очень важный для императора пункт. Банги обязуются возвращать Империи беглых рабов.

– Но это они делают не слишком часто, – вмешалась Йокка.

– Конечно! – воскликнул Леганд. – Потому что гораздо проще дать несчастным замерзнуть на снежных гребнях. А уж если беглец будет слишком настойчив в попытках укрыться в теплых пещерах, ему не избежать печальной участи.

– Надеюсь, банги не пожирают элбанов? – спросил Саш.

– Вряд ли, – кашлянул старик. – Но возвращают они в Империю либо больных, либо умирающих беглецов. Думаю, остальным приходится трудиться в копах или шлифовать каменные своды. У банги богатый опыт использования рабов. И не только со времен Ари-Гарда, где они командовали в горных выработках.

– Значит, банги ничем не лучше раддов или самой Империи, – заявила Линга.

Саш вздрогнул. Девушка за три дня не проронила ни слова. Она оказалась на удивление вынослива. Уже на второй день Саш слышал за спиной не усталую, шаркающую походку больного человека, а еле слышную поступь лесной охотницы. Сашу дорога давалась труднее. Поднимаясь после каждого привала, он думал, что не сможет двинуться с места, но вставал и терпеливо шел вслед за Легандом, прислушиваясь к ворчанию Ангеса, неумелому ари Тиира, легким шагам Линги и ее взгляду, который, казалось, даже в темноте буравил ему спину. Йокка и Леганд двигались неслышно. Теперь же при звуке голоса Линги Саш мгновенно представил вздрогнувшую занавесь, мелькнувшие бедро и спину и почувствовал, как жар ухватил его за щеки.

– Ты по-своему права, – ответил девушке Леганд. – Но банги живут по собственным законам. И не нам их менять. Кроме того, обычно они не рискуют портить отношения с Салмией или Империей. Вряд ли нам что-то угрожает. Меня больше беспокоит то, что горные тропы у подножия Меру-Лиа опасны. Неделя или полторы среди льдов и камней под пронизывающими ветрами – удовольствие не слишком большое.

– Мы могли бы вернуться к южным перевалам, – предположила Линга.

– Могли бы, – согласился старик. – Последняя тропа, по которой это можно было бы сделать, заканчивалась в том месте, где Лингуд завалил выход. И каждый день по этому тоннелю может оказаться равным пяти-шести дням по гребням гор. Если они вообще проходимы!

– Подождите! – возмутился Ангес. – Раз мы идем в нужном направлении, это уже хорошо. Здесь, по крайней мере, довольно тепло. Я вообще не понимаю, зачем вылезать на перевалы, если можно пройти через Гранитный город? Все эти страшные истории про вероломство карликов – сказки! Или ты не знаешь, что я не один месяц провел в Гранитном городе? Никакой угрозы там я не чувствовал!

– А теперь скажи, не отдельным ли ходом тебя вели в книгохранилище Гранитного города? – спросил Леганд. – И выпускали ли хоть куда-нибудь, кроме как справить нужду или принять нехитрую пищу? А в самом книгохранилище разве тебе предоставили возможность побродить между ящиков со свитками и книгами, дали перечень всех фолиантов? Нет. Ведь ты пришел в Гранитный город со списком, который получил в своем храме и по этому списку брал рукописи! Не так ли?

– Так! – чихнул Ангес. – Но зачем тогда банги все эти хлопоты? Не проще было бы законопатить свои пещеры и сидеть там безвылазно?

– Не проще! – отрезал Леганд. – Банги настолько хитры, что, даже пожимая твою руку, умудряются дать при этом только кончик мизинца. За те небольшие уступки, на которые они пошли перед Империей, банги имеют возможность свободно путешествовать от Мраморных до Андарских гор. А теперь подумай, можно ли увидеть в Империи хотя бы одного белу или нари без рабского ошейника? Ты встретишь там в ошейниках лиги и лиги людей, но никогда банги!

– Тебя это огорчает? – холодно спросила Йокка.

– В данном случае меня это настораживает, – ответил Леганд. – Да, банги пропускают через Гранитный город тех элбанов, которые служат им. Да, согласно договорам, они должны пропускать и других путников. Зимой перевалы Мраморных гор вообще непроходимы, а дорога через Холодную степь слишком опасна. Но знаешь ли ты, какую плату они потребуют с нас за проход?

– Живут, можно сказать, в золотых рудниках и зарабатывают на дорожных пошлинах, – сокрушенно покачал головой Ангес. – Ничего удивительного! Южный морской путь кишит пиратами, там тоже не слишком развернешься.

– Тем не менее желающих прогуляться галереями банги немного, – заметила Линга. – Путь от Белых до Красных ворот довольно дорог, хотя нанять дружину охранников для путешествия по Холодной степи будет еще дороже.

– Надеюсь, что нашего золота хватит! – махнул рукой Ангес. – В крайнем случае поторгуемся. Ну не дружину же теперь нанимать!

– И все-таки, – Йокка вновь выдержала паузу, дожидаясь, пока Ангес перестанет сыпать ругательствами, – куда вы идете? Мудрец, который уже не первую эпоху убегает от своей смерти. Девчонка-дерри, беспомощная перед свалившимся на нее даром. Болтливый священник, который кажется мне самым скрытным из всех. Наследный принц, властвующий только над собственным достоинством. Потомок демона, выродившийся в человека... Куда вы идете? Захотели взглянуть на светильник Эла? Что ж, и я бы не отказалась. Но что потом? Украдете его из храма, поднимете над головой, обнажите мечи и ринетесь на вражеские арды? Как бы не споткнуться!

– Я смотрю, на стенах Колдовского двора росли уши?! – воскликнула Линга.

– Они не имели бы смысла, девочка, если бы ушей не было у меня, – спокойно ответила Йокка. – Но без Колдовского двора вы все лишились бы не только ушей, хотя ушей в первую очередь!

– Не думаю, – почти равнодушно произнес Леганд. – Но Саш действительно погиб бы. Мой зеленокожий друг оставил пропуск в Белое ущелье. Ключ. Мы могли выйти через ворота на перевал, не расходуя слишком много монет. Правда, дорога бы наша очень удлинилась. Империя, среднее течение Ваны, долгий путь к озеру Эл-Муун. Месяцы! Волею Эла мы движемся напрямик. Благодаря беде, что стряслась с Сашем. Не скрою, я держал в голове тайный ход Лингуда. Тем более что сам колдун воспользовался проломом, который много лет назад сделали для него мои старые кости. Это к вопросу о том, что значит для каждого из нас случай. – Леганд повернулся к Ангесу.

– А я благодарен тебе, Йокка, – в дурашливом поклоне изогнулся Ангес, – что ты выполнила обряд по закрыванию дверей не в то мгновение, когда мы обедали в пиршественном зале.

– Ты забываешься, толстяк! – оборвала его Йокка. – Я была вынуждена выполнить обряд. Болтаир со своими служками охотился именно за вами. И Колдовской двор оказался в опасности только потому, что я вернула к жизни вашего спутника!

– Теперь Колдовскому двору уже ничего не угрожает, – примирительно пробормотал Саш, но Йокка обожгла его еще более яростным взглядом, чем Ангеса.

– Неужели ты думаешь, Йокка, что могла бы отсидеться в каменном гнезде? – удивился Леганд. – Рано или поздно радды заинтересовались бы логовом горного колдуна. Хотя мне самому еще понятно не все. Да, скорее всего, Болтаир выполнял указания Тохха, он действительно преследовал Саша. Хотя зачем ему Саш? Как ты говоришь? Потомок демона, выродившийся в человека? Силы-то в нем нет! Или больше нет? С чего бы это колдуну высшего круга Адии с вармами раддов и стадом архов гоняться за нами по равнинам Салмии? Да, мы оказались в Колдовском дворе, только чтобы спасти Саша. И, благодарение Элу, ты помогла нам в этом.

– Я никогда этого не забуду, Йокка, – твердо сказал Саш. – Если от меня будет зависеть твоя жизнь, сделаю для тебя все что смогу.

– Что ты можешь? – с досадой протянула Йокка.

– Что касается того, что в Саше нет больше силы... – Леганд задумался, затем махнул рукой. – Ничего не могу сказать. Не знаю. Но уверяю тебя, она была. Великая сила! Сейчас ее нет, но, согласись, большой сосуд рано или поздно можно наполнить.

– А маленький? – не понял Ангес.

– Маленький сосуд можно и не наполнять, в лучшем случае почувствуешь вкус напитка, но не напьешься.

– Надеюсь, это не намек на меня? – насторожился Ангес. – Возможно, я и самый скрытый из всех, но уж точно не самый догадливый!

– В некоторых смыслах ты больше, чем остальные, – успокоил священника Леганд.

– И все-таки, – упрямо продолжила Йокка. – Оставим обиды на пустом месте. Куда вы идете?

– Да в храм же, клянусь жертвенной жаровней! – воскликнул Ангес. – Я по крайней мере. А остальные вместе со мной. А потом уж как получится.

– Как получится? – настаивала Йокка.

– Йокка не мне тебя обманывать и не тебе обманываться, – вздохнув, произнес Леганд. – Мы идем в храм Эла, чтобы взглянуть на светильник Эла. Я уже описал, что происходит в Даре и на окраинах Эл-Айрана. Не думаю, что удивил тебя чем-то. Если я скажу, что мы хотим попытаться залечить язву на теле Дары, ты будешь вправе рассмеяться. Но это так. Если я скажу, что мы хотим остановить арды Слиммита, ты будешь вправе назвать меня сумасшедшим, но и это так. И я не знаю, хватит ли на все это жизни моих друзей, если я прожил лиги и лиги лет, но не продвинулся к этой же цели и на шаг!

– Продвинулся, – негромко бросила Линга. – А как же Саш?

– Он не маг! – отрезала Йокка.

– Разве только маги вершат судьбами мира? – спросил Леганд.

Наступила тишина. Саш слышал неровное дыхание друзей и думал, что, когда услышишь голос в темноте, не видя лица, истина кажется более значительной, чем обычно, а ложь обнаруживает себя даже полутонами. Впрочем, разве кто-то из его спутников лгал?

– Что-то я не понял, – шумно почесался Ангес. – Если Саш не маг, тогда кто спас мою шкуру на холме Мерсилванда? Что это за колдовство? Трава засыхает, загорается. Элбаны спускаются с холма, и они же остаются стоять на прежнем месте. Честно могу признаться, меня до сих пор беспокоит та история. Тем более что все могло случиться и наоборот. Представьте, мы стоим на вершине, а наши двойники спускаются с холма, садятся в лодки и уплывают на другой берег Силаулиса! Мороз по коже! Да и к тому же старые священники говорили, что колдуны могут создавать двойников, но каждый двойник уносит с собой частичку духа оригинала. Так что как бы не похудеть теперь!

– Не похудеешь, – оборвала Ангеса Йокка. – Все, что ты рассказал, не относится к искусству. Это первородная магия. Она не требует заклинаний и каких-то особенных знаний. Для нее нужны только сила и способность этой силой управлять. Талант! Только Тохха не обма-

нешь! Никогда он не перепутает пресную лепешку с блюдами королевской кухни. В Саше нет силы!

– Что ты хочешь этим сказать? – раздраженно выпрямился Леганд. – Нас обвели вокруг пальца? Кто? Саш? Кто же тогда колдовал?

– Кто-то другой, – усмехнулась Йокка. – Вам лучше знать!

– Среди нас нет магов, – решительно отрезал Леганд. – И о своей силе та же Линга знает не больше, чем сказала ей ты. Тохха действительно не обманешь! С чего бы это он решился запустить огненную змейку именно к Сашу? Любого обычного мага Тохх уничтожил бы щелчком пальца! И не говори мне, что Болтаир несилен. Я скорее готов поверить, что твоя сила безмерна, Йокка! Уверен, что можно сосчитать на пальцах двух рук всех элбанов в Эл-Лиа, которым подвластно перекидывание. Что тебя так удивило в болезни Саша? Не в этом ли кроется его сила?

– Сила? – задумалась Йокка. – Хорошо. Я отвечу. Меня удивили две вещи. Первая – излечение Саша. Да, Линга очень помогла ему. Но я была больше чем уверена, что, вылечив его тело, я не смогу сохранить разум. И Лингуд не смог бы. Заклинания, которые с огненной змейкой отправил к Сашу Тохх, не ранят. Они уничтожают. Заклинание мертвого копейщика, которое расползается по сосудам, лишает элбана разума. Навсегда. Словно соскабливает металлическим лезвием. Еще будучи в Империи, Лингуд пытался лечить несчастных, которых отбивали у колдунов раддов до окончания обряда. Тех, по которым голубой орнамент только начинал расползаться. Их привозили связанными по рукам и ногам. Колдун возвращал к жизни каждого шестого. Но они навсегда оставались полоумными придурками, которые пускали слюни и ходили под себя. К счастью, у короля Слиммита мертвых копейщиков никогда не было слишком много. Срок их годности недолог – от силы месяц. А у Саша узор захлестнул уже грудь! Даже Лингуд не взялся бы за мертвеца!

– А Йокка взялась, – хмыкнул Леганд. – И добились успеха! Пожалуй, недостаток опыта может оказаться благом. Но ведь Саш еще не был мертвецом?

– Не знаю, – бросила Йокка. – Но есть и вторая важная вещь. Когда великий маг уничтожает силу противника, на ее месте остается пожарище. Пустота. Как обрубок на месте руки воина, по которой враг ударил мечом. Я бы это увидела. Но ничего такого нет. Саш – обычный элбан. Человек. Слабый человек. Он едва идет за тобой, Леганд. А Линга уже давно оправилась!

– Ее не жалила змейка, – спокойно объяснил Леганд. – И она дочь этой земли. Выйдем на равнину, я подлечу Саша другими средствами. Дорога и лучи Алателя сделают свое дело. Нам еще пригодится воин, который в одиночку может расправиться с архом. Что касается его силы, я бы подождал делать выводы. Согласен только с тем, что он не властен над ней.

– Ее нет! – упрямо повторила Йокка.

– Или ты ее не видишь, – спокойно продолжил Леганд. – Это не одно и то же. Посмотрим. На демона огненная змейка не действует, потому как демон – существо, в котором силы больше, чем тела. Смертного заклинание убивает. А что, если Саш посередине между этими существами? Не это ли все объясняет?

– Скорее я нечто среднее между нари и белу, – расхохоталась Йокка.

– Саш не простой элбан! – неожиданно вмешался Тиир, с трудом подбирая слова. – Я обучался магии в Дье-Лиа. Конечно, я не маг. Мне подвластны только простые и хлопотные заклинания. Я могу зажечь костер, не имея огнива, снять боль, остановить кровь. У меня нет таланта колдуна, но все необходимое воину и правителю я знаю. Так вот, учителя говорили мне, что нельзя погубить мага, который не осознал своей силы. Его можно убить как простого элбана, но его сила как облако. Она расплывчата и неуловима. В этом и риск стези мага. Обретая смысл собственной силы, он становится уязвим!

– Я бы не отказался от такой уязвимости! – воскликнул Ангес. – Правда, первое, чему бы я научился, – распознавать всякие колдовские штучки против своего же брата. Разные там огненные змейки и прочую дребедень.

– Я смотрю, в магии вы разбираетесь лучше меня, – кивнула Йокка. – Или стоите горой за своего друга, который, как я поняла, уже не раз выручал вас. Так, может, он выручит нас и теперь? Я многое могу, но я не каменный червь, чтобы вгрызаться в скалу.

– Это меня, кстати, немало радует! – ехидно вставил Ангес.

– Я не только не собираюсь рассматривать облако, которое, по словам принца, может прятать несуществующую силу Саша, – продолжила Йокка, – я вообще ничего не имею против него. Я, как вы все заметили, вылечила вашего друга.

– Спасибо, Йокка, – в который раз повторил Саш.

– Так, может быть, я имею право знать, куда вы идете? – отмахнулась от него Йокка.

– Даже будучи колдуньей, женщина остается женщиной! – щелкнул пальцами Леганд. – Вряд ли я, повторив свои слова в третий раз, скажу тебе больше, чем ты уже знаешь. Хорошо. Я попытаюсь. Только сначала ответь на вопрос. Зачем тебе это?

– Мне это нужно! – с нажимом произнесла Йокка. – Я ищу знаний и силы. Это мой путь. С тех пор как я покинула свой дом и девчонкой ари сошла с корабля у Индаинской крепости. Это было два варма лет назад. Мой дом далеко за морем. Я уже почти забыла о нем. За эти годы я исходила почти весь Эл-Айран. Я была в Адии, в Лигии, в Азре, Сварии, Эйд-Мере, Империи, Салмии, за Андарскими горами и на крайнем севере. Я собирала знания по крохам. Варм лет назад Эл послал мне в учителя Лингуда. Не всегда он находил для меня достаточно времени, часто отлучался по своим делам, но я выучилась многому. Уходя, он сказал, что мое обучение закончено. Но я по-прежнему хочу знаний и силы.

– Чему ты хочешь научиться у нас? – удивленно спросил Леганд.

– Неужели ты думаешь, что я упущу случай говорить с тобой, старик? – ответно удивилась Йокка. – Не ты ли последний свидетель всей истории Эл-Айрана? Кто, кроме тебя, раскрывает мне тайны этой земли?

– Тайны? – задумался Леганд. – Не все тайны мне известны.

– Но ты пытаешься их разгадать? – настаивала Йокка. – Подумай о моей просьбе, старик. Если наши пути сойдутся, я могу помочь вам. Согласись, хороший колдун на опасной дороге вовсе не помеха. Оставим Сашу сражаться с архами, а колдовство предоставим тому, кто им владеет.

– Что скажут об этом мои друзья? – подумав, спросил Леганд.

– Я соглашусь с твоим решением, Леганд, – сказала Линга.

– Я не против, – подал голос Тиир.

– Худенькая ты, Йокка, – заметил Ангес. – Мешок нести не сможешь. С другой стороны, и ешь немного. Пожалуй, я тоже согласен. Хотя чего меня спрашивать? Я ведь только до храма Эла с вами, а там – служба и страдания по расписанию!

– Я согласен, – откликнулся Саш.

– Что ж, – помедлил еще немного Леганд, – попробую коротко предположить наш путь. Предположить, поскольку вижу общую цель, но не вижу пока дороги к ней. Думаю, что тот, кто лиги лет назад под личиной Бренга убил Аллона, все еще жив. Его подручные либо пытаются завершить его дело, либо хотят вернуть силу своему повелителю. Надеюсь, нам удастся помешать им. Надеюсь, что именно победа над этим врагом излечит Дару и весь Эл-Лиа. Как тебе эта цель? Сдвинуть с места гору Меру-Лиа ненамного легче.

– Ну двигать гору я бы отказалась точно, – усмехнулась Йокка. – Хотя мы почти под ней. Кто же этот правитель?

– Думаю, что это все-таки Бренг, – твердо сказал Леганд.

– Подожди! – возмутился Ангес. – Насколько я понял, известия, что вы принесли с Острова Снов, отрицают это! У него нет имени!

– Я долго думал об этом, – твердо сказал Леганд. – Никто не знает, как был наказан убийца Аллона! Бренга нет ни в садах Эла, ни во владениях Унгра. Кто, кроме него, мог обнажить меч Бренга? Никто! Кто, кроме него, мог пожать руку Аллону и остаться неразоблаченным? Никто! А что, если боги прокляли его и лишили имени?

– Разве имени можно лишить? – неуверенно спросил Ангес. – Можно лишить жизни. Имя можно только забыть. Пока Бренгу продолжают поклоняться, у него есть имя.

– Надеюсь, мы это узнаем, – бросил Леганд. – Но не слишком ли много совпадений? Кроме всего прочего, мы узнали имена некоторых демонов: Лакум, Инбис, Илла... Великий колдун Дагр тоже связан с этой историей. Человек, чья сила сравнима с силой демона. Человек, чьи годы почти не уступают моим. Все они слуги Бренга. Дагр был хранителем знаний Дээз, смотрителем библиотеки в замке Бренга, затем строителем Слиммита. Илла – страж северных ворот Эл-Лиа и ворот Дээз-Гарда. Инбис – страж замка Бренга. Лакум – вот самое зловещее имя в этом списке. Оно многое бы сказало узникам подземелий замка Бренга, в том числе и Арбану-Строителю. Что еще нужно?

– Я пойду с вами, – негромко сказала Йокка.

– Хорошо, – вздохнул Леганд. – Вот еще, что я хотел бы сказать тебе, Йокка, прежде чем поведать уже известное моим друзьям. По поводу мудреца, который уже не первую эпоху убегает от своей смерти. Я не убегаю от смерти. Я иду с ней под руку.

Они шли еще три дня. Тоннель начинал все круче уходить вниз. В какой-то момент Саш подумал, что еще немного – и он упадет и покатится по желобу, когда Леганд остановился. Старик шелкнул огнивом, зажег факел и поднял над головой. Холодом тянуло из отверстия.

– Неужели пришли? – спросил Ангес.

– Не знаю, – Леганд всматривался во тьму. – Впереди открытое пространство, но у меня нехорошие предчувствия.

– Опасность, – подтвердила Йокка. – Но не магия.

– Ну если не магия, тогда мы справимся, – звякнул мечом Ангес. – Чем дальше, тем больше я начинаю ощущать себя воином. Надеюсь, арды раддов в этой норе не поместятся? Архи тем более. А каменные черви ведь не ползают по уже прорытым тоннелям?

– Смотрю, ты осведомлен о привычках каменных червей, – заметил Леганд.

– Я люблю копаться в древних манускриптах! – хвастливо ответил Ангес.

– Охотно верю, – кивнул Леганд. – Больше ни слова. Идите за мной, но держите оружие наготове.

Тоннель раздался через полварма шагов. Леганд потушил факел, мгновения его спутники привыкали к темноте, затем почти одновременно восхищенно выдохнули. Прямо над их головами сиял круг звездного неба. Его границы обрывались вниз вертикальными стенами. В бледном свете звезд камень казался серым.

– Пропать! – прошептал Тиир.

– Да уж, – согласился Ангес. – Стенки-то никак не меньше трех-четырех вармов локтей высоты. Не выберемся.

– Скорее всего, – подтвердила Линга. – Смотрите.

Под ногами лежали кости.

Не говоря ни слова, Леганд прошел вперед. Остановился перед возвышением. Обернулся к Йокке.

– Южный провал?

– Не думаю, что в Мраморных горах есть еще одна похожая пропасть, – процедила сквозь зубы колдунья.

– Согласен, – кивнул Леганд. – Тем более с такой кучей костей.

Саш пригляделся и похолодел. Скалили зубы раздробленные черепа, поблескивали в звездном свете ребра. Темнели обрывки одежды.

– Вот так попали! – протянул Ангес. – Слышал я про эту ямку. Но уж не надеялся попасть в нее. Да и не собирался, впрочем. Путь сюда только один. Три варма локтей полета, после того как гостеприимные банги столкнут тебя с края. И не дай Эл остаться живым при падении. Шеганы пожирают все, что упадет.

– Не шеганы, – мотнул головой Леганд. – Кое-что не менее страшное. Никого не удивляет, что нет запаха гниющей плоти?

– Кости словно отполированы! – заметил Тиир, подходя к Леганду. – Хотя многие из них мне кажутся свежими.

– Так оно и есть, – задумался Леганд. – Я думаю, это щелкуны. Они впрыскивают в трупы яд, а когда тот превращает плоть в лужу слизи, просто высасывают ее.

– Что такое щелкуны? – напрягся Ангес. – Что-то я не слышал о подобных тварях.

– В древних книгах, которые ты так любишь, они назывались костяными мечниками, – объяснил Леганд. – Не бойся. До утра нам ничего не угрожает. Эти твари оживают только с лучами Алателя. Собственно, зачем им шевелиться раньше? Банги казнят невольников по утрам. Приглядишься. Ничего не видишь на стенах провала? На высоте в две-три дюжины локтей?

– Ничего, – растерянно пробормотал Ангес. – Какие-то камни или свертки. Это спящие костяные мечники? Они висят на стенах? Ты ничего не путаешь? Их здесь лиги! Думаю, что они ужасно голодны! Говорят, банги целую эпоху отвоевывали у них пещеры Мраморных гор!

Саш поднял голову. Стены провала были словно покрыты почками. Будто гигантская бабочка отложила лиги грязно-серых яиц, размером с человека, на стены пропасти. И вправо и влево они тянулись сплошной полосой, насколько хватало глаз.

– Почему же они не разбегутся по всему Эл-Айрану? – с ужасом спросила Линга.

– Это древние твари, – объяснил Леганд. – Их время прошло. Щелкуны живут в неглубоких пещерах и провалах. Но банги давно уже захватили пещеры, а сами становятся пищей для щелкунов никогда не желали. Здесь же сравнительно тепло и достаточно еды. Или банги не оставляют этих тварей без пищи, или они при необходимости пожирают друг друга.

– Или нас, – завершила фразу Йокка. – Надо выбираться отсюда. До рассвета не так уж и долго.

– Но как?! – воскликнул Ангес. – Ты-то можешь превратиться в какую-нибудь птичку, а что делать остальным?

– Я просилась идти с вами, но не лететь, – отрезала Йокка.

– Ищем выход! – решил Леганд. – Я и Ангес идем по краю провала вправо, Саш и Йокка – влево. Линга и Тиир осматривают середину. Встречаемся на той стороне. Выход должен быть! Каменный червь как-то попал в эту пропасть. Стараемся не шуметь. И тебя это касается в первую очередь! – Старик повысил голос на Ангеса, который с сухим треском раздавил череп.

Йокка пошла влево, не оборачиваясь. Саш старался от нее не отставать, удивляясь, как она умудряется наступать на сухие кости, не раздавливая их. С каждым шагом надежды на расщелину или отверстие таяли. Стена монолитом уходила в слой костей. Достигнув левого края провала, Йокка обернулась, мгновение рассматривала Саша, затем сказала:

– Я всегда говорю то, что думаю. Или молчу.

– Я понял, – кивнул Саш.

– Я не чувствую в тебе страха. Все боятся. Даже мудрецу не по себе. Ты не боишься. Отчего?

– Я устал бояться, – пожал плечами Саш. – Мне кажется, что в каждом элбане есть какой-то запас чувств. Страх, радости, гордости, ненависти... Во мне страха было предостаточно. Но он весь кончился.

– Понятно, – нехорошо усмехнулась Йокка. – Сменился обреченностью? Ерунда! Элбана можно вычерпать только вместе с жизнью. А в тебе жизнь еще забурлит. Нужно бояться. Не бояться только сумасшедшие.

– Похоже, я поглупел в этом мире, – равнодушно заметил Саш.

– Значит, придется тебя лечить, – прищурилась Йокка. – После того как ты покажешь себя в бою.

– Бой будет? – спросил Саш.

– Скоро рассвет, а значит, и бой, – объяснила Йокка. – Щелкуны ориентируются по запаху и звуку, уйти нам уже не удастся.

– А твоя магия?

– Здесь моя магия уничтожит не только щелкунов, но и нас, – отрезала Йокка. – Да и не хватит моей магии на армию ужасных тварей. Если бы все было так легко, маги правили бы этим миром. Идем. Леганд уже нашел ход.

Это было продолжение пути каменного червя. Ангес с трудом разгреб кости, которые засыпали отверстие на треть, и вытер вспотевший лоб.

– Небо светлеет. Надо поторапливаться! Эх, жаль, ни одного камня, чтобы заложить за собой ход. Только кости!

– Костями и будем засыпать! – приказал Леганд, вылезая из отверстия. – Ход тянется на пять дюжин шагов с небольшим уклоном, потом резко уходит вниз. Судя по запаху, здесь было логово какого-то зверя, но другого выхода у нас нет. На всякий случай, вот веревка. Тиир,крепи ее на выступе скалы над входом. Все внутрь! Теми костями, что остались внутри, попробуем закупорить ход.

– Шевелятся! – показал на начинающие дрожать тени щелкунов Ангес и с удивительной быстротой юркнул в проход. Тиир залез последним. Разматывая веревку и обходя друзей, сгребавших к выходу кости, спокойно сообщил:

– Пока еще сонные, но уже начали передвигаться. По стенам ходят как мухи.

– У всех есть какие-то способности, – с дрожью прошипел Ангес. – Кто-то летает, кто-то ходит по стенам! Если я выживу после этого путешествия, вывести меня из храма Эла можно будет только мертвым!

– Главное – не внести тебя туда мертвым, – безрадостно заметил Леганд, зажигая факел. – Все! Хватит! Уходим! Попробуем спуститься вниз. Веревка прочная, надеюсь, ее не оборвут щелкуны.

– Не попробуем, – мрачно сказала Йокка.

Леганд поднял факел и отпрянул. В темноте уходящего вниз тоннеля блеснули глаза зверя.

– Что это? – прошептал Тиир, осторожно оттесняя в сторону колдунью и вытаскивая меч.

– Шеган! – медленно проговорил Леганд. – Я бросил вниз несколько костей и, наверное, привлек его. Хотя, может быть, он отправился на утреннюю охоту.

– Шеган? – почти простонал Ангес. – Как ты определил? Я однажды видел скелет шегана! Смею верить, я поместился бы в его желудке целиком!

– Ты прав, – отметила Йокка. – Нас спасает именно его размер. Он не может выпрямить лапы в тоннеле. А шеганы нападают только с прыжком.

– Скорее, он охотится тут на щелкунов, – поморщился Леганд. – Если они заглядывают в тоннель, то без сомнения падают прямо в пасть зверю. Зачем ему прыгать? Достаточно просто ждать.

Саш взгляделся в темноту. Бесформенная туша занимала почти всю высоту тоннеля. В свете факела поблескивали глаза и зубы. Чудовище припало к камню, открыв пасть, которая перекрывала проход наполовину.

– Дрянью какой-то от него пахнет! – поморщилась Линга.

– Это как раз значения не имеет! – попытался изобразить бесшабашность Ангес. – Ведь не мы его собираемся есть, а он нас. Улежся! Ждет, когда мы сами свалимся ему в пасть! Нет, Линга, эти зубы у тебя на руке висеть не будут.

– С чего бы это таскать такую тяжесть на руке, – прошептала в ответ Линга.

– Хватит упражняться в красноречии! – зло прошипела Йокка. – Щелкунов слишком много, а с шеганом я не справлюсь. Эта тварь защищена от магии! Что делать?

– Готовиться к завтраку!

Ангес попятился к выходу, неожиданно поскользнулся и упал.

– Леганд! – простонал священник, вцепившись в натянувшуюся веревку. – Как думаешь, какую позу принять? Желательно, чтобы смерть была быстрой и безболезненной!

– Тише! – потребовал Леганд.

Старик разглядывал пол тоннеля. В бледных лучах, пробивающихся сквозь завал костей, поблескивали капли росы.

– Что это?

– Роса! – с досадой воскликнул Ангес. – Сырость! Или ты думаешь, что я поскользнулся на последствиях собственного испуга? Ты что, не знаешь? По утрам на камнях бывает роса.

– Здесь довольно тепло и сухо, – не согласился старик. – К тому же отчего роса только в одном месте? Видишь? Пятно размером в два локтя!

– Вода в камне! – пробурчал, поднимаясь, Ангес. – Вода! Источник, ручей, подземная река... Мы что, воду сюда пришли добывать?

Не обращая внимания на священника, Леганд припал к мокрому пятну ухом, постучал куском кости, подозвал Лингу:

– Послушай!

– Кажется, что-то есть, – подняла голову Линга. – Я слышу шум воды. Только очень слабо. Как за стеной. Не сможем пробиться.

– Может быть, позвать еще одного каменного червя? – съязвил Ангес. – Так он выпихнет этого шегана прямо на нас. Ой! Демон меня задержит!

Возня слышалась у входа, затем веревка натянулась, выскользнула, обжигая священнику пальцы, и исчезла. И сразу костяное щелканье донеслось у входа.

Тиир шагнул вперед.

– Стой! – остановил его Саш.

Мелькающие тени показались ему странно знакомыми.

– Я знаю этих тварей. Кажется, знаю, – прошептал он. – Последни за этим чудовищем. Если что – кричи.

Йокка бросила на Саша холодный взгляд, опустила на колени, приложила к камню ладони. Подняла голову через мгновение:

– Почти половина локтя. Толщина свода подземной реки. Попробую. Не уверена, но попробую сделать проход. Эх, владей Линга собственной силой... Ладно, отдам все что есть. Но потом меня придется нести. Кто тут умеет плавать? Все? Тиир! Не увлекайся охотой на шегана. Не дай утонуть старушке ари.

И снова Саш поймал вопросительный взгляд Линги, нашел в себе силы улыбнуться и шагнул к выходу. Он уже узнал будущих противников. Это были гигантские богомолы с костяными лезвиями с тропы Арбана. Сейчас, мешая друг другу, они суетливо разгребали кости. Точно такие же, как тогда. Правда, на тропе у него была возможность ошибиться. К тому же там он путешествовал один. Саш невольно потер предплечье, в которое однажды вонзился костяной клинок, сжал рукоять меча, с некоторым беспокойством потянул его наружу. Меч плавно вышел из ножен, блеснул прозрачным лезвием, внушая уверенность. Саш на мгнове-

ние закрыл глаза, попытался призвать так странно исчезнувшую силу, ничего не отозвалось изнутри. Что ж, придется положиться только на умение и удачу. Саш оглянулся.

Ангес, слизывая капли пота с верхней губы, замер с мечом позади. Линга натянула тетиву. Леганд стоял над Йоккой, которая начертила круг на камне, закрыв глаза, уперлась в него ладонями и что-то шептала безостановочно и тягуче. За ними во мраке угадывался силуэт Тиира.

Когда последние кости были сметены в сторону, в проходе появилось первое чудовище. Затрещали костяные лезвия. Угрожающе завертелась маленькая голова. Стрела Линги скользнула по панцирю и отлетела в сторону, не причинив щелкуну вреда. Костяной мечник застрекотал и двинулся вперед. Саш сделал мгновенное движение, и щелкун повалился на камень. Трое следующих попытались протиснуться в ход, двое потащили наружу сородича, разрывая и пожирая его на ходу, третий пошел, пощелкивая, на Саша. Остальные теснились у входа.

– Линга! – крикнул Саш, когда очередная стрела отлетела от гигантского насекомого. – Стреляй только в пятно на груди. Вот сюда.

Он уложил еще двоих чудовищ, третьего подстрелила Линга. Их начали пожирать прямо у входа, но уже следующие ряды давили, толкая пирующих на Саша.

– Ах эти банги! – недовольно прошипел Ангес. – Где они там пропали с завтраком для своих питомцев?

– Скоро! – едва прошептала Йокка. – Хотела бы я знать, кто мне помогает.

Струйки крови побежали у нее изо рта, из носа, выступили на пальцах. Она затряслась, надавила ладонями сильнее, зажмурилась, проваливаясь в неведомо откуда появившийся песок, и вдруг кувырнулась в грохочущую темноту, отчаянно просипев:

– Не медлите!

Тиир мгновенно нырнул за ней, задвигая меч в ножны уже на лету. Леганд пихнул вниз Лингу, потянул за мантию Ангеса и крикнул в мельтешение серых теней:

– Саш!

– Сейчас, – процедил тот сквозь зубы. – Еще парочку. А то им тут нечем питаться.

Глава 8

БАЮЛ

К вечеру пятого дня пути разыгралась буря. Стаки тревожно поднялся, пригляделся к темной полоске на горизонте, лизнул палец, поднял руку над головой и весело обратился к Хейграсту:

– Море решило показать нам свой норов, нари!

– Что случилось? – нахмурился Хейграст.

– Шторм идет. Рановато. Не пришло еще время штормов. На две недели раньше срока. И предсказатель в Кадише не предупредил. Да и то, какая ему вера? Шут базарный. Предсказывает, если не сбывается – деньги возвращает. Что мне теперь от этих денег?

– Подожди, – мотнул головой Хейграст. – Лукус! Взгляни на юг, что там?

Белу поднялся на ноги, пригляделся, затем ловко, словно лесная кошка, вскарабкался на мачту.

– Ничего не понимаю в морской погоде, нари, но на равнине я бы пообещал ливень на день или больше и сильный, порывистый ветер. В такую погоду крыши срывает с домов!

– Крыши у нас нет, – с досадой бросил нари и обернулся к Стаки. – Что скажешь?

– Ничего, – процедил сквозь стиснутые зубы старик и вдруг встрепнулся, заорал, засуетился: – Быстро! Белу, пока ты еще наверху, отвязывай парус! Дан, Хейграст! Все с палубы в трюм! Весла, весла убирайте! Если мачту срубят, на весла надежда.

– Как срубят? – не понял Хейграст.

– Ветром, – весело огрызнулся Стаки, резво привязывая себя к рулевому веслу. – Ну если Эл не захочет вашей смерти, так ее и не будет. А если захочет, тут уж трепыхайся не трепыхайся, все одно. Ладно! Ничего с вами не будет, я везучий!

– Так ты себя к рулю привязываешь или удачу? – раздраженно зарычал нари.

Ветер начал усиливаться, и почти освобожденный Лукусом парус затрепетал в воздухе.

– Парус держи! – крикнул Стаки. – Помни, сдохнуть у рулевого весла – честь для моряка. Да только я подыхать не собираюсь, поэтому и вяжу себя! К тому же говорят, что Эл тем, кто собственные жилы из живота тянет, ниточку бросает.

– Какую ниточку? – не понял Хейграст.

– Тоненькую! – показал пальцами Стаки и затянул узел на груди. – Не бойся, нари. Я и не из таких переделок выбирался. Попомни мои слова, ты еще выпьешь ктара во дворе моего дома в Кадише! Две трети пути до Проклятых островов мы уже прошли. Куда буря вынесет, не знаю, но главное – трехглавую вершину не пропустить. – Старик ткнул пальцем в зубчатую линию Мраморных гор. – От нее на восток уходить будем, чтобы к Проклятым островам не попасть. От той вершины течение нас само к Кадишу вынесет!

– Я слышал, устойчивей джанки в море не найти, Стаки? – подал голос, спрыгивая с мачты, Лукус. – Как тебе этот шторм?

– Бывало и похуже, – прошептал старик и тут же заорал во всю глотку: – А ну быстро в трюм! Задраить люк и молиться!

– А как же пес? – замер у раскрытого люка Дан.

– Никак, – бросил Хейграст, опуская внутрь сверток паруса. – Объясни ему, чтобы держался за джанку зубами, лапами и хвостом. Чтобы его в трюм пропихнуть, надо половину палубы разворотить!

– Аенор! – бросился Дан к псу, обхватил его за шею, зарыл пальцы в шерсть. Аенор наклонил голову, моргнул, мягким рыком дал понять, что все понял. Зажмурился от резкого порыва ветра.

– Дан! – заорал Хейграст.

Мальчишка оглянулся, увидел почерневшее, странно подсвеченное торопящимся за горизонт Алателем небо, судорожно ухватившегося за румпель бледного Стаки, темные провалы между набухающих волн и метнулся к люку.

Все дальнейшее превратилось в бесконечный кошмар. Море взбесилось, оно безжалостно встряхивало и кидало джанку, словно собралось переломать бедным путешественникам все косточки! Не единожды Дану казалось, что еще один удар волн, еще одно падение в ужасную пропасть – и он не выдержит. Но следовал новый удар волн, и мальчишка все также лежал, упершись руками и ногами в жалобно скрипящие шпангоуты, и только гадал, началось ли утро за тонкой деревянной стеной, или все еще продолжается бесконечная ночь. Лукус зажег тусклый светильник, плошка, взлетая на короткой цепи, сначала чадила и моргала, а затем выгорела полностью, и во тьме агония хлипкого суденышка казалась еще ужаснее. Дан прижимался спиной к свернутому парусу, с трудом удерживал внутри сжавшийся в болезненный комок желудок и с ужасом прислушивался к пробивающемуся сквозь оглушительный рев ветра и удары волн скрипу дерева. Легкая джанка металась по гребням как перышко, но каждая досочка, из которых был собран корпус, жалобно стонала. Наконец мальчишку вывернуло наизнанку, рядом заскрипел зубами и исторгнул какие-то белужские ругательства Лукус. Хейграст хранил молчание.

– Никогда не стану моряком! – выпалил в отчаянии Лукус, когда очередная встряска заставила и его согнуться в углу над днищем джанки, вдобавок приложив затылком о шпангоут.

– Выживи сначала! – крикнул во мраке Хейграст.

Страшный треск и грохот были ему ответом. Словно гигантское копье пригвоздило утлое суденышко к волнам, затем соскользнуло и, скрежеща, поехало по палубе к борту.

– Молния? – с ужасом выкрикнул Дан.

– Не знаю, – напрягся Хейграст, затем вскочил и метнулся к люку. – Кажется, мачта упала!

Дан поднялся вслед за Лукусом, покатился в сторону от очередного качка, ударился о балку, оперся руками о борт, почувствовав, как дрожат доски под ударами волн, подобрался к люку. Хейграст развязал узел, отбросил крышку и выскочил на палубу. Дан вслед за Лукусом высунул наружу голову и замер. Бешеный ветер почти ослепил друзей, метнув им в лицо косые струи дождя, но даже сквозь них палуба была видна как на ладони. Бесперывные разрывы молний окрашивали ее в ослепительно белый цвет. Вместо мачты посередине джанки на локоть возвышался расщепленный, дымящийся обрубок. Пес исчез. Стаки вел корабль мертвым. Он продолжал сжимать правой рукой румпель, но левого плеча старика, а также части борта джанки не было. Почерневшее море вспухало огромными горбами. Раз за разом джанка поднималась высоко вверх и тотчас летела вниз по очередному склону.

– Горы! – заорал нари, ткнув рукой в непроглядную черноту, и начал судорожно срывать веревки с тела старика.

– Что он делает?! – недоуменно закричал Дан на ухо Лукусу.

– Он будет управлять кораблем! – крикнул Лукус. – Закрывай люк!

– Хейграсту надо помочь! – уперся Дан.

– Чем?! – спросил Лукус.

В это мгновение огромная волна накрыла джанку. Потоки воды хлынули на палубу, швырнули Дана внутрь. Вскочив на ноги, мальчишка вновь шагнул к люку, ухватил Лукуса за плечо. Хейграст, мокрый с головы до ног, уже сидел на месте Стаки, затягивая веревки.

– Старик нашел ту смерть, о которой только мог мечтать! – крикнул Лукус, захлопывая люк. – Убит упавшей мачтой у рулевого весла.

– А как же пес? – спросил Дан.

– Не знаю! – ответил Лукус. – В этом звере силы и магии больше, чем в ком бы то ни было, да и берег не слишком далеко. Хотя в такую бурю я бы не стал рассчитывать на благоприятный исход даже для него.

– А для нас?

– Для нас?..

Новая волна тряхнула суденышко. Ухватившись за основание погибшей мачты, Лукус едва удержался на ногах, подождал, пока поднимется упавший Дан, и выкрикнул ему в лицо:

– Очень рассчитываю! Хотя почти не надеюсь!

Когда шторм закончился, оказалось, что ночь не только прошла, но и Алатель успел подняться и приблизиться к зениту. Лохмотья туч то ли рассеялись, то ли ушли на север, только ветер внезапно стих, и бушующее море превратилось в чуть подрагивающее зеркало. Дан вслед за белу выполз на палубу и, тяжело дыша, повалился на доски. Хейграст спал. Его одежда до пояса была разорвана в клочья, правая рука и бок стерты до крови. Джанка за одну ночь превратилась в развалину. Корпус выдержал, но многие швы сочились влагой, мачты и части борта не было.

– Доставай весла, – сказал Лукус и принялся отвязывать нари.

Когда Дан вытащил весла на палубу, Хейграст уже лежал на досках.

– Что с ним, – спросил мальчишка.

– Ничего, – буркнул белу. – Просто у него не осталось сил. Ни капли. Ни крошки. Ни волоска. Он отдал все. Поэтому грести будем мы с тобой.

– Хорошо, – растерянно кивнул мальчишка, чувствуя, что черные круги плывут у него перед глазами. – Куда будем грести?

– Стаки говорил про гору с тремя вершинами, – озабоченно вспомнил Лукус. – Кажется, вот она. Только она почти на севере. Почему?

– А это что за горы? – спросил Дан, показывая на северо-запад.

– Это не горы, – прошептал Лукус, рассматривая, вздымающиеся из воды кручи.

– Это Проклятые острова, – донесся до друзей слабый голос Хейграста. – Штормом нас унесло на дюжину ли южнее. Остается только надеяться, что местным плавучим негодьям тоже не поздоровилось этой ночью.

– Не надейся, нари, – прошептал белу. – Они идут к нам.

Дан вскочил на ноги и пригляделся. На фоне темнеющего горного массива росла галочка корабля.

– Не уйдем, – упавшим голосом заметил Лукус. – Лерра. Не меньше полуварма гребцов. К тому же штиль.

– Штиль не штиль... – плюнул, с трудом садясь, нари. – Какая разница? У нас мачты нет!

– Что будем делать? – нервно вытащил и вновь задвинул в ножны меч Лукус. – Сражаться или пытаться уйти?

– Ни то ни другое, – покачал головой нари, всматриваясь в горизонт. – Я уж не говорю, что не могу сражаться сам. Бесполезно. На каждом таком кораблике не менее полуварма воинов. Нас утыкают стрелами как мишень с полдюжины шагов. Да и грести – значит зря терять силы.

– Зачем нам силы? – заорал, сверкая глазами, Лукус. – Чтобы терять их, став рабами? Никогда, слышишь? Никогда больше на моей шее не заклепают металлический ошейник! Я сдохну на этой палубе, но сначала убью полдюжины негодяев!

– Ты считаешь, что смерть полдюжины негодяев достаточная плата за гибель элбана, которому, может быть, назначено спасти весь Эл-Айран? – спросил нари, тяжело привалившись к уцелевшему куску борта.

– А что предлагаешь ты?

– Послушай меня, белу, – спокойно сказал Хейграст. – Послушай внимательно, потому что времени у нас мало, а Эл-Айрану и ты, и Дан, и я нужны живыми. Мы не будем сопротивляться. Мы отдадим им все, что у нас есть. Все деньги, оружие. Мы поднимем лапки вверх и будем лизать сапоги имперцам, попутно вымаливая их благосклонность и набивая себе цену. И тогда, может быть, у нас будет возможность сделать то, что мы должны сделать. Умей управлять своей ненавистью.

– Мы станем рабами? – дрогнувшим голосом спросил Дан.

– Думаю, ненадолго, – успокоил его Хейграст.

– Что нужно делать? – прошипел сквозь зубы белу, с ненавистью оглядываясь на приближающийся силуэт корабля.

– Все вещи на палубу, – приказал Хейграст. – Дан, быстро принеси мой мешок, кое-что нужно достать оттуда. Оружие и все ценное сложить у обломка мачты. Еду и воду сюда.

– Зачем? – не понял белу.

– Я очень хочу есть и пить, – твердо произнес Хейграст. – И вы тоже очень хотите есть и пить. Мы будем набивать собственные животы до того мгновения, пока к нашим глоткам не приставят клинки, а руки не заломят за спину. Если хочешь показать кому-либо свою полную беззащитность, садись и ешь перед ним.

– Ты понимаешь, что говоришь? – спросил Лукус.

– Да, – кивнул Хейграст.

К тому времени когда лерра подошла вплотную и под разгоряченные крики столпившихся на палубе воинов пробила тараном борт истерзанной джанки, Дан так успел набить живот, что вряд ли смог бы подняться без посторонней помощи. Между тем восторженные вопли имперцев сменились недоуменной бранью. Вслед за этим на палубу «Акки» спрыгнул высокий и худой человек со впалыми щеками, одетый в черный камзол. За ним выкатился полный, рыжебородый коротышка.

– Капитан Мукка к вашим услугам, – весело вымолвил высокий, присаживаясь напротив друзей.

– Держи, – протянул нари ему внушительный кусок мяса.

– Благодарю, – кивнул капитан. – Я не ем сушеного мяса. Откуда держите путь на этом чудесном корабле?

Взрыв разнузданного хохота был ему ответом. Капитан поднял руку – и столпившиеся на носу воины умолкли.

– Теперь уже и не знаю, – махнул рукой в сторону обломков мачты Хейграст. – Нас здорово потрепало этой ночью. Не мы хозяева этого корабля, но, как видишь, в живых остались именно мы, хотя и болтались в трюме. Остальных, вероятно, смыло волнами.

– Однако румпель к собственным ребрам прижимал ты, зеленокожий, – ткнул в бок нари пальцем Мукка.

– Да, – согласился Хейграст. – Было дело. Знаешь, Мукка, я хоть и не моряк и ничего не понимаю в управлении кораблем, но вид пустой палубы и свободно болтающегося руля произвел на меня столь неприятное впечатление, что я счел благоразумным подержать его некоторое время. Если бы я знал, что невинная поездка из Глаулина в Кадиш закончится столь плачевно, ни один демон не выгнал бы меня в открытое море.

– Зачем тебе в Кадиш?

– За деньгами, – развел руками Хейграст. – За теми самыми деньгами, которыми оплачивается труд искусных ремесленников.

– И в каком же ремесле ты преуспел? – поднял брови Мукка.

– Мы преуспели! – мотнул головой нари. – Смею надеяться, что я очень хороший кузнец. Вон тот меч, по которому твой человек стучит сапогом, – моя работа. Так вот его цена не

меньше трех дюжин золотых. И тот меч, который лежит рядом, стоит не меньше. Его выковал отец вот этого парня, и мальчишка достойный продолжатель таланта собственного отца. Мой помощник.

– Смоки! – резко бросил, оглянувшись, Мукка.

– Отличные мечи, – отозвался толстяк. – Думаю, что они стоят этих денег. Но неужели ты собираешься за них платить?

– Заткнись, бочонок жира! – оборвал толстяка капитан, и новый приступ хохота потряс палубу. – А что может выковать представитель змеиноного племени?

– А демон его знает, – удивился Хейграст. – Скорее всего, ничего. Он мой давний приятель, но тяги к молоту и наковальне я за ним никогда не замечал. Да и не нужно ему этого! Своим умением он зарабатывает больше меня.

– О каком умении ты говоришь? – удивился Мукка.

– Он врачеватель, – объяснил Хейграст. – Знаток трав и снадобий. Согласись, что всякого рода болячки, раны, ломота и расстройства приносят элбану порой больше беспокойства, чем крепость его клинка.

– Интересно, – поднялся на ноги Мукка. – А золото у вас есть?

– Зачем что-то скрывать от доброго элбана? – пожал плечами нари. – Вон в том мешке под мачтой у меня отыщется пять дюжин золотых. Пришлось продать дом и изрядный кусок земли под Глаулином. На новом месте без денег на ноги не встать!

– Пожалуй, ты прав, – кивнул Мукка. – Одно только непонятно, неужели труд хорошего кузнеца уже не нужен салмским королям?

– Нужен-то он, может, и нужен, – почесал затылок нари, – да только голову терять не захотелось. Радды войной пошли на Салмию. Хозяйничают и у Заводья, и у Деки. Глядишь, и до Глаулина доберутся. А мне войны не нужны. Мне бы только кузница, молот, наковальня и горн. И все будет в порядке.

– Будет! – громко засмеялся Мукка. – Будет тебе кузница и порядок. Только выйдешь ты из этой кузницы не скоро. Смоки! Вяжи руки этим салмским лягушкам. Если они так хороши, как о себе говорят, то будут стоять больше цены их мечей. Много больше!

Тут же несколько пиратов, одетых как придется, спрыгнули на палубу джанки и, переменяя свои действия пинками и зуботычинами, стянули веревками руки и ноги друзей, еще несколько человек уперлись шестами и веслами в борт джанки и с трудом спихнули ее с тарана. Суденышко накренилось и начало медленно оседать.

– Прощай, «Акка»! – прошептал Дан и немедленно получил удар кулаком в зубы.

– Молчи, шенок! – рявкнул рыжебородый, одноглазый детина и поволок мальчишку между скамей, на которых застыли с веслами изможденные, закованные в цепи рабы.

Друзей обыскали, тщательно ощупав одежду, и впихнули в затхлую каморку на корме. Через щели в деревянной обшивке струились узкие полосы света, поэтому глаза привыкли к полумраку быстро. Удушливая вонь стояла в воздухе. Ком тряпья в углу зашевелился, и глазам путников предстала испуганная, округлая физиономия банги.

– Чем же здесь так воняет? – недовольно проворчал нари, неловко садясь на связанные ноги. – Под себя, что ли, ходишь, малыш?

– Я не малыш, – хрипло ответил банги. – Меня зовут Баюл. И лет я на этом свете прожил больше тебя, нари. Посмотрю я, как ты будешь справлять нужду со связанными руками, что же касается меня, – банги шевельнулся и, звякнув железом, показал скованные кисти рук, – то вот. Как тебе такое украшение?

– Впечатляет, – мрачно кивнул Хейграст. – Запястья и каждый палец отдельно. Все окольцовано, опутано цепью и заперто на стальной имперский замок. Неужели ты так опасен? Может быть, подковы руками гнешь?

– Может быть, и гну, – плюнул на пол банги. – А может, и еще что-то умею. Только какая от этого польза? Судьба-то у нас разная!

– Конечно, разная! – отозвался Лукус, легко выворачиваясь и перемещая руки из-за спины вперед. – Мы вот в плен к пиратам попали, а ты, скорее всего, путешествуешь со всеми удобствами.

– Молчи, дурень, – зло усмехнулся банги. – Про удобства не скажу, а пока сижу здесь, такие, как вы, уже с полдюжины раз поменялись.

– Куда же они все делись? – поинтересовался нари. – Только не говори, что в котел для прокорма команды гребцов.

– Не знаю, – покачал головой Баюл. – Может, и на прокорм. Те, которые ни на что путное больше не годны. Судя по тому, что вас не слишком помяли, вы-то как раз ценный товар. Обычно таких, как вы, везут на невольничий рынок. В Пекарил или в Илпу, что в устье Ваны. А то и повыше по реке забираются, если товар подороже или заказ какой.

– А на тебя, значит, спроса нет? – нахмурился Лукус.

– Есть, – зевнул Баюл, собираясь вновь упасть на кучу тряпья. – Только Мукка хочет за меня большой куш сорвать. Я выиграш.

– Что такое выиграш? – спросил Дан, поеживаясь от ужаса. Большой медный котел, замеченный на корме, так и стоял у него перед глазами.

– Выграш – это изгой, – объяснил Лукус. – Изгой банги, которого всякий другой банги должен пленить и вернуть в Гранитный город либо убить.

– За что? – не понял мальчишка, пытаясь, как и Лукус, переместить руки вперед.

– Ни за что, – ответил с вызовом Баюл.

– Что ты украл у старцев банги? – спросил Хейграст у карлика.

– Собственную свободу! – бросил обиженно Баюл. – Не нужно красть драгоценности или знания у старцев, достаточно попытаться жить по собственному желанию – и ты неминуемо превратишься в выиграша. Если это тебе неизвестно, то имей в виду, что всякий банги, пусть он проживет на равнине вдали от родных гор даже варм лет, либо выиграш, либо слуга подгорного народа.

– И сколько Мукка рассчитывает получить за выиграша? – поинтересовался Хейграст.

– Варм золотых, – проворчал Баюл.

– Целое состояние! – воскликнул нари. – А сколько стоит в Империи отличный ремесленник?

– Очень хороший может и полварма потянуть, – ответил Баюл, – да только тебе из этой суммы и одного золотого не перепадет. К тому же не рассчитывай на скорое определение судьбы – корабль движется как раз в сторону моего бывшего дома, откуда пару месяцев назад нелегкая дернула меня отправиться вместе со сварским купцом в Шин. Купцу вспороли брюхо, морячков его продали в Пекариле, кораблик сплавили имперским рыбакам, а я с тех самых пор болтаюсь в этой каморке, жду, пока нарочный доберется до Гранитного города и вернется обратно с выкупом.

– Не больно хочется возвращаться в подземные залы? – усмехнулся Лукус.

– Не хочется, – надул щеки банги. – А тебе бы захотелось ехать на расправу? А слышал ли ты о мгновенной смерти в Холодных струях? Или о пропасти костяных мечников? Не под горой Меру-Лиа стоял мой дом!

– А где же? – спросил Хейграст.

– В Индаине, – ответил карлик.

Хейграст переглянулся с Лукусом, сел удобнее.

– Так ты радоваться должен, домой едешь!

– Нет у меня больше дома, – нахмурился Баюл. – А если и цел он еще, то теперь Индаин не то место, где такой, как я, хотел бы жить. Да и не домой меня везут. Война нависла над

Эл-Айраном. Новые хозяева Индаинской крепости флот собирают. Пираты только об этом и галдят. Кто говорит, что хотят Шин грабить, а кто – и до Глаулина добраться. Трещит мир под небом Эл-Лиа по всем швам.

– Эй! – раздался грубый окрик снаружи. – Опять этот отброс разболтался?

Загремели запоры, дверь в каморку распахнулась, и внутрь вкатился Смоки. Пнув для острастки в бок Хейграста, он щелкнул над головой Баюла плетью и, подхватив за связанные руки Лукуса, потащил его наружу.

– Вывернулся уже, змееныш? Проверим сейчас, какой ты лекарь. Раненых да больных у нас хватает. Молись своим богам! Если что не так, варгам скормим. Гребцы-то белужское мясо не очень любят!

Едва дверь захлопнулась и довольное ржанье Смоки затихло, как банги вздохнул, открыл крепко зажмуренные глаза, слизнул узким языком побжежавшую со лба полоску крови и вновь подал голос.

– Мясо нари гребцы тоже не очень любят, поэтому беспокоиться следует прежде всего ему, – мотнул он головой в сторону похолодевшего от ужаса Дана, – или мальчишка тоже хороший ремесленник?

– Отличный, – успокоил банги Хейграст. – И стрелок тоже.

– В кого ты собираешься стрелять? – зло прошептал Баюл. – И из чего? Не скрою, мои пальчики кое-что могут, иначе их бы не заковывали. Мукка специально охотился за мной, не за каждого банги платят по варму золотых, но что толку теперь от этих пальцев? К тому же доски, из которых сколочена эта деревянная клетка, в три пальца толщиной! Ты головой собираешься стучать по ним, нари? А команда? Знаешь, я сразу уберегу тебя от негодных планов побега – на корабле нет ни одной лодки, а к веслам цепями прикованы вовсе не рабы, а отпетые негодяи, которые осуждены сюда самим императором. И каждый из них знает, что, когда лерра вернется в Илпу и Мукка получит новую партию каторжников, те из них, кто выживет, имеют все шансы попасть в команду этого зверя в человеческом обличье!

– Ты назвал его зверем? – удивился Хейграст. – На меня он произвел вполне благоприятное впечатление!

– Купцу, который меня вез, тоже так показалось, – усмехнулся Баюл, – однако он изменил свое мнение. После того как Мукка решил, что не выручит за старика ни одного медяка, а родных у него для выплаты выкупа не нашлось, Мукка собственноручно зарезал его. Внутренности скормил варгам, а остальное бросил в котел. Так вот, когда варги глотали кишки, Мукка держал над бортом еще живого старика, чтобы тот все видел!

Тишина повисла в каморке. Только ругань надсмотрщиков да унылые голоса гребцов, тянущих под скрип весел какую-то песню, разносились над волнами. Дан прищелкнул глазом к щели. Позади каморки вздымалась крутая корма.

– Клетка специально построена на палубе, – подал голос Баюл, ворочаясь в тряпье. – Ее видно со всех сторон. Отсюда не убежишь.

– Скоро ночь, – заметил Хейграст.

– Даже ночью половина гребцов не спит. К тому же сторожевые на носу, на мачте и двое на корме. Ничего не получится.

– Кто новые хозяева в Индаинской крепости, Баюл? – спросил Хейграст.

– Я не знаю, – зевнул карлик. – Но дела там творятся нехорошие.

– Ты сможешь нам попасть в Индаинскую крепость?

– Послушай меня, зеленокожий... – Карлик с кряхтением поднялся, выпутавшись из тряпья и обнажив покрытое нечистотами, грязью и рубцами тело. – Если есть у тебя хотя бы маленькая надежда уцелеть, беги. Если же ты сможешь и мне избежать моей участи, клянусь собственной жизнью, я буду служить тебе до того дня, пока ты не скажешь: иди, банги, ты

выполнил свой долг. И если мне придется закрыть тебя своим телом от стрел врага, я сделаю это!

– Не лучше ли дожждаться прихода твоих сородичей? – поинтересовался нари. – Вдруг удастся договориться с ними?

– О чем? – покачал головой Баюл. – Я четыре дюжины лет дышал воздухом свободы. Четыре дюжины лет скрывался от их соглядатаев. Неужели ты думаешь, что я бы не договорился, если бы мог? Или ты считаешь, что я боюсь смерти? Нет! Ни один банги не боится смерти. Но в отличие от многих, я хочу сам решать, стоит ли мне умереть или подождать! Так ты принимаешь мою клятву, нари?

– Меня зовут Хейграст, – скрипнул зубами кузнец. – Эх, будь я белу, насколько бы легче выскользнул из веревок! Выверну ведь сейчас суставы.

Глава 9

МЕЧ ИКУРНА

Смерть в очередной раз приблизилась и дохнула прямо в лицо. Правда, шелкуны не шли ни в какое сравнение с противниками с тропы Арбана. Костяные мечники двигались медленно. Наверное, лучи Алателя еще не успели пробудить их резвость. К тому же они с большим удовольствием пожирали поверженных сородичей, чем нападали. Саш поразил их не меньше дюжины, прежде чем почувствовал действительную опасность. Он едва успел вставить меч в ножны и бросить взгляд в сторону спуска, откуда, раздраженное отсутствием добычи, начало медленно протискиваться остановившее их чудовище.

«Какой же это горный тигр? – мелькнула в голове мысль. – Это огромная волосатая, зубастая лягушка!»

Саш прыгнул в узкое отверстие, напрягся, ожидая удара, и почти мгновенно перестал чувствовать тело. Холод сковал члены. Вода оказалась ледяной. Она стекала тугими струями по каменному ложу, о которое Саш немедленно отбил колени и локти. Его с силой несколько раз ударило о стены, в крошечной темноте перевернуло, приложило лицом о дно, вновь прижало к стене. Он попробовал дышать, хлебнул воды, едва не задохнулся. Но не от воды, а от холода, обжегшего не только тело, но и горло. Еще один удар едва не лишил его сознания, заставив скрючиться в потоке, подтягивая ноги к животу. Затем камень под разодранной спиной исчез, и Саш ощутил, что летит. На мгновение он открыл глаза, увидел то ли искры, то ли бледные тени, вновь зажмурился и с головой ушел в ледяную воду, с ужасом понимая, что не только не может дышать, но и шевельнуть ни рукой, ни ногой.

– Сюда! – едва различимо сквозь шум воды донесся голос Тиира.

Твердая рука ухватила Саша за шиворот и выволокла на берег.

– Все целы? – попытался спросить Саш, но онемевшие губы произнесли какие-то нечленораздельные звуки.

– Все, – усмехнулся Тиир, и Саш почувствовал, что губ касается край чаши. – Пей и быстро раздевайся! Смотри, какие сокровища таятся в мешке Леганда. Пей!

Саш глотнул тягучего напитка и тут же закашлялся. Жидкость обожгла горло и медленно поползла по пищеводу, устраивая пожар внутри.

– Запить! – прохрипел Саш.

– А ты разве еще не напился, пока плыл по этой теплой речке? – слышался удивленный голос Ангеса. – Подожди, нечего смывать лекарство!

Судорожно растирая гортань, Саш открыл глаза. Вокруг по-прежнему стояла темнота, но в ней можно было разглядеть неясные силуэты друзей, скорчившихся среди слабо фосфоресцирующих растений. У ног колыхалось уходящее в темноту черное зеркало воды. Рядом гремел водопад.

– Поднимайся! – раздался жесткий голос Леганда. – Сбрасывай одежду. Мне некогда тобой заниматься.

Подстегнутый голосом старика, превозмогая слабость, Саш поднялся и непослушными пальцами стал развязывать шнуровку. Сбросил перевязь, мантию, куртку. С трудом стащил с ног сапоги.

– Давай-давай, – поторопил его Тиир, подходя с одеялом. – Снимай все, замотаешься этим. Видишь?

Тело принца было обернуто одеялом, завязанным на плече. Саш с трудом скинул одежду, негнушимися пальцами с помощью Тиира прихватил одеяло узлом. От выпитого зелья внутри поднимался жар.

– Где мы? – прошептал Саш.

– Мы в подземелье! – заговорщицки подмигнул ему Ангес, пытаясь отжать мокрое платье. – И даже кое-что видим. Здесь полно светящихся мхов. Правда, какие-то мерзкие мошки копошатся на них. Но после стольких дней сплошной ночи и это радость! Не все же видят в темноте. К тому же сухие одеяла! Все-таки какой умница этот Хейграст! А я еще спорил, когда он предложил обменяться мешками на берегу Силаулиса. Смотри-ка! Не только одеяло – ничего не промокло! Знал бы, сам бы залез в мешок перед спуском. Только бы эти твари не попадали в дыру, что пробила колдунья!

– Не попадают, – едва выговорил Саш. – Шеган пополз к выходу.

Мудрец возился над Лингой. Девушка лежала откинувшись навзничь, уже завернутая в одеяло. Старик перевязывал ей голову. Йокка сидела тут же. Она подняла на Саша ввалившиеся глаза, с трудом прошептала:

– Я в порядке. Но помочь ей пока не могу. Вся надежда на старика. Девчонка крепко приложила головой. Едва не захлебнулась. К счастью, толстяк плавает как рыба. Вытащил ее мгновенно!

– Опять толстяк? – поперхнулся Ангес, выронив от неожиданности отжатое платье под ноги. – Однако вывод напрашивается только один, в вашем Колдовском дворе был очень скудный рацион. В храме Эла я со своими пропорциями считался худышкой.

Ангес с крихтеньем поднял платье, вздохнул и, поминая демонское племя, побрел к воде полоскать его вновь.

– Леганд, – неуклюже присел рядом Саш, – как она?

– Ничего, – обернулся тот. – А ты легко отделался. Хотя разбит нос, обе губы и ободрана щека. Все?

– Все, – кивнул Саш. – Перед водопадом на повороте приложило об уступ животом, но я уже отдышался.

– Линга встретила этот уступ головой, – вздохнул старик, поднимаясь. – Ничего. Скоро придет в себя. Хотя головная боль ей обеспечена. Понятно, что напоить настойкой я ее не смог, но растер тело. Вот еще одно одеяло, согревай ее.

– Долги надо отдавать, – кивнул Тиир, перебирая мешки.

– То, что Саш должен этой девчонке, ему не выплатить за всю жизнь, – пробормотала Йокка. – Леганд, нет ли у тебя чего-нибудь не такого густого, но не менее жгучего? Кстати, ты не собираешься сбросить мокрую одежду?

Саш, завернув Лингу во второе одеяло, поднял глаза. Леганд единственный оставался в мокрой одежде. Протягивая Йокке глиняную фляжку, он усмехнулся:

– После путешествий по снегам Плежских и Панцирных гор, отрогам Ледяного хребта такое купание ерунда. А провалилась бы ты хоть раз зимой в горную речку, сочла бы, что здесь вода тепленькая. Однако дело не в этом. Тот бальзам, который я дал вам выпить, отнимает силы, но зато некоторое время жара я гарантирую. Моя одежда высохнет мгновенно, а для вашей костер устраивать не из чего. Эти мхи просто пропитаны сыростью.

– Ну это мы еще посмотрим, – заявил Ангес. – Именно возле воды дрова попадают чаще всего. С вашего разрешения я пройду по берегу.

– Где мы? – проводил взглядом священника Саш.

– Недалеко от Меру-Лиа. – Леганд с удовлетворением оглядывал пар, поднимающийся от одежды, и похлопывал себя по плечам. – На изрядное количество локтей глубже Южного провала и на ли восточнее.

– Мне показалось, что я находился в воде только несколько мгновений, – удивился Саш.

– Этого хватило, – объяснил Леганд. – На наше счастье, подводная река бежит по старому пути еще одного червя. Но вода подточила камень, появились выступы, это и стало причиной ушибов.

– Меньше задавай вопросов и крепче прижимай к себе юную деррку, Саш! – Йокка сплюнула на ладонь и грубо выругалась. – Демона мне в глотку! Кровь не останавливается. На несколько дней придется забыть о том, что я колдунья.

– Зато я не забуду об этом ни на мгновение! – прижал ладонь к груди Леганд. – Спасибо тебе. Ты спасла нас. И мне кажется, уже не в первый раз.

– Считай, что я спасала прежде всего саму себя, – прохрипела Йокка. – Хотя кто-то мне все-таки помогал. Очень помогал! Неужели деррка нашла ключи к своей силе?

– Мы все переживали за тебя, – склонил голову Леганд.

– Тогда заодно и поблагодари этого болезного, – кивнула Йокка на Саша. – Противники у него были не слишком опасные, но с мечом он управляется отлично. Арбан, забудь о своем сомнительном, к тому же утраченном, даре. Стань воином. Страшно подумать, Леганд, на что он будет способен, если Эл вернет ему здоровье!

– Ну уж на Эла я не надеюсь, – пробормотал Саш, прижимая к себе безвольное тело Линги.

– А зря, – закашлялась Йокка. – Кстати, что это поблескивало у тебя в руках? Тот самый меч?

– Ты и это заметила? – удивился Леганд.

– Я все замечаю, – вновь сплюнула на ладонь Йокка. – Что ты мне дал? Плохая это идея, тушить костер хворостом. И все-таки где мы?

– Судя по всему, на берегу подземного озера, – заметил Леганд. – Большого озера.

– Это я вижу, – поморщилась Йокка. – Но, соседствуя с банги, кое-что знаю про их владения. Три священных озера известны под отрогами Меру-Лиа. Но ни одно из них не походит по описаниям на это. На берегах тех озер горят жертвенники и стоят храмы, в которых не прекращается служба во славу богоборца Бренга. Да и величина тех озер меньше этого.

– Ты хочешь сказать, что это неизвестное озеро? – нахмурился Леганд. – Вот уж не поверю, что есть что-то в этих горах неизвестное банги.

– Рядом с нами Южный провал! – задумалась Йокка. – Это запретное место. Окажись здесь даже золотые россыпи, банги не посмеют их разрабатывать! Где еще могут водиться щелкуны и шеганы? Слышал ли ты что-нибудь о Холодных струях?

– Одни недомолвки, – вздохнул старик. – Банги говорят о них со священным ужасом. Правда, я считал, что это какая-то подземная река. В любом случае из запретных мест тоже должен быть выход. И он есть. Иначе вода давно бы уже переполнила озеро.

– Только имей в виду, – заявила Йокка, вновь прикладываясь к фляжке, – нырять вы меня не заставляйте.

– Все цело, – сказал, подходя, Тиир.

Саш поднял глаза и неожиданно подумал, что королевское достоинство принца нисколько не страдало, что в любой ситуации – на привале ли, в дороге, в схватке – он брался за самую тяжелую работу. Не так много времени прошло, как Тиир прибил к отряду, и вот он уже стал незаменимым.

– Только лук Линги сломан, да и стрел осталось не больше дюжины. Впрочем, лук ей пока ни к чему. Жаль только, одежду негде высушить.

– Подожди ты ее сушить, – отозвался Леганд. – Возможно, нам придется еще искупаться, прежде чем выберемся отсюда.

– В любом случае мы могли бы завязать одежду в мешки, чтобы одеться затем в сухое! – предположил принц.

– Леганд! – заплетающимся языком пробормотала Йокка, размахивая фляжкой. – Имей в виду, я полезу в воду, только если у тебя есть еще хоть несколько глотков этого пойла.

– Дрова есть! – довольно закричал Ангес еще издали. – Однако мне нужен топор или меч. Не тащить же сюда целую лодку? Она, вероятно, прогнила и почти утонула, но из воды

торчит нос. Всего в двух дюжинах локтей от берега. Тут рядом! Никто не хочет искупаться? Леганд, у тебя есть еще одна веревка? Кстати, не проще ли нам всем перебраться к будущему костру, чем тащить сюда дрова? Там хоть не так сильно шумит этот водопад.

Веревка нашлась. Ангес поднял котел, набил мешки мокрой одеждой и вместе с Тииром исчез в темноте. Леганд, не обращая внимания на возмущенное пьяное бормотание Йокки, поднял ее на руки, обернулся к Сашу:

– Я скоро. Посмотрим, что там.

Саш кивнул, замер на мгновение, прижимая к себе Лингу, чувствуя, как собственное сердце начинает толкаться в груди, затем осторожно отпустил ее, с трудом поднялся. Теперь уже не только нутро источало жар, даже кожа горела. Хотелось немедленно сбросить одеяло и окунуться в черную воду. Оглянувшись, он связал пару мешков, накинул на плечо перевязь, не нашел оружия Линги и повернулся, чтобы поднять ее. Девушка уже стояла. С гримасой она придерживала повязку на лбу и недоуменно озиралась. Саш подхватил свалившееся с нее одеяло и, чувствуя резкую боль в боку и слабость в коленях, все-таки поднял Лингу на руки.

– Я сама, – пробормотала девушка, но крепко обняла его за шею и прижалась, закрыв глаза.

Идти пришлось недолго. Ноги уже обессиленно дрожали, боль обжигала мышцы, когда Саш обнаружил в полутьме Леганда, стоявшего по колено в воде с факелом в руках. Еще дальше пыхтели Ангес и Тиир, вытягивая на берег изящное суденышко длиной не более пяти локтей. Изогнутые борта напоминали опрокинутый месяц. Впрочем, подумал Саш, друзья этого сравнения не поняли бы. Йокка нашлась у большой кучи мхов. Она сидела на камне и копалась в своем мешке. Услышав шаги Саша, колдунья безвольно махнула рукой и пробормотала:

– Если эти элбаны надеются зажечь мокрое дерево, я спрашиваю себя, отчего же они до сих пор не зажгли мокрый мох? И отвечаю: не хватило ума... Что там? Юная охотница пришла в себя?

– Почти.

Саш сбросил на камни мешки, осторожно опустил на них Лингу, поправляя сбившееся одеяло. Девушка тяжело дышала, прикусывая нижнюю губу.

– Ничего, – пробормотала Йокка. – Удар, конечно, был сильный, даже лук сломался. Но голова не пробита. Кто знает, может, лук ее и спас... Ну-ка дай глотнуть девчонке жгучего зелья.

Саш взял у колдуньи чашку, в которую та нацедила немного напитка Леганда, и приложил к губам Линги. Девушка глотнула, закашлялась, схватилась за грудь, пытаясь приглушить жжение, с ужасом открыла глаза.

– Ничего, – пьяно хмыкнула Йокка. – Леганд подтверждает собственную славу. Он не колдун, но его знания и опыт стоят таланта могучего мага. А вот зажигать мокрый мох он не умеет.

Колдунья наконец нашла какой-то сверток, развернула его, опустила пальцы в черный порошок и щедро посыпала им собранный у ног в кучу мох. Раздалось шипение, фосфоресцирующие венчики начали белеть, скручиваться и внезапно с сухим треском занялись низким, но жарким пламенем.

– Давай, демоново семя, – добродушно проскрипела Йокка в сторону Саша, – подгреби сюда несколько охапок мха, иначе мы не успеем просушить одежду. Если бы ты знал, сколько стоит этот порошок, ты бы сейчас метался, как мал на углях! Зажигать колдовским зельем всякую сырость – все равно что мостить дорогу имперскими монетами! Леганд!.. Ну где там наши воины с охапками мокрого дерева?

– Мокрого дерева не будет, – заявил Леганд, появившись из сгустившейся вокруг костра тьмы. – Лодка выкована из фаргусской меди. Это похоронная ладья. А мы с вами находимся на берегу моря Мрака. Или озера Мрака, как угодно. Теперь я понимаю, что значат холодные смертные струи.

Йокка закашлялась и прочитала нараспев, срываясь на хрип:

Не в бегстве от смерти, а в ее поиске,
Ублажая беспощадную холодной лестью,
Мудрец отталкивает веслом берег тоски
И уходит в бесконечное путешествие...

– Именно так звучат строки одного из гимнов банги, – кивнул Леганд. – Поверь, Йокка, меня удивить трудно. Я бы даже сказал – невозможно. Когда мне приходилось перебирать таблички банги, я всякий раз пытался угадать, что из сказаний относится к истории мира Дэзз, а что только вымысел. Я никогда не считал, что древний обряд, согласно которому высшие посвященные – банги, достигшие мудрости, – уходят в море Мрака с открытыми глазами, то есть выбирают смерть, будучи в полном здравии, имеет под собой какую-то реальную основу. А то, что реальное море Мрака находится именно в недрах Меру-Лиа, в голову никогда бы не пришло!

– Банги скрытны, – согласилась Йокка. – Хотя я ничего удивительного в этом не вижу. Тем более что, по уверениям тех же банги, право уйти в море Мрака с открытыми глазами получали только избранные. Единицы! Даже Лингуд не был осведомлен о том, где карлики хоронят своих мудрецов и вождей.

– Но о том, что смерть в ледяных струях банги считают почетной, знают многие, – не согласился Леганд. – Ангес! Тиир! Что там?

– Вот! – Из темноты вынырнули священник и принц.

Тиир осмотрелся и осторожно опустил на камни какой-то предмет. Ангес вытер пот со лба, присел у костра, оглядел спутников с усталой усмешкой.

– Кажется, охотница пришла в себя? Я очень рад. Кстати, я дал маху насчет дровишек для костра. Лодка металлическая, хотя на воде держится лучше выдолбленных стволов шаи. Хозяин сам утопил ее. Там внутри такая хитрая пробка на цепи. Стоит ее повернуть, как вода наполняет посудинку за мгновения. Натыкался я на упоминания про это море Мрака и согласиться с вами не могу. Хотя, возможно, некоторые банги собственные сказки восприняли как руководство к действию. Нашли неизвестное озерцо, покрыли его тайной и устроили тут кладбище. Ну или последний приют для немощных и умалишенных.

– Древнее это кладбище или нет – значения не имеет, – отозвался Тиир. – Ни один народ не обрадуется, если чужеземцы оскверняют его храмы или тревожат мертвецов. Но насчет того, что хозяин лодки сам утопил ее, я не согласен. Кто же это делает на мелководье? И почему лодка только одна, если это кладбище?

– Мудрецов у банги маловато! – хихикнул Ангес.

– Лодки будем искать, – нахмурился Леганд. – Тем более что иначе нам отсюда не выбраться. Нужно найти место, откуда отплыла лодка. Берег заканчивается в полуварме шагов отсюда. Вертикальная стена уходит в воду. Мхи некогда росли под водой. Судя по отложениям солей на стенах пещеры, уровень воды был на три-четыре локтя выше. Таким образом, лодочник утопил суденышко никак не на мелководье!

– Но зачем? – не понял Ангес.

– Пока не знаю, – ответил Леганд. – Думаю, что у него были для этого основания. Возможно, он хотел быстрой смерти. Возможно, пытался скрыть лодку. Она изготовлена из

дорогого и редкого металла. Значит, лодочник был важной птицей. Но это можно проверить. Согласно гимнам банги, мудрец отправлялся в море Мрака в одиночестве без еды и питья.

– Да уж питья тут в достатке! – воскликнул Ангес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.